

КАНТ

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES SERIES

10.00.00 PHILOLOGICAL SCIENCES
17.00.00 ART STUDIES
22.00.00 SOCIAL SCIENCES
23.00.00 POLITICAL SCIENCE
24.00.00 CULTURAL STUDIES

ISSN 2305-8757

ВИТГЕНШТЕЙН О МУЗЫКАЛЬНОЙ ГЛУБИНЕ И
НАШИХ ЗНАНИЯХ О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ •
ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ВЛАСТИ В
УСЛОВИЯХ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ:
(МАКРО)СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
КОНЦЕПЦИИ М. МАННА • СОЦИАЛЬНОЕ
САМОЧУВСТВИЕ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК
СУБЪЕКТИВНЫЙ И ОБЪЕКТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛИ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ • НАЦИОНАЛЬНАЯ
И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В
ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ •
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ • ФАРИСЕЙСТВО: ОБРАЗ И СМЫСЛЫ

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований за счет средств издательства по следующим отраслям наук:

10.00.00 Филологические науки, 17.00.00 Искусствоведение, 22.00.00
Социологические науки, 23.00.00 Политические науки, 24.00.00 Культурология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО "Издательство

СТАВРОЛИТ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Абдуллаева Рена Габиб кызы, д-р искусствоведения, профессор, Институт архитектуры и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку)

Грачев Сергей Иванович, д-р полит. н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н., проф., Пятигорский государственный лингвистический университет (Пятигорск)

Костина Анна Владимировна, д-р культурологии, д-р филос. н., проф., Московский гуманитарный университет (Москва)

Лёш фон Хельмут, д-р музыковедения, Государственный институт музыкальных исследований (Берлин)

Лю Сюянь, д-р филолог. н., проф., Полицейская академия при Министерстве общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социолог. н., проф., Северо-Кавказский социальный институт (Ставрополь)

Праххакара Джатъяло Рао, профессор лингвистики, Центральный университет Хайдерабада (Хайбарабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р искусствоведения, профессор, этномузыковед, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдулвагаб оглы, д-р искусствоведения, профессор, Национальной академии наук Азербайджана, член-кор. Национальной академии наук Азербайджана (Баку)

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес: 355044, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2020, № 2(4), 1-100 с.

Главный редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректура К.Д. Ковтун

Подписано в печать 05.10.2020. Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 12,38. Уч.-изд. л. 19,00. Тираж 100 экз. Заказ № 546.

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanitarian фокусируется на специальных и общих теоретико-методологических подходах, характерных для социально-гуманитарных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающиеся изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева

Содержание

Гутер Э. Витгенштейн о музыкальной глубине и наших знаниях о человечестве -----	5
Ралстон Л. Дерридианский подход к музыкальной идентичности -----	22
Равочкин Н.Н. Трансформации источников власти в условиях постсовременности: (макро) социологическое осмысление концепции М. Манна -----	29
Васильева О.В. Социальное самочувствие и уровень жизни как субъективный и объективный показатели качества жизни населения. Взаимосвязь уровня счастья и качества жизни населения ---	37
Поломошнов А.Ф., Поломошнов Л.А. Национальная и этническая идентичность в полиэтническом обществе -----	49
Малик Е.Н. Интеграционные механизмы повышения политической субъектности российской молодежи ---	57
Лаврухина И.М., Краснова А.Г. Фарисейство: образ и смыслы -----	68
Истомин В.И., Гуреев А.Н. Книги на все времена: отношение к бумажным книгам сегодня -----	76
Маслова Т.Ф., Смагина М.В. Социокультурный контекст безопасной социализации личности в современных условиях: теоретико-методологические подходы к анализу -----	91

Contents

Guter E. Wittgenstein on musical depth and our knowledge of humankind -----	5
Ralston L. Derridean approach to musical identity -----	22
Ravochkin N.N. Transformation of power sources in post-modern conditions: (macro)sociological implementation of M. Mann's concept -----	29
Vasilieva O.V. Social well-being and standard of living as subjective and objective indicators of population's life quality. The relation between the level of happiness and the quality of life of the population -----	37
Polomoshnov A.F., Polomoshnov L.A. National and ethnic identity in polyethnic society -----	49
Malik E.N. Integration mechanisms for increasing the political subjectivity of Russian youth -----	57
Lavrukhina I.M., Krasnova A.G. Pharisaism: the image and meanings -----	68
Istomin V.I. Gureev A.N. Books for all times: attitude to paper books today -----	76
Maslova T.F., Smagina M.V. The sociocultural context of the safe socialization of the individual in modern conditions: theoretical and methodological approaches to analysis -----	91

"ПСИХОХИРУРГИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ" ФИЛЬМА "ГОРА"

Фильм "Гора" 2018 года режиссера Рика Алверсона – возвращение на семьдесят лет назад, то есть это заявленное перенесение в другую реальность, соответствующую времени.

Цель этого возвращения – осмысление эпохи, в которую была возможна лоботомия и шоковая терапия. Мир состоит из персонажей, находящихся в состоянии психиатрической нестабильности, на грани жизни и смерти. Их судьба не подвластна их воле, а точнее воля отсутствует, потому что человеческое сознание на протяжении фильма больше произвольно, чем контролируемо.

Это доказывает и название "Гора" – природный массив и знак главного героя Энди, который всегда безмолвен и спокоен, а в фильме играет роль фотографа – наблюдателя и фиксатора реальности. Никого не интересует его мнение, но он является границей, переходя которую обнаруживается другая сторона мира.

Суженая рамка изображения закладывает ощущение правильности. Все на своих местах – изобразительная обстановка доказывает, что так должно быть – идеальный мир, полный света, изящных цветовых сочетаний, эстетики времени, симметрии и врачебных тайн, но философия картины противоречит такому воспроизведению, создавая новейший конфликт – контраст того, что мы видим с тем, что стоит за этим на самом деле.

За завтраком Энди рассказывает своему отцу таинственную

историю о сне, где мужчина и женщина сплелись воедино и не различить, кто есть кто. Отец никак это не комментирует, но к разгадке сна приближает сцена, где Энди увидел тайное место отца – комнату, обклеенную порнографическими изображениями, в центре которых гермафродит. Позже эта загадка культивируется ещё более скрытыми фразами и образами мужчины и женщины, вращающихся в невесомости.

Энди попадает под покровительство врача Фримена, который характеризуется исключительно как отрицательный персонаж. На фоне того, как Энди скучает по отцу, возвращаясь на его ме-

Гора

The Mountain,

2018, США

режиссер Рик Алверсон

сценарий Рик Алверсон,

Дастин Гай Дефа,

Колм О'Лири

оператор Лоренсо Агерман

композитор Роберт Донне

монтаж Рик Алверсон,

Майкл Тейлор

сто работы – каток, врач Фримен сидит на диване так же, как и отец Энди. Фримен агрессивен, он сбивает кегли так, будто хочет их разбить, требует вечной благодарности за его милость и не отвечает на важный вопрос: что случается с людьми, которых он оперирует? Иногда он так же холоден по отношению к Энди, как и его отец. Энди же, в свою очередь, не проявляет никаких чувств к новому покровителю, а только задает ему вопросы. Единственный момент, когда врач задумывается о своих действиях – тот, когда он пытается в зеркало достучаться до себя, но к результату это не приводит.

Часто встречается кадр с двумя пустыми стульями друг против друга, который может иметь разные значения: Энди, еще не нашедший свою половину, люди, которые могли бы быть живы, если бы не умерли во время лоботомии, участники рокового разговора, который непременно должен состояться.

Ближе к концу сюжет подходит к речи отца психически нездоровой девушки Энди. Пара сидит перед ними, как Гермафродит и Салмакида, ждущие милости богов о соединении навечно. До этого же Энди не имел связи с девушками, а Сюзан сама соблазнила его, как и по сюжету мифа.

Божественная природа Энди подчеркивается изобразительными кодами. Тайна его происхождения открыта, история матери полна вопросов. Когда Энди поднимается по лестнице, свет попадает на его голову, образуя нимб. Это отсылает и к описанию Гермафродита – молодой человек, странствующий по местностям, похожим на акцентированный в фильме пейзаж картины в доме отца.

Сюзан должна подвергнуться лоботомии, будто бы нимфа Салмакида после греха похоти. Хотя она и Энди были парой, жаждущей вечного соединения, как видел это Энди во сне. "Стали не двое они по от-

дельности, – двое в единстве: то ли жена, то ли муж, не скажешь, – но то и другое" – иными словами описано это и в мифе, что подтверждает скрытое желание Энди.

В конце фильма Энди везет Сюзан по зимней дороге, он сидит за рулем машины, это значит, что власть над своей жизнью наконец принадлежит ему, но выйдя из машины в мороз, он не понимает, что ему делать с обретенной свободой, на которую он как будто обречен. Его роль наблюдателя за миром переходит к Сюзан.

Режиссура Рика Алверсона уникальна: он показывает, что было до и после, но не показывает сам момент. Смерть отца изображается, как погружение на носилки, лоботомия – как подготовка инструментов к ней. Фильм лишен громкого ужаса и шокирующих моментов, которые провоцируют на

эмоции. Эмоции, наоборот, намеренно блокируются. Внимание обращено на анализ ситуации, а не на саму ситуацию. Широкая длительность времени в фильме компенсируется долгой протяженностью действия. Показан большой промежуток времени и множество картин, которые пришлось увидеть герою. Это создается и за счет внедрения массовых сцен, которые показаны фрагментарно. Скорбь выражается танцем, сумасшествие – песней хора, который будто бы отпевает, а не поет.

Эта картина – высказывание о настоящей, но не постижимой для общества любви. И одновременно об инертном обществе, которое, буквально, ходит с дырой во лбу. Пороки здесь не психические болезни, а зверство того, кто имеет власть,

на деле являясь губителем. Фильм уходит корнями в недалекое жестокое время, а философию берет из древнего мифа. Главным же противоречием остается вопрос дара спасения, который оборачивается в ложь.

Валерия Чуйкова

WITTGENSTEIN ON MUSICAL DEPTH AND OUR KNOWLEDGE OF HUMANKIND

Guter Eran, Ph.D., Philosophy, Boston University; Senior Lecturer in Philosophy at the Max Stern Yezreel Valley College; Research Fellow, Department of Philosophy, University of Haifa; Principal Research Associate, The Research Center for Internet Psychology (CIP), Interdisciplinary Center (IDC) Herzliya; Yezreel Valley, Israel

The author of the article presents three different trajectories in the development of Wittgenstein's philosophical thinking about musical depth and knowledge about humanity. The author presents the philosophical views of J. G. Herder, W. G. Wackenroder, E. T. A. Hoffmann, A. Schopenhauer, O. Spengler, G. Schenker, and C. Taylor on the interpenetration of the question of language and mind, on the romantic philosophical depth of music as the quintessence of the romantic challenge of metaphors of depth, the truth of nature, and the sensual world. In revealing the essential potential of musical language, we formulate succinct and precise theses that confirm the essential nature of music, which, according to Schopenhauer, is the "inner nature" of human emotion, or the "secret history" of human will.

The article provides an in-depth analysis of theoretical and methodological approaches of foreign philosophers to the essence of musical language, in which music differs from language and visual ways of expression by its ability to influence the spiritual world of a person with a special force.

The article formulates theoretical theses about the values of music, which lies in its unique relationship with the phenomenological dynamics of human emotions, feelings and moods, with a kind of "feeling" of the degree of their impact, surge, increase and decrease. According to the author, a full-fledged philosophy of music is characterized by an uncanny correspondence between the inner space of music and the inner space of the listening subject.

Keywords: principles of Wittgenstein's philosophical thinking; quintessence of romantic evocation of depth metaphors; musical art; inner space of music; music as a phenomenological dynamics of human emotions, feelings and moods.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.1

ВИТГЕНШТЕЙН О МУЗЫКАЛЬНОЙ ГЛУБИНЕ И НАШИХ ЗНАНИЯХ О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

УДК 786

БАК 17.00.02

Автор статьи представляет читателю три различные траектории в развитии философского мышления Витгенштейна о музыкальной глубине и знаниях о человечестве, он приводит философские воззрения Й.Г. Гердера, В.Г. Вакенродера, Э. Т. А. Гофмана, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера, Г. Шенкера, Ч. Тейлора о взаимопроникновении вопроса языка и ума, о романтической философской глубине музыки как квинтэссенции романтического вызова метафор глубины, истиной природы и чувственного мира. В раскрытии сущностного потенциала музыкального языка сформулированы емкие точные тезисы, подтверждающие сущностную природу музыки, которая, по замечанию Шопенгауэра, является "внутренней природой" человеческой эмоции, или "тайной историей" человеческой воли.

В статье осуществляется глубокий анализ теоретико-методологических подходов зарубежных философов на сущность музыкального языка, в котором музыка отличается от языковых и визуальных способов выражения способностью с особой силой воздействовать на духовный мир человека.

Сформулированы теоретические тезисы о ценностях музыки, которые заключаются в ее уникальном родстве с феноменологической динамикой человеческих эмоций, чувств и настроений, со своеобразным "ощущением" степени их воздействия, всплеска, нарастания и убывания. По мысли автора, полноценная философия музыки характеризуется сверхъестественным соответствием между внутренним пространством музыки и внутренним пространством слушающего субъекта.

Ключевые слова: принципы философского мышления Витгенштейна; квинтэссенция романтического вызова метафор глубины; музыкальное искусство; внутреннее пространство музыки; музыка как феноменологическая динамика человеческих эмоций, чувств и настроений.

© Гутер Э., 2020

© Григорьева М.А.,
перевод, 2020

ГУТЕР Эран, доктор философских наук, Бостонский университет, старший преподаватель философии в Колледже Макса Стерна, научный сотрудник философского факультета Хайфского университета, главный научный сотрудник Исследовательского центра интернет-психологии (CIP), Междисциплинарного центра (IDC) Герцлии, Долина Иезреель, Израиль

Более поздние замечания Витгенштейна о музыке, написанные после его возвращения в Кембридж в 1929 году с подчеркнутыми

Guter E. Wittgenstein on Musical Depth and Our Knowledge of Humankind // Wittgenstein on Aesthetic Understanding / Forthcoming in Garry Hagberg (ed.). – Palgrave Macmillan, 2017.

Перевод к-да полит.н. М.А. Григорьевой.

Аннотирование д-ра культурологии, проф. А.Ф. Григорьева.

той глубиной и детализацией, занимают уникальное место в анналах философии музыки, которая редко признается или обсуждается в научной литературе. Эти замечания отражают и подражают духу и предмету романтического мышления о музыке, но также отвечают на него критически, в то же время они вплетаются в передовые размышления Витгенштейна о взаимопроникновении вопроса языка и ума, а также его всепроникающий пессимизм как философа культуры. В этом эссе я хотел бы исследовать и объяснить некоторые из основных принципов этой уникальной позиции.

Начнем наше обсуждение с прекрасного отрывка, который Витгенштейн написал в 1931 году:

"Музыка, с ее немногочисленными нотами и ритмами, кажется некоторым людям примитивным искусством. Но только поверхность ее проста, в то время как тело, которое делает возможным интерпретацию содержания, имеет всю бесконечную сложность, которая предлагается во внешних формах других искусств и которую скрывает музыка. В определенном смысле это самое сложное искусство из всех". (CV II) [1]

Чтобы полностью оценить этот отрывок, мы должны рассматривать его как точку пересечения трех различных траекторий в развитии философского мышления Витгенштейна.

Первый, наиболее очевидный в этом отрывке, переносит знакомые темы в романтическую философию музыки, в частности квинтэссенцию романтического вызова метафор глубины, истинной природы и чувственного мира. Как указывал Бернд Спонхойер, глубина – это один из двух идеальных типов "немецкого" в музыке, которые достигли полной зрелости и отчетливости в трудах философов, критиков, аналитиков и композиторов примерно в середине XIX века и могут быть прослежены до работ Йохана Готфрида Гердера, Вильгельма Генриха Вакенродера и Э. Т. А. Гофмана. Она сохранялась почти без изменений и в середине XX века. Другой идеальный тип, который и противопоставлен и дополняет первый, – это представление о "немецком" в музыке как о чем-то "всеобщем", дающем "чисто человеческому" наиболее полное выражение. [2]

Метафоры глубины первоначально использовались для артикуляции антифранцузской, антирационалистической эстетики музыки, но также и для расширения чувства внутреннего пространства слушателя за пределы, предписанные рационализмом или языком, для передачи смысла, в котором музыка отличается от языковых и визуальных способов выражения, и в конечном счете для создания и передачи отчетливо германского кластера идеализированных ценностей, относящихся к музыке, среди которых духовность, внутренняя сущность и сдержанность. [3]

Писатели-романтики начали представлять себе внутреннее пространство музыки, сходное по своей сверхъестественности с внутренним пространством слушающего субъекта. Холли Уот-

кинс выделяет Э. Т. А. Гофмана, который в своих эпохальных эссе был первым, кто попытался проникнуть во "внутреннюю структуру" музыки Бетховена с помощью аналитического языка. Она пишет: "предполагая наличие "вертикального" измерения в музыке, дополняющего ось "горизонтального" или временного развертывания, Гофман ввел в музыкальное произведение напряжения, свойственные романтическим метафорам глубины,

– напряжения между познаваемым и непознаваемым, между рациональным и иррациональным". [4] В конечном счете, романтизм демонстрирует то, что

Чарльз Тейлор назвал "экспрессивистским поворотом", понимая музыкальную глубину в терминах неисчерпаемой внутренней области, содержание которой не сводимо, не подвластно обобщению, не исчисляется, следовательно, никогда не может быть полностью сформулировано. [5]

Хотя остается неясным, насколько полным было знакомство Витгенштейна с ранними романтическими произведениями, эти идеи пришли к нему через более позднюю их разработку в трудах Артура Шопенгауэра, для которого "невыразимая глубина всей музыки ... благодаря которой она также так полно понимается и все же так необъяснима, покоится на том факте, что она возвращает нам все эмоции нашей сокровенной природы ..." [6]. Существует достаточно доказательств острого интереса Витгенштейна к идеям Шопенгауэра в его ранних записных книжках 1914-1916 годов и в его дневниках, а к 1931 году он, как известно, зашел так далеко, что назвал Шопенгауэра одним из мыслителей, чью линию мышления он принял за основу для своей собственной работы по интерпретации (CV 16). Существует несколько письменных

свидетельств, а также хорошо известное свидетельство того, что Витгенштейн продолжал заниматься идеями Шопенгауэра и симпатизировать им на протяжении последних лет своей жизни. [7]

Для Шопенгауэра музыка занимает исключительное место в системе искусств. Оно понимается как радикально отличное от всех других искусств и превосходящее их двумя взаимосвязанными способами – мета-

физическим и эстетическим: оно выражает саму волю, самым непосредственным, самым ярким образом намекая на знание конечной реальности, и интенсивно говорит нам о челове-

ческой реальности, намекая на знание того, что Шопенгауэр называет "внутренней природой" человеческой эмоции, или "тайной историей" человеческой воли. Таким образом, ценность музыки заключается, в частности, в ее уникальном родстве с феноменологической динамикой человеческих эмоций, чувств и настроений, со своеобразным "ощущением" степени их воздействия, всплеска, нарастания и убывания. Это полноценная философия музыки, в которой отыскивается сверхъестественное соответствие между внутренним пространством музыки и внутренним пространством слушающего субъекта. Однако для Шопенгауэра все, что музыка говорит нам с такой близостью и непосредственностью, ускользает от рационального понимания. Таким образом, то, что музыка означает, о чем она говорит, не может быть переведено на другие, особые языки. [8] Она остается невыразимой, и понимание того, что такое музыка, равносильно получению доступа к этому невыразимому знанию. Отличительные романтические темы специфики музыкального смысла, его невыразимости и его отношения к человеческому миру мыслей и

ЦЕННОСТЬ МУЗЫКИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ, В ЧАСТНОСТИ, В ЕЕ УНИКАЛЬНОМ РОДСТВЕ С ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ, ЧУВСТВ И НАСТРОЕНИЙ, СО СВОЕОБРАЗНЫМ "ОЩУЩЕНИЕМ" СТЕПЕНИ ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ, ВСПЛЕСКА, НАРАСТАНИЯ И УБЫВАНИЯ.

чувств – все это относится к музыкальной глубине – прекрасно отражены в замечании Витгенштейна 1931 года о скрытой утонченности музыки (CV 11). Эти темы оставались центральными для позднейших размышлений Витгенштейна о музыке, как мы увидим ниже.

Другим непосредственным источником вдохновения для Витгенштейна в его размышлениях о музыке стал Освальд Шпенглер (CV 16). У Шпенглера мы встречаемся со второй траекторией развития философского мышления Витгенштейна, которая вносит в витгенштейновскую дискуссию не только существенный методологический сдвиг, но и измерение философии культуры. Витгенштейн познакомился с *"Закатом Европы"* Освальда Шпенглера весной 1930 года. Он записал свое впечатление в дневнике: "чтение Шпенглера и т. д. и т.п., несмотря на некоторые погрешности в частности, принесло много реальных, значимых мыслей. Многое, а может быть, и большая его часть, полностью соответствует тому, о чем я сам часто думал" (PPO 25). К настоящему времени уже установлено, что *"Закат Европы"* оказал значительное влияние на возникновение и формулировку некоторых наиболее характерных методологических аспектов более поздней философии Витгенштейна, прежде всего понятия родового сходства.

Кроме того, столь же уместная Шпенглеровская тень на пессимистическое отношение Витгенштейна к своему времени также считается глубоко важной для правильного понимания всеобъемлющего философского мышления Витгенштейна. По словам Георга Хенрика фон Райта, "Витгенштейн ... думал, что проблемы, с которыми он боролся, были так или иначе связаны с "образом жизни людей", то есть с особенностями нашей культуры или цивилизации, к которой принадлежали он и его ученики". [9] В настоящее время есть смысл полагать, что вид философской борьбы, который повсеместно встречается в его более поздних работах,

иллюстрирует не только озабоченность Витгенштейна теми самыми чертами цивилизации, которые Шпенглер считал типичными для культурного упадка, но также и общее стремление философствовать серьезно и искренне в то, что Шпенглер называл временем цивилизации. [10]

Шпенглер энергично преследовал романтическую концепцию художественной глубины как культурной характеристики того, что он своеобразно назвал "импрессионизмом", признаком близости "фазы свершения" в западной культуре, которую Витгенштейн назвал бы "высочайшей культурой" (LC 7). Для Шпенглера музыка – это отражение западной души, ее главный символ, прекрасное средство выражения фаустовского идеала стремления к бесконечности. Следующий отрывок из *"Заката Европы"* можно легко рассматривать как предшественник отрывка из *"Культуры и ценности"* 1931 года, с которого началась наша дискуссия:

"Импрессионизм – это обратная сторона евклидова мироощущения. Импрессионизм – это всеобъемлющее выражение мироощущения, и поэтому он, очевидно, должен пронызывать плоть нашей "поздней" культуры... будь то художник-живописец или музыкант, его искусство заключается в создании несколькими штрихами, пятнами или тонами образа неисчерпаемого содержания, микрокосма, представленного для глаз или ушей фаустовского человека; то есть, закладывая действительность чего-то объективного, что, так сказать, заставляет эту действительность становиться феноменальной". [11]

Фактически, этот текст продолжается (на следующий день) обширным отрывком о Шпенглере, в котором Витгенштейн ссылается на "проблемы интеллектуального мира Запада, которые Бетховен (и, возможно, Гете в определенной степени) решал и с которыми боролся, но с которыми никогда не сталкивался ни один философ (возможно, Ницше подошел к ним ближе других)" (CV 11).

Как уже было сказано, Бетховен стал парадигмой и символом музыкальной глубины для романтизма еще со времен Э. Т. А. Гофмана. Эти проблемы касаются неспособности человека переживать и, следовательно, описывать "развитие этой культуры как эпоса". Самоуничительное разочарование Витгенштейна в этом отрывке ("я вообще не добиваюсь до этих проблем") лишь отмечает траекторию развития этих тем в его более поздних работах.

Влияние Шпенглера придало философскому мышлению Витгенштейна остроту культурной критики. Опираясь на влияние Шпенглера, мы находим также критическое отношение Витгенштейна к музыкальной теории Генриха Шенкера, чему способствовали беседы с Феликсом Зальцером, в частности между 1930-1933 годами [12]. Теория Шенкера представляет собой кульминацию романтических представлений о глубине. Согласно Шенкеру, все великие шедевры обладают глубокой структурой, или фоном, который придает им не только связность, но и культурную самобытность и ценность. Как отмечает Уоткинс, "при всей кажущейся формализации, шенкеровское понятие фона – это явно не просто музыкальное понятие. Вместо этого фон очерчивает воображаемое пространство с частыми обрывками обертонами, в том числе природы, Бога, происхождения, гения, души и германства – все они к этому моменту представляют условные ассоциации глубины". [13]

Теория Шенкера дает мощное средство для критики современной музыки за ее недостаточную глубину. Следующий отрывок из книги Шенкера "Контрапункт" показателен еще и потому, что он вызывает понятие сокрытия, которое мы находим также в отрывке Витгенштейна 1931 года (CV 11):

"Несмотря на тяжелейшую оркестровку, несмотря на шумные и напыщенные жесты, несмотря на "полифонию" и "какофонию", самые гордые произведения Рихарда Штрауса уступают – по истинному музыкальному духу и подлинной внутренней сложности фактуры, формы и артикуляции – струнному квартету Гайдна, в котором внешняя

грация скрывает внутреннюю сложность, подобно тому как цвет и аромат цветка делают таинственными для человека нераскрытые, великие чудеса творения". [14]

В другом месте я подробно доказываю, что совместное влияние Шпенглера и Шенкера на Витгенштейна привело к тому, что я называю "гибридной концепцией музыкального упадка"; по существу, это было возвращение методологической критикой Витгенштейна идеи Шпенглера о морфологическом сравнении культур обратно в теорию музыки Генриха Шенкера. [15] Действительно, отношение самого Витгенштейна к современной музыке было близко твердому убеждению Шенкера в том, что непочтительность к законам тонального эффекта отражает потерю музыкального инстинкта к внутренним сложностям шедевров западной музыки как среди исполнителей, так и среди композиторов, что, в свою очередь, препятствует почти священной миссии музыканта обеспечить доступ к миру человеческого опыта, содержащемуся в таких шедеврах. [16] Негодование Витгенштейна по поводу утраты гениальности и подлинности музыки продолжалось до конца его жизни. [17]

Третья траектория в развитии философского мышления Витгенштейна, которую мы должны здесь рассмотреть, касается главного философского сдвига, характеризующего средний период Витгенштейна (1929-1936): его постепенный отход от концепции языка как системы фиксированных правил (исчисления), которая видна в *Большом машинописном тексте* (TS213), и переход к "антропологическому взгляду", который характеризует его более поздние работы, начиная с философских исследований. Этот переходный период, когда Витгенштейн быстро менял свое мнение относительно фундаментальных вопросов и методологии, адаптируя и преодолевая старые концепции с помощью новых приобретенных или изобретенных инструментов и методов, все еще является относительно менее изученной фазой в творчестве философа

фа. [18] Дэвид Стерн охарактеризовал этот средний период как движение от *логического атомизма* (доктрины, где весь значимый дискурс может быть проанализирован через логически независимые предложения) к *логическому холизму* (тезису, что анализ приводит к системам логически связанных предложений и что язык является формальной системой правил) и от логического холизма к *практическому холизму* (взгляду, что наше взаимодействие с вещами и людьми в языке и через язык может быть осмысленным только в определенных контекстах и на фоне общих практик). [19]

Заключительный этап в этом развитии отмечен введением антропологического подхода, который стал основой методологии Витгенштейна в его поздней философии, начиная с ранней версии *Философских исследований* (1936) и далее. Согласно Мауро Энгельману, антропологический подход выдвигает на первый план идею о том, "чтобы полностью понять роль знаков в языке, нужно посмотреть, как эти знаки соотносятся с формой жизни, частью которой они являются". [20] Откровение Витгенштейна среднего периода, в конечном счете его обращение "назад к грубой почве" (*PI §107*), состояло в том, что знак имеет цель и назначение только в человеческом обществе. Как точно выразился Питер Хакер, "[Витгенштейн] считал, что логика показывает строительные леса мира и что сущностная природа вещей *должна быть* отражена в формах анализируемых предложений со смыслом. Только в 1930-е годы он постепенно пришел к пониманию того, что то, что казалось строительными лесами мира, на самом деле было строительными лесами, с которых мы описываем мир". [21]

Этот поворотный момент, который, возможно, был подготовлен первоначальным влиянием Шпенглера, в конечном счете был вызван флагманом критики идей Витгенштейна экономистом Пьеро Сраффой в отношении так называемого *Большого машинописного текста* (*TS 213*), который

Витгенштейн собрал между 1932-1933 годами. [22] Примечательно, что Сраффа завершает список основных влияний, которые Витгенштейн был готов полностью признать в 1931 году (*CV 16*).

Критика Сраффы побудила Витгенштейна пересмотреть философское значение жестов, то есть знаков, которые (будучи взяты изолированно друг от друга) не объяснимы с точки зрения грамматики. Во времена *Большого машинописного текста* (1932-1933) Витгенштейн придерживался концепции языка как исчисления. Энгельман предлагает полезное обобщение этой концепции: "правила "грамматики" обеспечивают структуру, которая определяет границы того, что может быть сказано. При описании этих правил причинность знаков, назначение языка и процесс обучения не имеют значения; жесты и язык жестов являются знаками в той мере, в какой они входят в грамматическую систему. "Мышление", "смысл", "намерение" и "объяснение" – это сентенциальные операции исчисления." [23]

В конечном счете, точка зрения Сраффы заключалась в том, что языки жестов, или "примитивные языки", не соответствуют обобщенной концепции исчисления Витгенштейна. Прежде всего, жесты подрывают основную идею Витгенштейна о том, что "понимание коррелирует с объяснением" (*BT 11*). Витгенштейн предположил, что:

"неспособность к пониманию не ограничивается предложениями... мы учимся понимать эти жесты так же, как мы учились в детстве понимать жесты и выражения лиц взрослых – без объяснений. И в этом смысле научиться понимать не значит научиться объяснять, и поэтому мы понимаем выражение лица, но не можем объяснить его никакими другими средствами". [*BT 10; рукописная заметка*]

В результате, как говорит Энгельман, "в примитивных языках определяющим аспектом является не математика, не игра с фиксированными правилами, а среда, в которой функционирует язык (форма жизни). Понимание жеста в нашем языке может

прийти раньше, чем способность объяснять в соответствии с фиксированными правилами "грамматики". [24] Это привело Витгенштейна к расширению его понятия использования за пределы положения слов в исчислении. Использование слов тесно связано с жизнью. Его новая идея состояла в том, чтобы рассматривать цель и смысл языков и языковых игр как часть формы жизни.

Широкий контекст этой третьей траектории в развитии философского мышления Витгенштейна дополняет контексты двух предыдущих. Во-первых, это дает конкретную философскую причину растущего значения размышлений о музыкальных жестах в более поздних работах Витгенштейна. Музыкальные жесты – вспомним любимые примеры Витгенштейна: вопросы и ответы – являются яркими примерами того типа понимания, которое предшествует способности объяснять в соответствии с фиксированными правилами "грамматики". И хотя верно, что прежде Витгенштейн использовал теорию гармонии (нем. *Harmonielehre*) в качестве стандартного примера для "грамматики" в конститутивном смысле, то есть как своего рода структуру языка, определяющую условия смысла и понимания, необходимое условие для языка, это не был хороший пример, как он мог бы понять сам, критикуя музыкальную теорию Генриха Шенкера примерно в то же время. [25] Во всяком случае, к 1936 году его размышления о теории гармонии уже полностью укоренились в его недавно разработанном антропологическом воззрении:

"Можно ли вообще привести одну причину, почему Теория гармонии такова, какова она есть? И, прежде всего, должна ли быть дана такая причина? Это есть, и это часть всей нашей жизни". ((MS 157a, 24-26; курсив – Э.Г.)

Третья траектория также совпадает с интересом Витгенштейна и акцентом на понятии физиогномики, который был разожжен как Шопенгауэром, так и Шпенглером, как это ясно видно из рукописного

замечания, которое Витгенштейн добавил к BT 10. В совокупности эти три направления впоследствии укрепили идею о том, что понимание предложения в языке сродни пониманию мелодии, – идею, которую Витгенштейн сформулировал в различных последующих текстах, приведших к параграфу 527 в *Философских исследованиях*. Этот абзац начинает цепочку мыслей, касающихся трактования значения слов, что равносильно полному перевороту витгенштейновской концепции языка, основанной на исчислении.

Теперь мы можем вернуться к отрывку 1931 года из книги *Культура и ценность* (CV11), с которого началась наша дискуссия, и рассмотреть его в качестве фокуса для этого тройственного контекста. Он определяет статус музыки как "первобытного языка" (в вышеупомянутом смысле), отсюда необходимость глубже исследовать ее связь с человеческой жизнью. Он представляет проблему в терминах непостижимой сложности, и он настраивает проблему в хOFFмановской манере как горизонтальную плоскость (поверхность), которая требует вертикального зондирования. Чтобы ответить на этот вызов, нужно преодолеть напряжение между познаваемым и непознаваемым, между сокрытием и откровением. Раскрыть непознаваемое означало бы утвердить первенство музыки в культуре; другими словами, познать себя в самом широком смысле.

Сложный образ, который Витгенштейн рисует в этом отрывке, на самом деле является движущимся образом. Мысль, запечатленная на бумаге в полете. Если читать его вне контекста, как это часто бывает с некоторыми замечаниями Витгенштейна, то он, кажется, никуда не ведет. Но соответствующий контекст уже установлен, все три траектории намечены, поэтому становится по-настоящему интересно задаться вопросом: куда она ведет.

Редко кто замечает, что большая часть наиболее сложных пассажей Витгенштейна

о музыке принадлежит его сочинениям в поздний период, иногда называемый "третьим Витгенштейном", с 1946 года до его преждевременной смерти в 1951 году, включает, среди прочего, Зеттеля и все его различные труды по философии психологии, включая так называемую *Часть II PI*. Многие из наиболее важных пассажей Витгенштейна о музыке можно найти почти исключительно в этих сочинениях. Философское значение того специфического факта, что витгенштейновская дискуссия о музыке процветала именно в этом контексте, на этой поздней стадии его философского развития, еще предстоит полностью осознать и объяснить.

По словам Георга Хенрика фон Райта, "труды Витгенштейна, начиная с 1946 года, представляют собой в некотором роде отступления в новых направлениях". [26] В философской психологии Витгенштейн провел беспрецедентную ревизию в своих поздних работах, либо вводя, либо иным образом существенно переосмысливая концепции, которые имеют решающее значение для правильного понимания концепции музыки, такие как рассвет аспекта, переживание смысла и психологическая неопределенность. Тем

не менее, как указала Даниэль Мойал-Шаррок в своем предисловии к книге, которая положила начало понятию "третий Витгенштейн", "сказать, как фон Райта, ... что Витгенштейн взял "новое направление", не значит сказать, что он никогда раньше не затрагивал темы, которые должны были занять его в последние годы, ... но теперь он должен был принять их полностью". [27] Мы можем взять, например, понятие аспектного рассвета: оно действительно преследовало раннего Витгенштейна в контексте его размышлений о математике и, возможно, даже раньше, в его экспериментах 1912-1913 годов по восприятию ритма, то есть, что еще более важно, в

самом начале своей жизни он посвятил себя размышлениям о музыке. [28] Однако не может быть никаких сомнений в том, что эта концепция является подлинным поздним направлением.

Ключевая точка зрения такова: на фоне трех траекторий, которые я рассматривал в первой половине этого эссе, правильное понимание зрелой философии музыки Витгенштейна должно тяготеть к контексту, методу и тенденциозному характеру его пост-*PI* сочинений. Теперь я перейду к более подробному рассмотрению этого философского контекста.

Яакко и Меррилл Хинтиikka, Мишель Тер Харк и Стивен Малхолл предположили, что в поздних работах Витгенштейна существует различие между двумя пересекающимися понятиями отношений к языковым играм: мы можем говорить о "горизонтальных" движениях, относящихся к определенному понятию в рамках данной языковой игры, но также и о "вертикальных" движениях, относящихся к взаимоотношениям между различными языковыми играми. [29] Горизонтальные движения предполагают знакомство с практикой, основанной на правилах, и навыком. "Понять

ПОНЯТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ – ЗНАЧИТ
ПОНЯТЬ ЯЗЫК, – ПИШЕТ ВИТГЕНШТЕЙН,
– ПОНЯТЬ ЯЗЫК – ЗНАЧИТ ОВЛАДЕТЬ
ТЕХНИКОЙ"

предложение – значит
понять язык, –
пишет Витгенштейн,
– понять язык – значит
овладеть техни-
кой" (*PI* §199). Этот

навык усвоен, он позволяет нам находить причины и оправдания своим действиям, а также подразумевает критерии их правильности. Таким образом, когда мы говорим о горизонтальных ходах в рамках языковой игры, мы говорим о нормативном стандарте, на основе которого мы можем определить, что считается правильным или неправильным выполнением или продолжением определенного правила.

В этом смысле все понятия горизонтально встроены в соответствующие им языковые игры, и, возможно, большинство язы-

ковых игр составляют смысл понятий прежде всего в этом горизонтальном смысле. Смысл – это польза, напомнил нам Витгенштейн. Однако, согласно Витгенштейну, не все языковые игры функционируют на одном и том же логическом уровне: некоторые языковые игры предполагают знакомство с другими языковыми играми. Примечательно, что вертикальная взаимосвязь, как я ее называю, знаменует собой особый шаг Витгенштейна в его работах после *PI* за пределы схемы "значение как использование" к идее, что по крайней мере в определенных контекстах мы испытываем тонкие оттенки смысла. То, что это базовое представление о взаимоотношениях между языковыми играми имеет решающее значение для эстетического мышления Витгенштейна, в частности в отношении музыкального выражения, бесспорно. Уже в своих лекциях по эстетике 1938 года Витгенштейн подчеркивал чрезвычайно сложную ситуацию, в которой находятся наши эстетические выражения (*LC 2*). Они должны рассматриваться на фоне определенной деятельности и, в конечном счете, определенного образа жизни (*LC 8; 11*). К 1946 году Витгенштейн стал очень ясно заявлять, что значение понятий, относящихся к экспрессивному диапазону музыки, конституируется не только по горизонтали, но и по вертикали языковыми играми, которые логически предшествуют друг другу:

"Разве тема не указывает на что-то за ее пределами? О да! Но это значит: впечатление, которое она производит на меня, связано с вещами в ее окружении – например, с существованием немецкого языка и его интонацией, а также со всем спектром наших языковых игр. Если я говорю, например: здесь как будто делается вывод, здесь как будто кто-то выражает согласие или как будто это ответ на то, что было раньше, – мое понимание этого предполагает мое знакомство с выводами, выражениями согласия, ответами".
Тема, как и лицо, носит выражение. (*CV 85*)

Важно отметить, что последнее предложение в этом отрывке явно связывает идею вертикально-взаимосвязанных языковых игр с другой повторяющейся темой на про-

тяжении всей карьеры Витгенштейна: жест и физиогномика. [30] Примерно в то же время он писал:

"Одухотворенное выражение в музыке. Его нельзя описать в терминах степеней громкости и темпа. Не больше, чем одухотворенное выражение лица, описываемое в терминах распределения материи в пространстве. На самом деле это даже не может быть объяснено с помощью парадигмы, поскольку одна и та же пьеса может быть воспроизведена с подлинным выражением бесчисленным количеством способов" (*CV 94*).

Джульетта Флойд предлагает новый способ решения этой проблемы. [31] Согласно Флойд, лицо – это плотное поле значимости, но для того, чтобы быть знакомым с ним, должен быть найден какой-то способ характеристики – словесный, жестовый или иной, – вхождение в поле валентности, возможности и контраста. Характеристика приобретает значение, раскрывает что-то определенным образом, используя то, что Флойд называет "характеристикой" (например, буквы алфавита, музыкальные ноты, черты лица, выражение, жесты, цвета костюмов или элементы формальной системы логики). Каждая характеристика включает в себя конкретное соединение-в-определенное-измерение-возможности с помощью символа.

Важным моментом, который нас сейчас интересует, является растущее осознание Витгенштейном, что для того, чтобы добраться до специфики характеризуемого объекта, то есть сделать физиогномику отчетливой, необходимо внимательно относиться к специфическому способу характеристики и, в частности, к соответствующей системе (системам) возможностей, в которой она заложена. Другими словами, размышляя над отрывком из *CV 85* (цитируемом выше), специфика выражения, которое носит музыкальный отрывок, обязана нашему вниманию к его способу характеристики во всем диапазоне наших языковых игр, который является его релевантной (очень сложной, действительно неопределенной) системой возможностей. Витгенштейн продолжает отрывок из *CV 85*, говоря, что

"тема, в свою очередь, также является *новой* частью нашего языка, она включена в него; мы изучаем *новый жест*. Тема и язык находятся во взаимодействии". Это и есть мера успеха. Согласно Флойду, это означает, что "нам были даны способы видеть сходства и различия, а также способы продолжать обсуждать и извлекать из артикуляций дальнейшие аспекты того, что характеризуется, которые можно увидеть в нем и посредством него". [32]

Наиболее продолжительное обсуждение Витгенштейном вертикально-взаимосвязанных языковых игр касается того, что он называет "вторичным смыслом", или "душой", то есть физиогномики слов, особенно в разделе 11 *PI II*, а также в последней трети самого *PI*, где его обсуждение значительно затрагивает также музыкальное понимание (*PI II XI*, 216; *LW I* §§795-796). К этому позднему периоду своей философии Витгенштейн все больше интересовался случаями переживания смысла: "привычное лицо слова, ощущение, что оно приняло в себя его значение, что оно есть действительный образ его значения ..." (*PI II XI*, 218).

Продолжив рассматривать переплетения идей физиогномики, характеристики и вертикальных взаимосвязей между языковыми играми, мы найдем витгенштейновское переосмысление романтической идеи о специфике музыкального жеста.

Вертикально-взаимосвязанный ход в языковой игре может быть понят только на фоне коррелятивного хода в логически предшествующей игре. Вторичное значение данного слова не является новым значением. Согласно Витгенштейну, нельзя объяснить значение слов "толстый" или "худой", указывая на примеры вторника и среды; точно так же нельзя объяснить или научить смыслу "введения" или "вопроса и ответа", приводя примеры музыкальных отрывков. Это можно было бы сделать только обычным способом, используя ходы – словесные определения или парадигматические примеры – в предполагаемой языковой игре. Вторич-

ное значение слова – это его первичное значение, используемое в "новой обстановке", как выразился Витгенштейн. Вслед за Терром Харком, я утверждаю, что эта "новая среда" состоит из других горизонтальных отношений, следовательно, из другой языковой игры, а именно из языковой игры эстетического выражения. [33] Это очень хорошо согласуется с замечанием Витгенштейна относительно того, "как говорит музыка":

"Не забывайте, что даже если стихотворение написано на языке передачи информации (том, которым способен воспользоваться участник поля коммуникации) [по-немецки: *Mitteilung*], оно не используется в языковой игре информирования". (*RPP I* §888; *Z* §§160-161) [34]

Неспособность понять эту вертикальную взаимосвязанность языковой игры выражения, то есть неспособность понять, что то, что прежде всего является описанием восприятия, теперь используется в другой горизонтальной плоскости как тонко нюансированный образ или физиономия переживания, приводит к чему-то вроде витгенштейновского **примера посетителя, который думает, что игра пьесы Шопена на самом деле передает информацию, которая держится от него в секрете.**

Согласно Витгенштейну, игра в эстетическое выражение будет протекать совсем иначе, чем игра в информацию. Это было бы своеобразной характеристикой (по Флойду) [35], которая позволила бы человеку заметить и оценить необходимость, с которой он раньше не сталкивался. Вот описание такой игры из лекций Витгенштейна по эстетике 1938 года:

"Вы можете прочитать поэтическую строфу. Я решил вам всем прочитать ее. Все читают ее немного по-разному. У меня сложилось определенное впечатление, что "никто из вас не получил ее". – Предположим, я прочту вам ее и скажу: "вот как это должно быть". Четверо из вас читают эту строфу не совсем так, как другие, но так, что я скажу: "каждый совершенно уверен в себе". – Это феномен – быть уверенным в себе, читая написанное *только одним способом*. В данном случае я могу сказать, что вы четверо ее получили. Я бы совершенно правильно сказал, что я точно передал вам точный опыт, который у меня был". (*LC* 40)

Акцент Витгенштейна в только что процитированном отрывке на феномене "быть уверенным в себе, читая его *только одним способом*" приводит к идее, что это равно вторичному использованию слов, в значении "я хочу использовать *эти* слова (с их привычными значениями) *здесь*". То есть, выразить нечто уникальное, специфическое для конкретного случая. Это обнаруживает непосредственное родство с нашими языковыми играми: и в том, и в другом случае мы находим подходящее выражение переживаний – мы тянемся к определенному слову или определенному жесту как к единственно возможному способу выражения нашего восприятия, склонностей и чувств. Конкретное выражение критически связано с соответствующим опытом.

Феномен психологической определенности – уникальный случай того, что мы могли бы назвать "шарнирными определенностями", – который Витгенштейн описывает в *LC 40*, распространяет наше обсуждение далеко на его очень поздние философские работы. [36] Именно здесь Витгенштейн завершает свое переосмысление музыкальной глубины прямым вмешательством в романтические представления о специфике музыкального смысла, его невыразимости и его отношении к человеческому миру мыслей и чувств.

Второй том *Замечаний по философии психологии* Витгенштейна (*TS 232*; записан Витгенштейном в 1948 году) изобилует отрывками, в которых он конкретизирует огромную сложность, относящуюся к нашему распознаванию и описанию человеческой физиогномики и, в конечном счете, к тому, что Витгенштейн называет нашим "знанием людей" (нем. *Menschenkenntnis*), нашим знакомством с человечеством и знанием о нем. Для Витгенштейна, *Menschenkenntnis* – это не свод теоретических знаний, как психология, а скорее, навык, которым некоторые люди обладают на интуитивном уровне.

Согласно Витгенштейну, огромная изменчивость, неравномерность и непредска-

зуемость являются существенной частью человеческой физиогномики и концепций "внутреннего", для которой человеческая физиогномика служит основой (*RPP II §§614-615, 617, 627*). Здесь переплетаются два важных утверждения. Во-первых, человеческая физиогномика принципиально самопроизвольна; то есть она не может быть признана или описана посредством правил, и она вносит неопределенность, некоторую недостаточность доказательств в наше физиогномическое исследование, которое конститутивно, следовательно, не указывает на какой-либо недостаток знания. Во-вторых, такие неопределенные "тонкие оттенки поведения" составляют наши понятия "внутреннего", которые мы иногда используем также в эстетических контекстах (*Z §505*); то есть, хотя эти понятия горизонтально встроены в соответствующие языковые игры (следовательно, их использование управляется правилами), они основаны на "образах жизни", как выразился Витгенштейн, что придает им неопределенность в логическом смысле. По словам Витгенштейна: "если образ жизни является основой для использования слова, то слово должно содержать некоторую неопределенность. Образ жизни, в конце концов, не является образцом регулярности" (*LW I, 211*).

Наше распознавание и описание человеческой физиономии, по Витгенштейну, происходит в то время, когда "достаточные доказательства переходят в недостаточные без границы" (*RPP II §614*). Однако Витгенштейн подчеркивает, что эта неопределенность конституциональна; она не является недостатком и не имеет никакого отношения к практичности или непрактичности наших концепций (*RPP II §657*). Эта неопределенность заложена в самой природе языковой игры, является признаком ее "допустимого доказательства" (*LW I §888; RPP II §683; 374*), и существенно отличается от того вида доказательств, который используется для установления научного знания, – это то, что он называет "невесомыми доказательства-

ми". По словам Мишеля Тер Харка, "невесомые свидетельства – это свидетельства, которые могут дать нам уверенность в чем-то психологическом состоянии, но мы не можем определить, что именно в их поведении делает нас такими уверенными". [37]

Обсуждение Витгенштейном "невесомых доказательств", лежащих в основе нашего признания и оценки подлинного выражения, завершает одиннадцатый раздел второй части *Философских исследований* (PI II XI, 227-229; CP. RPP II §§915-938). По Витгенштейну, невесомая очевидность включает в себя "оттенки взгляда, жеста, тона", которые служат основой нашего знакомства с человеческой природой – своего рода знанием, которое может быть усвоено некоторыми, исключительно некоторыми, но только через опыт или последовательное наблюдение и обмен "знаками" (нем. *Winken*). Невесомость такого рода доказательств в значительной степени отражается в том, как мы пытаемся сообщить о нашем знакомстве с человеческой природой, и в том, насколько успешны наши оправдания.

Если наш собеседник убежден, а это очень отличается от того, чтобы быть убежденным формальным доказательством или аргументом, – следовательно, наш собеседник проявляет готовность следовать правилам игры, в которую мы ему предлагаем, то есть использовать понятия, основанные на неопределенных доказательствах (LW I §927). Действительно, "есть и правила, но они не образуют системы, и только опытные люди могут правильно их применять. В отличие от математических правил" (PI II XI, 227; CP. LWI §921). Таким образом, знакомясь с человечеством, мы приобретаем не технику, а правильные суждения через конкретные примеры (LW I §925).

Имея в виду эти идеи, было бы неплохо вспомнить витгенштейновский пример чтения поэтической строфы с необходимым пониманием (LC 40). Прочтение стихотворения (жест, "намек") сопровождалось четырьмя различными проявлениями "пра-

вильного суждения", то есть проявлением готовности играть в языковую игру, которая допускает понятия, основанные на невесомых доказательствах.

В контексте последних работ Витгенштейна музыкальное выражение основано на невесомых свидетельствах; свидетельствах, которые не могут быть распознаны или объяснены ссылками на правила, но принимаются теми, кто знаком с бесконечным разнообразием человеческой физиогномики, то есть теми, кто знаком с человеческой природой (см. PI §285). Таким образом, понятие музыкального выражения, как и понятие "души слова" в последней работе Витгенштейна, диаметрально противоположно понятию механизма (ср. RPP I §324). Точный, определенный расчет и предсказание концептуально вредны для того, что мы обычно рассматриваем как выражение.

В своей привычной манере Витгенштейн предлагает нам попытаться представить себе "других существ", которые могли бы распознавать душевное выражение в музыке по правилам (RPP II §695; Z §157). Этот мысленный эксперимент призван показать, что музыкальное выражение устроено таким образом, что встреча с механическим суррогатом выражения произвела бы ошеломляющий эффект:

"Странное и сильное впечатление произвело бы на нас открытие людей, знающих только музыку музыкальных шкатулок. Возможно, мы ожидали бы каких-то непонятных жестов, на которые не знали бы, как реагировать". (RPP II §696)

Проблема, описанная выше, не имеет ничего общего с механизмом музыкальных шкатулок, учитывая тот факт, что можно точно предсказать, что они играют и как они играют, – но с оговоркой, что такая музыка грамматически связана с жесткой, фиксированной, определенной физиогномикой, признанной точными правилами (ср. RPP II §§610-611). В такой воображаемой музыке неопределенность подразумевает недостаток знания. Дело в том, что это не тот случай музыкального выражения, каким мы его знаем, даже в случае музыкальных шкатулок.

Витгенштейн заключил эту концептуальную связь идей – взаимосвязь между языковыми играми, неопределенностью и человеческой жизнью – в следующем отрывке о музыкальном выражении 1948 года:

"Эта музыкальная фраза – жест для меня. Она вползает в мою жизнь. Я делаю ее своей собственной. Бесконечные вариации жизни – неотъемлемая часть нашей жизни. Это касается и привычного характера жизни. Выражение состоит для нас <в> неисчислимости. Если бы я точно знал, как он будет гримасничать, двигаться, то не было бы ни выражения лица, ни жеста. – Не так ли? – В конце концов, я могу снова и снова слушать музыкальное произведение, которое я знаю (полностью) наизусть; и его можно было бы даже сыграть на музыкальной шкатулке. Его жесты все равно останутся для меня жестами, хотя я все время знаю, что будет дальше. Действительно, я могу даже удивляться снова и снова. (В определенном смысле.)" (CV 83-84; *ср.* PI §285)

Витгенштейн развивает понятие жеста в терминах мелодии и языка, находящихся во взаимодействии (CV 85). Специфика музыкального выражения, воплощенного в жесте, знаменует собой вертикальный сдвиг в языковой игре. Мелодия становится "новым кусочком нашего языка", по словам Витгенштейна, потому что момент ее правильного понимания состоит в вертикально-взаимосвязанном движении в языковой игре, которое может быть понято только на фоне коррелирующих, логически предшествующих ходов во "всем диапазоне наших языковых игр", следовательно, конституируемых неопределенно, и потому что оно внутренне связано с вовлеченным опытом. Тот, кто слышит музыку с пониманием, "резонирует в гармонии", так сказать, с понятой вещью.

Рассмотрим еще раз пример Витгенштейна с чтением стихотворения или, еще лучше, с тем, как дирижер извлекает музыку из своих оркестрантов.

Витгенштейн писал о таком жесте, что он используется "не для того, чтобы отправить послание другому человеку; [38] скорее, чтобы добиться реакции, в которой люди узнают друг о друге" (RPP I, 874).

Заключительный, довольно яркий фрагмент этой философской головоломки – подразумеваемая феноменология музыкального понимания. Поучительно сравнить вертикально взаимосвязанные физиогномические языковые игры, подобные тем, которые участвуют в понимании музыки, с тем, что Яако Хинтиikka называет "первичными физиогномическими языковыми играми" [39], такими же, как те, которые участвуют в проявлении боли. На самом деле Витгенштейн делает это, хотя и слишком схематично, прямо в конце раздела 11 *PI*, *Часть I*.

Как показывает пример ребенка, испытывающего боль (*PI* §244), естественное выражение боли и основанный на нем язык ощущений, который включает также реакцию других людей на эти выражения (*PI* §§289, 310), грамматически неотделимы от переживания боли. Поэтому нет никакого способа усомниться в том, что происходит в таких языковых играх, не нарушая их. [40] Нельзя вбить клин между переживанием боли и ее выражением (*PI* §§250, 288; *LW I* §203). Как предположила Хинтиikka:

"Нет и не может быть никакого способа опровергнуть то, что происходит в таких языковых играх. Поскольку такой вызов предполагает наличие независимой связи между языком и миром, связи, которая обошла бы эти языковые игры стороной". [41]

Таким образом, такие игры явно "неисправимы". Теперь важный вопрос для наших целей состоит в следующем: является ли музыкальное понимание неисправимым в том же самом смысле? Я полагаю, что из того, что мы уже выяснили, ответ должен быть отрицательным. В отличие от случая (подлинной) боли, в музыке – как и в других искусствах – также существует вопрос "получения ее правильно". Когда поражает зубная боль, раскалывающая мозг, нет смысла говорить о таком явлении – просто нет способа "ошибиться". Это различие не означает, что выразительный жест может быть отделен от исполняемой музыки; в этом нет никакого смысла. Витгенштейн недвусмысленно утверждал, что можно по-

вторить выражение "аккомпанировать" мелодии, не пропевая ее, не более успешно, чем можно повторить понимание "аккомпанировать" фразе, не произнося ее (*PI* §332; *LC* 29).

Конечно, в музыкальном исполнении всегда есть возможность ошибиться и соответствующее остроумное, но подходящее решение задачи со стороны музыканта, которую называет Лидия Гер, "импровизация экспромтом". [42] Гер указывает, что Витгенштейн использовал понятие "примерка", чтобы уловить конечное отношение между термином и конкретным его употреблением, которое на первый взгляд кажется неожиданным или несообразным. Но мы можем сказать, что в случае музыки игра может быть признана неисправимой, поскольку исполнитель "получает правильное выражение", и что это "получение его правильно" является частью игры; то есть это не нарушение игры, как это было бы в случае с подлинным поведением боли. Такая перпендикулярная неисправимость соединяет понимание музыки и *Menschenkenntnis*: понимание музыки действительно становится выражением или признанием человеческой природы.

Примечательно, что Витгенштейн предложил предвестник такой феноменологии музыкального понимания в частном письме своему Венскому другу Рудольфу Кодеру, написанном в конце 1930 года:

"Чем больше вы слушаете, тем больше вы будете слышать, и голоса, которые были бы едва слышны сначала, будут говорить все более и более отчетливо, и появятся новые". [44]

Одной из наиболее поразительных особенностей этого отрывка является тот факт, что Витгенштейн придерживается новой концепции понимания, которая превосходит его собственные философские убеждения в то время. Понимание музыки всегда находится во взаимодействии со средствами массовой информации (лат. *mediis rebus*), опутавшем нашу жизнь, и именно поэтому мы начинаем с непонимания, то есть с того,

что замечаем, что есть что-то скрытое, или каким-то образом скрытое, или скрытое. Витгенштейн очень ясно говорит, что есть выбор, который нужно сделать, что требует усилия; на самом деле даже мужества. Согласно Флойду, "характеристика требует выбора, усилия, чтобы сделать правильные начальные шаги, найти правильный уровень и комбинацию характеристик, чтобы преуспеть в освещении чего-то определенного в пространстве возможностей, которое там должно быть замечено и развито". [45] Только так мы движемся к пониманию через практику, которая включает в себя все более интимное обращение к тому, что Витгенштейн называет "внутренними голосами".

Сам выбор сравнения с "голосом" здесь красноречив, потому что голос может иметь характер, не меньше, чем лицо; он включает в себя слушание и ответ. Голос взывает к характеристике. Флойд излагает это следующим образом:

"Альтернативная интерпретация музыкального отрывка в определенном исполнении считается частью характеристики. Перефразируя, можно выявить такую точку в партитуре, которая, возможно, никогда не была замечена раньше. В одном смысле это ни на йоту не меняет итог; в другом смысле это может изменить всё – и навсегда (если это достаточно убедительно). ... Видя в партитуре новые перспективы для интерпретации отрывка... требуется изобразить, охарактеризовать, фразировать – короче говоря, познакомиться с аспектом через особый способ и манеру, в которой мы формулируем наши представления" (ср. *PI* §536). [46]

Эти "внутренние голоса" позднее станут тем, что Витгенштейн в своих лекциях в Кембридже в начале 1930-х годов называл "сравнениями внутри системы" [47], а в конечном счете – разнообразными сравнениями, упомянутыми в *PI* §527, которые мы используем, чтобы заставить кого-то увидеть в музыкальном произведении "то, о чем оно говорит". Понимание музыки вытеснило музыкальный смысл (в переходном смысле). Сокрытие превращается в откровение, когда мы подчиняемся углублению нашего

внимания к возникающим тонким оттенкам взаимосвязанных сравнений, которые относятся к нашему образу жизни. Этот отрывок среднего периода предвидит и заключает в себе более позднее, изощренное вмешательство Витгенштейна в романтические чувства, касающиеся музыкальной глубины, вызывая в самых конкретных терминах идею о том, что (по словам Вакенродера) "человеческое сердце знакомится с самим собой в зеркале музыкальных звуков". [48]

Примечания:

1. Я использую следующие сокращения для стандартных печатных изданий работ Витгенштейна:

BT – *Большой машинописный текст*

CV – *Культура и ценность*

LC – *Лекции и беседы по эстетике, психологии и религиозной вере*

LWI – *Last Writings on the Philosophy of Psychology*, vol. I

PI – *Философские исследования*

PG – *Философская грамматика*

PPO – *Публичные и частные мероприятия*

PR – *Философские замечания*

RPP I – *Замечания по поводу философии, психологии, вып. I*

RPP II – *Замечания по философии психологии, vol. II*

Z – *Zettel*

Ссылки на *Словарь* приводятся по номеру MS или TS в соответствии с каталогом, за которым следует номер страницы. The Bergen Electronic Edition (Oxford: Oxford University Press, 2000). Переводы из *Словаря* – мои собственные.

2. См.: Bernd Sponheuer, "Reconstructing Ideal Types of the 'German' in Music" in Celia Applegate and Pamela Potter (eds.), *Music and German National Identity*, Chicago: The University of Chicago Press, pp. 36-58.

3. См.: Holly Watkins, *Metaphors of Depth in German Musical Thought: From E. T. A. Hoffmann to Arnold Schoenberg* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011), pp. 22-50.

4. Там же, p. 25.

5. См.: Charles Taylor, *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), p. 390; and also Isaiah Berlin, *The Roots of Romanticism*, ed. H. Hardy (Princeton: Princeton University Press, 1999), p. 104.

6. Arthur Schopenhauer, *The World as Will and Idea*, vol. I, trans. R. B. Haldane and J. Kemp (London: Routledge and Kegan Paul, 1964), p. 341.

7. См.: K. T. Fann (ed.), *Ludwig Wittgenstein: The Man and His Philosophy* (New York: Dell, 1967), pp.

67-68. See a recent comprehensive discussion of Schopenhauer's influence on Wittgenstein in Severin Schroeder, "Schopenhauer's influence on Wittgenstein" in Bart Vandenabeele (ed.), *A Companion to Schopenhauer* (Oxford: Blackwell, 2012), pp. 367-384.

8. См.: Günter Zöller, "Schopenhauer" in Stefan Lorenz Sorgner and Oliver Fürbeth (eds.), *Music in German Philosophy: An Introduction* (Chicago: The University of Chicago Press, 2010), pp. 121-140.

9. Georg Henrik von Wright, "Ludwig Wittgenstein in Relation to his Times," in Brian McGuinness (ed.) *Wittgenstein and his Times* (Chicago: The University of Chicago Press, 1982), p. 118.

10. См.: Georg Henrik von Wright, "Ludwig Wittgenstein in Relation to his Times," in Brian McGuinness (ed.) *Wittgenstein and his Times* (Chicago: The University of Chicago Press, 1982), pp. 108-120; Stanley Cavell, "Declining Decline: Wittgenstein as a Philosopher of Culture", *Inquiry* 31, 1988, 253-264; This New Yet Unapproachable America: Lectures after Emerson after Wittgenstein (Albuquerque: Living Batch Press, 1989); William James DeAngelis, *Ludwig Wittgenstein – A Cultural Point of View: Philosophy in the Darkness of this Time* (Aldershot: Ashgate, 2007); Yuval Lurie, *Wittgenstein on the Human Spirit* (Amsterdam: Rodopi, 2012), pp. 89-152.

11. Oswald Spengler, *The Decline of the West* (New York: Alfred A. Knopf, 1939), vol. 1, pp. 285-286.

12. Этот любопытный исторический факт был впервые представлен и обсужден в моей докторской диссертации, а затем исследован в последующих публикациях. См.: Eran Guter, "Where Languages End: Ludwig Wittgenstein at the Crossroads of Music, Language, and the World", Ph.D. thesis, Boston University (2004), pp. 109-152, at pp. 192-213; "A surrogate for the soul": Wittgenstein and Schoenberg" in Enzo De Pellegrin (ed.), *Interactive Wittgenstein: Essays in Memory of Georg Henrik von Wright* (New York: Springer, 2011), pp. 117-128; "The Good, and bad, and the vacuous: Wittgenstein on modern and future musics", *The Journal of Aesthetics and Art Criticism* 74:4 (2015), pp. 428-433.

13. Watkins, *Metaphors of Depth in German Musical Thought*, p. 25; see also pp. 163-191.

14. Heinrich Schenker, *Counterpoint: Volume II of New Musical Theories and Fantasies*, edited by John Rothge (New York: Schirmer, 1987), 1:xxi.

15. Guter, "The good, the bad, and the vacuous".

16. См.: Robert Snarrenberg, *Schenker's Interpretative Practice* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), pp. 145-150.

17. Рассмотрим, например, два последних замечания Витгенштейна о Густаве Малере (MS 120, 72v от 1937 года и CV 76-77 от 1948 года). Подробное обсуждение этих замечаний см. в статье Эран Гутер: Eran Guter, "Wittgenstein on Mahler", in

D. Moyal-Sharrock, A. Coliva and V. A. Munz (eds.), *Mind, Language and Action, Contributions to the 36th International Wittgenstein Symposium* (Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2013), pp. 169-171; and also "The good, the bad, and the vacuous", pp. 433-435.

18. См.: Anat Biletzki, "Ludwig Wittgenstein: Middle Works", in *Oxford Bibliographies in Philosophy* (Oxford, 2011), <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780195396577/obo-9780195396577-0138.xml> (accessed 8-Sep-2015). An excellent recent addition to the growing literature on this topic is Mauro Luiz Engelmann, *Wittgenstein's Philosophical Development: Phenomenology, Grammar, Method, and the Anthropological View* (Basingstoke, Hampshire, 2013).

19. David Stern, "The 'Middle Wittgenstein': From Logical Atomism to Practical Holism", *Synthese* 87 (1991), pp. 203-226.

20. Engelmann, *Wittgenstein's Philosophical Development*, p. 162. For Wittgenstein, forms of life consist in taken-for-granted social and practical ways of action, which make language possible.

21. P. M. S. Hacker, "Wittgenstein's Anthropological and Ethnological Approach", in *Wittgenstein: Comparisons and Context* (Oxford, 2013), Oxford Scholarship Online, 2014 <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199674824.001.0001/acprof-9780199674824-chapter-5> (accessed 10 Sep. 2015).

22. См.: Mauro Luiz Engelmann, "Wittgenstein's 'most fruitful ideas' and Sraffa", *Philosophical Investigations* 36 (2013), pp. 155-178.

23. Engelmann, "Wittgenstein's 'Most Fruitful Ideas' and Sraffa", p. 162.

24. Там же, p. 166.

25. См.: Guter, "The good, the bad, and the vacuous", pp. 430-433.

26. Georg Henrik von Wright, *Wittgenstein* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982), p. 136.

27. Daniele Moyal-Sharrock (ed.), *The Third Wittgenstein: The Post-Investigations Works* (Aldershot: Ashgate, 2004), p. 2.

28. О ранней трактовке Витгенштейном аспектного рассвета в математике и эволюции аспектной формулировки в его работе см.: Juliet Floyd, "On being surprised: Wittgenstein on aspect perception, logic and mathematics" in William Day & Victor J. Krebs (eds.), *Seeing Wittgenstein Anew* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), pp. 314-337; and also "Aspects of aspects" in H. Sluga and D. Stern (eds.), *The Cambridge Companion to Wittgenstein*, 2nd edition (Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming). О ранней трактовке Витгенштейном аспектного рассвета в музыке см.: Eran Guter, *Where languages end: Ludwig*

Wittgenstein at the crossroads of music, language and the world, pp. 29-36; and also "Wittgenstein on Musical Experience and Knowledge" in Johann Christian Marek and Maria Elisabeth Reicher (eds.), *Experience and Analysis, Contributions to the 27th International Wittgenstein Symposium* (Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2004), <http://wab.uib.no/ojs/agora-alws/article/view/1336> [accessed 21/1/2013].

29. Я следую здесь важному различию, первоначально предложенному Яакко и Меррилом Хинтикой, между "первичными" и "вторичными" языковыми играми у Витгенштейна. См. в частности: Merrill B. Hintikka and Jaakko Hintikka, *Investigating Wittgenstein* (Oxford: Basil Blackwell, 1989), Ch. 11, pp. 272-304; and "Different Language Games in Wittgenstein," reprinted in Jaakko Hintikka, *Ludwig Wittgenstein: Half-Truths and One-and-a-Half-Truths*. Jaakko Hintikka Selected Papers, vol. 1 (Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996), pp. 335-343. Аналогичное наблюдение найдено в: Michel Ter Hark, *Beyond the Inner and the Outer: Wittgenstein's Philosophy of Psychology* (Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1990), pp. 33-42; and also in Stephen Mulhall, *On Being in the World: Wittgenstein and Heidegger on Seeing Aspects* (London: Routledge, 1990), pp. 45-52. Малхолл говорит о "паразитической связи между лингвистическими техниками". Я предпочитаю терминологию Тер Харка о "горизонтальных" и "вертикальных" отношениях.

30. Важность этих основополагающих тем уже в раннем Витгенштейне была недооценена учеными по большей части. Для этого смотрите новаторский эволюционный отчет Джульетты Флойд в книге Флойда "Aspects of aspects". Флойд утверждает, что в рамках своей попытки переформулировать расселовское понятие Витгенштейн вскоре разработал сравнение, уподобляющее понятие "аспект" близкое в значении "взгляду" или "характеру" лица, мимике или черте лица.

31. Там же. Ниже приводится точное изложение предложения Флойд.

32. Там же.

33. См.: Hark, *Beyond the Inner and the Outer*, p. 187.

34. В свете моего обсуждения трех траекторий в первой части моего эссе примечательно, что различие между языком выражения (*Ausdrucksprache*) и языком коммуникации (*Mitteilungssprache*) уже обнаруживается в "Закате Европы" Шпенглера. Согласно Шпенглеру, мы имеем дело либо с языком, "который есть только выражение мира, внутренняя необходимость, проистекающая из присущего всякой жизни стремления актуализировать себя перед свидетелями, показать свое собственное присутствие самому себе", либо с языком, "предназначенным для понимания определенными

ми существами". Экспрессия-язык – это "активная трансформация" физиогномического выражения, которое, строго говоря, не может быть изучено, но является предпосылкой для всех форм изучения языка. Все искусство, по Шпенглеру, есть выражение-язык; однако он приходит к выводу, что невозможно провести точную границу между художественным выражением-языком и чистой коммуникацией-языком. См.: Spengler, *Decline of the West*, Vol. 1, p. 115.

35. Floyd, "Aspects of aspects".

36. См.: Daniele Moyal-Sharrock, "Wittgenstein on psychological certainty" in Daniele Moyal-Sharrock (ed.), *Perspicuous Presentations: Essays on Wittgenstein's Philosophy of Psychology* (Palgrave Macmillan, 2007), pp. 211-235.

37. Michel ter Hark, "'Patterns on life': A Third Wittgenstein concept" in Moyal-Sharrock (ed.), *The Third Wittgenstein*, p. 140.

38. Обратите внимание, что он использует здесь слово Mitteilung.

39. Хинтикка предположил, что "рамки спонтанного экспрессивного поведения (включая мимику, жесты и другие телесные движения) будут называться физиогномическими рамками, а психологический язык (или языковой фрагмент), основанный на нем, будет называться физиогномическим языком" (Hintikka and Hintikka, *Investigating Wittgenstein*, p. 258).

40. Важно отметить, что сомнение – это нечто совершенно отличное от той неопределенности, которая конституируется этими языковыми играми. Как я уже отмечал, эта неопределенность не является недостатком нашего знания о "внутреннем", которое скрывается за "внешним"; Вит-

генштейн, конечно же, не занимает эпистемологической позиции относительно предполагаемой причинной связи между такими сферами. Скорее, сомнение входит в эти языковые игры, предполагая, то есть в силу того, что оно вертикально связано с соответствующими "невесомыми доказательствами"; и требуется своего рода чувствительность, обусловленная опытом, а именно витгенштейновское понятие Menschenkenntnis, чтобы полностью оценить эту вертикальность.

41. J. Hintikka and M. B. Hintikka, *Investigating Wittgenstein*, p. 279.

42. Lydia Goehr, "Improvising Impromptu Or, What to Do with a Broken String" in George Lewis and Ben Piekut (eds.), *Oxford Handbook of Critical Improvisation Studies*, Vol. 1 (New York: Oxford University Press, forthcoming).

43. Я изменил перевод.

44. Martin Alber (ed.), *Wittgenstein und die Musik: Ludwig Wittgenstein und Rudolf Koder Briefwechsel* (Innsbruck: Haymon Verlag, 2000) pp. 37-38 (my translation; my emphasis). Я благодарен Александру Вильфингу за то, что он посоветовал мне этот перевод.

45. Floyd, "Aspects of aspects".

46. Там же.

47. См.: Ludwig Wittgenstein, *Wittgenstein: Lectures, Cambridge 1930-1933: From the Notes of G. E. Moore*, ed. David Stern, Brian Rogers, and Gabriel Citron (Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming).

48. Wilhelm Heinrich Wackenroder, *Confessions and Fantasies*, tr. Mary Hurst Schubert (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1971), p. 191.

DERRIDEAN APPROACH TO MUSICAL IDENTITY

Ralston Laurel, Master of Arts in Philosophy, University of Alberta, director of the Kimberley United Church choir, Kimberley Community Choir, Canada

In the article, the author reflects on the problem of musical identity and notes that the structure of writing, like any writing, excludes any idea of a written text as unchangeable and eternal, because the signification, representation and replacement of one meaning or context by another occur in it endlessly and without closure. By analogy with the "textual strategies" characteristic of Jacques Derrida's approach to literary theory, criticism, and philosophy of language, the article proposes to consider the problem of musical identity. The author rightly speaks about the differences in interpretation and performance, which results in an immeasurable richness of colors of a musical work, its refusal to be exhausted, and its differences from other works. Consequently, performance ethics should no longer focus solely on defining and implementing compositional intent, for this is not the only origin of what is written. A musical work is a creative process of the composer, embodied in a live sound through interpretation by performers, which must take into account what goes beyond the intention and context, the meaning of which cannot be discovered by referring to the original and lost context, but must be created in the present, which is always another present of the inscription.

Keywords: derridianist approach; musical identity; structure of writing a musical work; ethics of performance, interpretation; implementation of compositional design; signs-ideas, symbols.

DOI 10.24923/2305-8757-2020-4.2

УДК 786

БАК 17.00.02

© Ралстон Л., 2020

© Григорьева М.А.,

перевод, 2020

ДЕРРИДИАНСКИЙ ПОДХОД К МУЗЫКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье автор размышляет о проблеме музыкальной идентичности и отмечает, что структура письма, как и всякое письмо, исключает любое представление о письменном тексте как о неизменном и вечном, потому что означивание, репрезентация и замена одного значения или контекста другим происходят в нем бесконечно и без замыкания. По аналогии с "текстуальными стратегиями", характерными для подхода Жака Деррида к теории литературы, критике и философии языка в статье предлагается рассмотреть проблему музыкальной идентичности. Автор справедливо говорит о различиях в интерпретации и исполнении, результатом которого является неизмеримое богатство красок музыкального произведения, его отказа быть исчерпанным, его отличия от других произведений. Следовательно, этика исполнения больше не должна быть сосредоточена исключительно на определении и реализации композиционного замысла, ибо это не единственное происхождение того, что написано. Музыкальное произведение – это творческий процесс композитора, воплощенный в живом звуке через интерпретацию исполнителями, который должен учитывать то, что выходит за пределы интенции и контекста, смысл которого не может быть обнаружен путем обращения к первоначальному и утраченному контексту, но должен быть создан в настоящем, которое всегда является другим настоящим надписи.

Ключевые слова: дерридианский подход; музыкальная идентичность; структура письма музыкального произведения; этика исполнения, интерпретации; реализация композиционного замысла; знаки-идеи, символы.

Ralston L. A Derridean approach to musical identity // Postgraduate Journal of Aesthetics. – 2008. – No.2. – Vol. 5.

Перевод к-та полит. н. М.А. Григорьевой.

Аннотирование д-ра культурологии, проф. А.Ф. Григорьева.

РАЛСТОН Лорел, магистр философии, Альбертский университет, президент Совета искусств Кимберли, директор Торговой палаты Кимберли, Канада

Вопрос о музыкальной идентичности – о том, что определяет музыкальные произведения, придает каждому из них свой неповторимый характер и отличает их друг от друга – является одним из центральных вопросов философии музыки. Слишком часто в философской литературе к нему обращаются как к чисто теоретическому вопросу, на который можно дать адекватный ответ путем тщательного интеллектуального рассмотрения

партитур. Типичный философский подход к исполнению западной художественной музыки, особенно сочиненной между эпохами барокко и романтизма, состоит в том, чтобы предложить описания того, как возникают музыкальные произведения, каковы их истоки, какие из их структурных и эстетических элементов должны быть соблюдены и сохранены в их представлениях и т. д. Для этого требуется письменная запись музыкального произведения, партитура, созданная композитором, определяющая и описывающая автономную музыкальную сущность, музыкальное произведение, таким образом, чтобы его мог исполнить другой человек. Произведение парадоксальным образом осознается как нечто существующее независимо от композитора и в то же время получающее свое тождество с ним.

В этом эссе я предлагаю построить альтернативу этому подходу по аналогии с "текстуальными стратегиями", характерными для подхода Жака Деррида к теории литературы, критике и философии языка. Философские трактовки литературной идентичности подтвердили предполагаемую неизменность "первоначальной версии" текста и позволили ей оставаться "конечной точкой отсчета" для его идентичности. Деррида, однако, указал на проблематичность традиционной мысли о литературных текстах: существует определенное противоречие между признанием загадочной природы условий идентичности литературного произведения и продолжающейся верой в возможность формулирования таких условий. Структура письма, как и всякое письмо, исключает любое представление о письменном тексте как о неизменном и вечном, потому что означивание, репрезентация и замена одного значения или контекста дру-

СТРУКТУРА ПИСЬМА, КАК И ВСЯКОЕ ПИСЬМО, ИСКЛЮЧАЕТ ЛЮБОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ КАК О НЕИЗМЕННОМ И ВЕЧНОМ, ПОТОМУ ЧТО ОЗНАЧИВАНИЕ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ЗАМЕНА ОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ ИЛИ КОНТЕКСТА ДРУГИМ ПРОИСХОДЯТ В НЕМ БЕСКОНЕЧНО И БЕЗ ЗАМЫКАНИЯ.

гим происходят в нем бесконечно и без замыкания. Письмо работает таким образом,

что оно вовлекает означаемое значение "в свою собственную экономику, так что оно всегда сближает и дифференцирует... [то], что написано, но никогда не тождественно самому себе" [1]. Центр, который заключил бы в себе

эту экономику, который мог бы заставить цепь означивания замкнуться, связав начало и конец и сведя все замены к единой, связной интерпретации, нарушил бы эту структуру письма. Замещение, как оно происходит в письменной форме, не просто происходит раз и навсегда; оно структурно обязано происходить до бесконечности. В музыке это включает в себя замену нотации звуком – двойственную структуру, приводимую в движение различием, игровое движение, которое возникает в музыкальной практике не только как теоретическое взаимодействие возможных интерпретаций, но и как конкретное упражнение в создании звука, снова и снова: в воспроизведении музыки. Так обстоит дело со всеми письменными текстами – они не имеют простого происхождения, потому что изначально являются итеративными:

Сказать, что знаки или тексты изначально итеративны, значит, сказать, что без простого происхождения, а следовательно, и без чистого оригинала [2], они немедленно разделяются и повторяются. Таким образом, они становятся способными быть выкорчеванными из своих корней. Будучи перенесенными в другой контекст, они продолжают иметь смысл и многозначность. Дело не в том, что текст таким образом деисторизуется, а в том, что историчность состоит из повторяемости. Нет истории без итеративности, и эта итеративность также позволяет следам продолжать функционировать в отсутствие общего контекста или некоторых элементов контекста. [3]

В случае музыкальных произведений также опасно исходить из того, что такие заме-

ны могут быть осуществлены полностью – как если бы первоначальная идентичность произведения была когда-либо полностью определена и могла быть восстановлена – и основывать свою этику и чувство ответственности на цели минимизации "остатка" или того, что не поддается замене. Однако переосмысление традиционной философии музыки для того, чтобы приспособиться к этому пониманию, явно не требует отказа от заботы о композиционном намерении и аутентичности – оно просто приводит в движение процесс критического мышления, который открывает поле музыкальной интерпретации за его традиционными границами, освобождая место для этики, включающей практики и выступления, которые в противном случае не поощрялись традиционной философией музыки, и усиливает, а не затемняет проблему музыкальной идентичности. Музыкальное произведение, если мы говорим о нем, является, благодаря различию, возможно, примером *преимущественно* того, что Деррида называет прошлым, которое никогда не было настоящим.

Сама работа бесконечно откладывается через знаки-идеи, символы на странице, слова и звуки. Вечная и неизменная работа – это то неуловимое прошлое, которое никогда не существовало само по себе, но всегда лишь мельком просматривалось через окольные пути и отсрочки, бесконечно откладывая момент своего полного появления. Различие между традиционным подходом и подходом, вытекающим из дерридианской концепции письма, состоит в том, что если для первого прозрачное представление произведения в исполнении является практической невозможностью, то для второго – и прозрачное представление, и само произведение являются структурной невозможностью.

Эти два типа невозможности, практическая и структурная, несут с собой очень разные обязанности. Кажется, что практические невозможности все еще требуют "врачевания", как будто они могут быть пре-

одолены. Все, что можно сделать, чтобы раскрыть произведение таким, как оно есть, должно быть сделано, и сделано из уважения и интереса к произведению и композитору. Однако, с позиции Дерриды, прозрачное представление произведения структурно невозможно, потому что произведение никогда не будет, никогда не было самотождественным. Его тождество конституируется его постоянным отличием от самого себя и других. Таким образом, исполнителей просят не просто найти и продемонстрировать объективную достоверность произведения; их призывают не только учитывать то, что можно было бы назвать доминирующим чтением – санкционированным исследованием и традицией, – но и элементы в произведении, которые отказываются ассимилироваться с доминирующим чтением.

Что мы можем сказать о произведении, которое никогда не бывает самотождественным, но которое берет свое тождество из своего отличия и разделения внутри себя? Это описание отражает процесс музыкальной практики со сверхъестественной точностью, но какова же тогда адекватная реакция на произведение, которое не есть само по себе в то же самое время, что оно есть само по себе? Как исполнитель отдает должное произведению, чья идентичность всегда отличается и откладывается? "Что такое успех, когда возможность неудачи продолжает составлять его структуру?" [4]

Очевидно, что отказ от объективности не только возможен, но и неизбежен, и вопрос Деррида заставляет нас пересмотреть определение успеха в терминах, которые признают эту структурную особенность. Это переопределение должно быть равносильно смещению фокуса от правильных показаний и вместо этого к ответственным показаниям. Согласно Дерриде, ответственное чтение – это такое чтение, которое учитывает "доминирующее" чтение и в то же время отклоняется от него уважительным и критическим образом. Как и в случае с художе-

ственным текстом, музыкальный текст (не только письменный текст в традиционном понимании партитуры, но и письменный музыкальный текст, поскольку всегда пишется история произведения и его исполнения) несет в себе доминирующее прочтение как один из своих слоев. Однако письменность обусловлена возможностью других контекстов, "ибо она должна, в силу своей повторяемости, существовать вне настоящего момента ее написания и даже после смерти ее автора" [5]. Когда композитор пишет, он тоже пишет изнутри этого состояния, а не извне. Поэтому она не может полностью контролировать цепь означающих, которые она вписывает. Следовательно, этика исполнения больше не должна быть сосредоточена исключительно на определении и реализации композиционного замысла, ибо это не единственное происхождение того, что написано. Он должен также учитывать то, что выходит за пределы интенции и контекста, смысл которого не может быть обнаружен путем обращения к первоначальному и утраченному контексту, но должен быть создан в настоящем, которое всегда является другим настоящим надписи. Деррида пишет: "категория намерения никуда не исчезнет; у него будет свое место, но с этого места он уже не сможет управлять всей сценой и всей системой высказываний." [6]

Исполнитель, таким образом, призван принять "правильное решение...", [которое] должно начинаться, по праву или принципу, инициативе, сводящейся к изучению, чтению, пониманию, толкованию авторского полотна или даже вычислению его" [7]. Он должен сначала проанализировать функционал правил, которые могут применяться (правила исполнительской практики, традиции интерпретации), а затем их применимость к конкретному случаю, находящемуся перед ними в сингулярности, то есть в каждом отдельном музыкальном произведении, то есть во всем континууме ее практики. Это должно быть первым шагом,

потому что "если *расчет есть расчет*, то решение о расчете не относится к порядку исчисляемого" [8]. "Справедливость [едиственно правильный выбор], – пишет Деррида, – всегда обращается к единичности, к единичности другого, несмотря на то или даже потому, что она претендует на всеобщность. Следовательно, никогда не уступать в этом пункте, постоянно поддерживать вопрос о происхождении, основаниях и границах нашего понятийного, теоретического или нормативного аппарата", этот вопрос о правилах является не признаком неуважения к справедливости закона, а признаком чувствительности к его силе.

Там, где этот вопрос приводит к различиям в интерпретации и исполнении, результат является свидетельством богатства музыкального произведения, его отказа быть исчерпанным, его *отличия* от других произведений. Дж. Хиллис Миллер в "Этике чтения" пишет, что "ценность чтения, вопреки всем доводам разума, заключается в его уникальности и отступлении от текста, который он намеревается прочитать" [9]. Это утверждение радикально противоречит платонистской точке зрения на музыкальное исполнение, которая стремится к максимальному соответствию между исполнением (чтением) и текстом (произведением) и судит исполнение, основываясь на степени соответствия, а не на качестве и справедливости отклонения. Бесконечное повторение одного прочтения или утверждение, что существует только одно правильное прочтение, которое могло бы полностью составить или полностью раскрыть истинную сущность произведения (независимо от того, произошло ли это уже или нет, чего, конечно же, не произошло), не отдает должного *различию*, произведению или исполнению. Альтернативой здесь является то, что смысл произведения, как бы он ни был определен, колеблется в интерпретациях исполнителей; этот ресурс никогда не может быть исчерпан одним выступлением. [10] Это условие обычно не оспаривается музы-

кальными платониками, но их можно критиковать так же, как Деррида критикует Дж.Л. Остину в том, что, несмотря на признание того факта, что рассматриваемый расчет подвержен неудаче – неудаче, то есть сохранению смысла в гетерогенном поле коммуникации, – они не задаются вопросом, "какие последствия вытекают из того факта, что риск всегда допустим, и так или иначе является необходимым условием. Необходимую возможность отказа, напротив, следует считать несчастным случаем" [11]. Музыкальный платонизм не дает удовлетворительного объяснения мириадам значений, которые, отличаясь друг от друга, даже противореча друг другу, определяют музыкальное произведение; тогда как дерридианский подход включает это явление скорее как успех, чем провал структуры музыки и музыкальной интерпретации.

В одном из интервью Деррида так описывает условия чтения: "то, что относится к "литературному производству", относится и к "чтению литературы". "Перформативность, о которой мы только что говорили, требует такой же ответственности со стороны тех, кто там работает. Читатель – это не потребитель, не зритель, не посетитель, даже не "получатель". [12] Итак, мы снова находим те же парадоксы и те же расщепления. Таким образом, чтение – не пассивная деятельность, состоящая в простом восприятии того, что предлагает другое сознание, а активный процесс вызова и подчинения тексту, находя-

щемся под рукой. ЧТЕНИЕ – НЕ ПАССИВНАЯ

Ответственная музыкальная практика также должна служить примером этого процесса. Бесконечное различие восприятий произведения есть исполнение этого "закона" различия. ОТВЕТСТВЕННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ТАКЖЕ ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ ПРИМЕРОМ ЭТОГО ПРОЦЕССА.

Это не означает, однако, что любое исполнение, которое каким-то образом отклоня-

ется от работы, может считаться отвечающим условиям прочтения. [13]

Следует еще раз подчеркнуть два момента, которые приведены выше: Во-первых, что отклонение от партитуры не просто неизбежно, но желательно и полезно как для музыкального и личностного роста музыканта – поскольку ответственность за верное исполнение может быть пугающей, так и для поддержания жизнеспособности произведения. Во-вторых, ясно, что ответственность не является проблемой, которая становится актуальной только в силу потенциального публичного исполнения любой интерпретации. Призыв к ответственной музыкальной практике возникает при первой встрече музыканта с произведением, длится на протяжении всей, а затем еще больше усиливается, когда в дело вовлекается аудитория. Во многих случаях аудиторию можно рассматривать как представителя доминирующей интерпретации произведения; они будут вооружены ожиданиями и стандартами, по которым будет оцениваться исполнение. И хотя можно согласиться с тем, что случаи отклонения вполне допустимы в комнате для занятий, но когда они происходят публично, они становятся гораздо более спорными. Не вдаваясь в дискуссию о том, является ли исполнение пропозициональным утверждением о том, как произведение должно быть исполнено, я отмечу, что музыканты регулярно должны давать выступления, которые показывают произведение в его

лучшем возможном свете, независимо от того, вызвано ли это уважением к композитору, самому произведению или какой-то другой мотивацией.

Однако, как мы видели, как только традиционные идеа-

лы были отброшены, вопрос о наилучшем возможном прочтении становится почти не-

решаемым. Признавая влияние различий на музыкальную практику, мы признаем не только необходимость предавать музыкальное произведение посредством интерпретации, но и ответственность за это. Обширные онтологические теории музыки рискуют воспринимать свой объект слишком серьезно, и если есть что-то, что я утверждаю о всех счастливых музыкантах, так это то, что все они сохраняют, пока они остаются практикующими музыкантами, чувство удовольствия в том, что они делают. Подход Дерриды к смыслу и к чтению удерживает в равновесии два необходимых акта отклонения от музыкального произведения и возвращения к нему. На протяжении всей музыкальной практики исполнитель должен быть готов идти окольными путями, отклоняться от предписанного маршрута или терять из виду пункт назначения, чтобы достичь пределов интерпретируемости. Это недостаток традиционной философии музыки, которая мало что делает для решения проблемы этого "путешествия", но вместо этого концентрируются на пункте назначения.

Я рискну привести здесь конкретный пример из моих собственных попыток музыкальной интерпретации. Несколько лет назад на уроке у незнакомого учителя я сыграла вторую часть барочного трубного концерта в свойственной мне сдержанной манере и вскоре была прервана вопросом: как бы звучала эта часть, если бы это был похоронный марш? Я попыталась сделать свое следующее исполнение похоронным; меня снова прервали: как бы это звучало, если бы это была колыбельная? Затем: как бы это звучало, если бы это была песня на детской площадке?

На этом уроке мой учитель попросил меня прекратить играть пьесу так, как я ее представляю, и попытаться сделать разные вариации, и косвенно предположил, что такого рода радикальное отклонение от того, что было вполне нейтральным исполнением, может привести к пониманию характе-

ра движения. Хотя вторая часть этого концерта не является похоронным маршем, колыбельной, песней для детской площадки или любым другим музыкальным типом, который мой учитель перечислил в тот день, опыт попыток интерпретировать их таким образом был опытом вызова пределов, открытия музыки новым возможностям и нахождения неожиданных симпатий между возвышенными и смешными версиями этой части. Мой учитель заметил, что иногда, чтобы узнать, как сделать музыку красивой, нужно сначала сделать ее глупой, и, кроме того, это прекрасное почти всегда находится на пороге глупости. Это упражнение было предназначено для того, чтобы помочь мне подтолкнуть музыку к ее пределам, найти ее пределы, но, возможно, самое главное – осознать пределы моих собственных музыкальных возможностей, намеренно или нет, бросив вызов своим собственным стилистическим предрассудкам и привычкам. Оглядываясь назад, это упражнение вызывает двойную ответственность и дерридианское понятие справедливости, обсуждавшееся ранее в отношении чтения – исследовать правила, а затем экспериментировать с их нарушением и находить слабые места. Кроме того, он требовал, чтобы я взяла на себя полную ответственность за свое толкование. Поскольку вывод из этики чтения и интерпретации, приведенный здесь, состоит в том, что, делая отступление от текста или произведения ответственностью, долгом, мы также сделали читателя и музыканта более ответственными. То есть, как только отпадает видимость того, что произведение говорит само за себя, апелляция к трансцендентному внешнему исполнению также теряет свою силу. Сознательно отклоняясь от господствующей интерпретации, мы тем более остро нуждаемся в ответе за свой выбор.

Примечания:

1. Derrida. Force and Signification, p. 25.
2. Грубо говоря, "изначальность" у Деррида, по-видимому, означает что-то вроде: автономные и непреходящие условия, которые делают возмож-

ным возникновение любого данного самоотжественного явления как такового.

3. Derrida. An Interview with Jacques Derrida // *Acts of Literature*, p. 64.

4. Derrida. *Signature Event Context*, p. 324.

5. Там же, p. 34.

6. Derrida. *Signature Event Context*, p. 326.

7. Derrida. *Force of Law // Acts of Religion*, Gil Anidjar, ed., (New York: Routledge, 2002), p. 252.

8. Там же, p. 252.

9. J. Hillis Miller. *The Ethics of Reading*. (New York: Columbia University Press, 1987), p. 118.

10. Это утверждение относится и к формалисти-

ческим объяснениям музыкального смысла, поскольку структурный смысл также раскрывается через исполнение, манера исполнения заставит некоторые структурные элементы казаться более заметными, а другие – менее, и таким образом повлияет, если не на факт существования этих структурных отношений, то на восприятие и оценку слушателем их относительной архитектурной и музыкальной значимости.

11. Derrida. *Signature Event Context*, p. 324.

12. An Interview with Jacques Derrida // *Acts of Literature*, p. 51.

13. Miller, pp. 4-5.

TRANSFORMATION OF POWER SOURCES IN POST-MODERN CONDITIONS: (MACRO)SOCIOLOGICAL IMPLEMENTATION OF M. MANN'S CONCEPT

Ravochkin Nikita Nikolaevich, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Law and Humanitarian Disciplines, Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo

From the standpoint of historical (macro) sociology, the article examines the main directions of transformation of the sources of power identified by the English scientist M. Mann in the realities of post-modern society. The essential characteristics of the four sources of social power, which include ideology, military forces, economics and political characteristics of the organization of states, are considered. The vectors of transformations of these sources of power, contributing to changes in the image of power at the present time, are noted. The interdependence of transformations and the specificity of their manifestation at the institutional level in the political and legal sphere of public life are shown.

Keywords: power; society; peace; institutions; ideology; politics; economics; armed forces.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.3

KANT: SS & H № 2 [4], ОКТЯБРЬ, 2020

ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ: (МАКРО)СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ М. МАННА

УДК 316.464

БАК 22.00.04

© Равочкин Н.Н., 2020

В статье с позиции исторической (макро)социологии рассматриваются основные направления трансформации, выделяемых английским ученым М. Манном, источников власти в реалиях постсовременного общества. Рассматриваются сущностные характеристики четырех источников социальной власти, к которым относятся идеология, военные силы, экономика и политические особенности организации государств. Отмечены векторы трансформаций данных источников власти, способствующие изменению образа власти в настоящее время. Показана взаимозависимость трансформаций и специфика их проявления на институциональном уровне в политико-правовой сфере общественной жизни.

Ключевые слова: власть; общество; мир; институты; идеология; политика; экономика; вооруженные силы.

Сегодня властные структуры представляют собой предмет изучения различных областей науки, начиная с конкретных областей знания, таких как прикладная политология или теория управления, и заканчивая философским дискурсом. Существенным в современной научной литературе становится вопрос не только о сущности самой власти и вариантов отношений, воплощаемых при ее непосредственном участии, но, уходя в предметные рассуждения, актуализируются причины, основания, источники власти как формы и способа организации человеческого общежития.

Самые различные работы теоретического и прикладного значения свидетельствуют о том, что к сегодняшнему дню сложилось достаточно много мощных и авторитетных концепций, каждая из которых по-своему объясняет как современные властные отношения, так и источники существования власти. Одной из наиболее авторитетных для критического анализа является концепция социальной власти М. Манна [13;14]. В рамках этой построенной системы британский мыслитель предлагает достаточно эффективное объяснение происхождения властных отношений в

РАВОЧКИН Никита Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры Гуманитарно-правовых дисциплин, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Кузбасская ГСХА); доцент кафедры Истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (КузГТУ имени Т.Ф. Горбачева), Кемерово

историческом многообразии властных структур, а также показывает, каковы базисные основания властных отношений для современной культуры и государств в целом. Кроме того, отмечаем, что теоретико-прикладная значимость данной концепции состоит во вскрытии аналитического потенциала, применимого главным образом к динамическому пониманию власти, прежде всего, для исследования трансформации ее оснований социальной и понимания логики замещения одних источников властвования другими – чему, исходя из названия, и будет посвящена настоящая работа.

Итак, для начала подчеркнем, что в рамках манновской концепции отрицается понимание "вещественного понимания" общества и власти. Ключевой становится идея ученого о том, что общество не может рассматриваться как од-

нозначное унитарное образование. По большому счету, любое сведение общества к тотальности и заранее заданной конструкции приведет к определенной редукции. Самоочевидно, что такое положение дел не позволит полноценно схватить, а затем и объяснить

его сущность и описать все многообразие происходящих в нем социальных процессов. Следовательно, отсутствие в обществе чересчур жесткой структуры делает невозможными линейные интерпретации относительно его колебаний и последующих переходов от одного исторически определенного состояния к другому [6].

Манн показывает, что их изучение через призму субъекта оказывается неэффективным, поскольку деятельность актуальных политических лидеров довольно часто давала примеры того, что власть может и будет существовать даже тогда, когда произой-

дет реконфигурация наличного набора институтов, при которой конкретные акторы уже попросту не будут обладать властными полномочиями. На наш взгляд, логичным выводом отсюда становится утверждение о том, что общество и включенные в него структуры развития, или политико-правовые институты, скорее представляют собой сеть, которая реализует себя в более многообразных отношениях, фундированных соответствующими принципами взаимодействия и самореализации. Таким образом, в концепции М. Манна утверждается, что власть представляет собой сеть, с помощью которой оказывается возможным распространение связанных с ней соответствующих отношений и способов влияния на любые социальные общности, вне зависимости от того, представлены они в форме индивиду-

альных субъектов или же представляют собой целые институты различного уровня [13;14].

Мыслитель руководствуется так называемым "ресурсным подходом" к власти, поскольку средства трактуются в качестве проводников осуществления власти. В целом концепция

британского мыслителя оказывается, организационной, но не мотивационной. Это объясняется тем, что живущий в социуме человек стремится к кооперации для достижения целей, связанных с разрешением конфликтов интересов, а это в свою очередь требует формирования непосредственных организационных форм социального управления, то есть властвования. Таким образом, главную идею сетевой теории М. Манна можно сформулировать следующим образом: источники власти выполняют коммуникационные функции, которые способствуют полноценному и корректному сосу-

ЛЮБОЕ СВЕДЕНИЕ ОБЩЕСТВА К
ТОТАЛЬНОСТИ И ЗАРАНЕЕ ЗАДАННОЙ
КОНСТРУКЦИИ ПРИВЕДЕТ К
ОПРЕДЕЛЕННОЙ РЕДУКЦИИ.
ОТСУТСТВИЕ В ОБЩЕСТВЕ ЧЕРЕСЧУР
ЖЕСТКОЙ СТРУКТУРЫ ДЕЛАЕТ
НЕВОЗМОЖНЫМИ ЛИНЕЙНЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕГО
КОЛЕБАНИЙ И ПОСЛЕДУЮЩИХ
ПЕРЕХОДОВ ОТ ОДНОГО ИСТОРИЧЕСКИ
ОПРЕДЕЛЕННОГО СОСТОЯНИЯ К
ДРУГОМУ.

ществованию всего множества индивидов и групп в рамках того или иного социального пространства [13;14].

Вместе с тем объективный характер общественной жизни позволяет заявить о том, что источники властных полномочий (из)меняются в соответствии с социальной динамикой. К примеру, если в традиционных концепциях властных субъектов утверждается, что политико-правовые институты обладают властными полномочиями по своей природе, поскольку выполняют заранее заложенные и предписываемые функции, то уже в манновском понимании институтов резонней говорить о том, что именно сетевая природа позволяет распределить эти полномочия и тем самым снизить выполняемую ими нагрузку. Персонифицированный субъект устраняется ввиду своей неактуальности, тогда как необходимым оказывается наличие способностей различных структур инструментально решать поставленные перед ними задачи, что способствует эффективной реализации априорно заложенного в них прагматического потенциала.

Исходя из наиболее общего понимания власти как способности навязывания подчиненным субъектам (большей части населения) требуемых моделей поведения (желания, воления), М. Манн показывает, что эффективным было бы применение не конкретного властного начала, а акронима в форме конгломерата четырех взаимосвязанных элементов: идеологии, экономики, вооруженных сил и политической организации (ИЭВП) [11, с. 245]. Именно эти составные части становятся основанием для формирования государства, которое оказывается производным для институтов развития, формирующихся в процессе становления нового типа общества.

Еще одними принципиальными идеями оказываются тезисы Манна о кумулятивном развитии государства и власти, а также о высокой роли элит в процессе как внутриполитического, так и международного взаимодействия между представителями этой

группы. При этом "кумулятивный эффект" реализуется именно благодаря несистемности, т.е. определенной пространственной рассогласованности властных институтов. В процессе размышления в своем фундаментальном произведении "Источники социальной власти" М. Манн показывает, что в различные исторические эпохи один или несколько структурных элементов ИЭВП выходят на первый план и тем самым формируют структуру властных сетей и, как следствие, структуру общества. Именно такие факторы позволяют сформировать всевозможные институты, которые выполняют властные функции. Все это позволяет организовать ИЭВП в "организационных формах, то есть институциональных средствах достижения целей" [10, с. 57]. По мнению этого интеллектуала, развитые общества достигли такого уровня, в реалиях которого отсутствуют доминирующие институты, которые могут сосредоточить в своих руках всю полноту властных полномочий, следовательно, обладая различным объемом ИЭВП, структуры сконцентрированы на выполнении собственных функций.

На многочисленных примерах английский ученый демонстрирует, что различные уникальные сочетания географических, исторических и многих других факторов приводили к формированию определенного "контекстуального" принципа властных отношений и, как следствие, к сугубо индивидуальному типу построения государства и его институтов. В частности, описывая Римскую империю, М. Манн показывает, что для нее была характерна так называемая "легионерная экономика" [13;14]. Так, в силу ряда причин преимущественно экономического характера именно на легион, который представлял собой относительно мобильный военный лагерь, возлагались полномочия по сохранению принципов построения, организации и обеспечения стабильности (например, через подавление восстаний на завоеванных территориях) государственности "римского типа", сбору

налогов, градостроительству, проще говоря, поддержанию функционирования Империи как целостного государства [10]. Подобный вариант организации власти на местах давал возможность римскому обществу сохранять необходимое количество субъектов, транслирующих базисные идеи и осуществлять строительство государственности.

Идеологические (но в нашем понимании – идейные факторы, или фактор идей) детерминанты, к примеру, в форме зарождающегося христианства, также сыграли существенную роль в процессе организации социальной власти в Древнеримском государстве. Поскольку именно эта мировая религия отвечала духовным потребностям целых групп людей, в том числе и достаточно обеспеченным, она, благодаря их одобрению, распространялась через множество социальных сетей: родственные, чиновничьи, военные, торговые и ремесленные связи. Как показала социальная практика, в последующем экономические и духовные (религиозные) факторы стали основанием для трансформации утвердившихся в античной интеллектуальной мысли властных принципов и способов построения общества и государства в сторону средневековых. В целом можно заметить, что прорисованная Манном схема организации и реализации властных отношений оказывается нетривиальной и весьма эффективной. Мы связываем это с тем, что, с одной стороны, она позволяет использовать для анализа сразу несколько факторов, влияющих на развитие общественных структур. С другой стороны, в качестве базовой гипотезы она использует деволюталистский принцип (властные отношения формируются с учетом максимальной эффективности для каждой из сторон, участвующих в ее реализации), через который возможен многомерный и комплексный анализ эволюции системы властных отношений.

Во многом выделенные М. Манном структурные начала (ИЭВП) становятся основаниями обществ и государств в реалиях Пост-

современности. В зависимости от того, насколько развитыми оказываются общества и политико-правовые структуры различных стран, при определении и реализации сущности социальной власти краеугольными будут являться один или несколько из представленных элементов.

Начнем с изучения трансформаций идеологии в постсовременном мире, поскольку именно она позволяет наиболее наглядно зафиксировать переходные моменты властных отношений. Прежде всего, отметим, что базовые основания идеологии как целостного социально-интеллектуального конструкта фундированы противопоставлениями "мое – чужое", говоря иначе "Я – Другой". В такой оппозиции формируется возможность противоборства между различными социальными группами, поэтому вне зависимости от конкретных условий социального бытия именно данная диалектика является универсальной для любой идеологии. По сути, изменяется лишь внешняя характеристика ее практической реализации. Так, А.В. Данилов делает акцент на переходе аксиологических оснований из традиционных форм идеологий, свойственных для объективных общественно-политических отношений, в нетрадиционные формы, характерных главным образом для информационного общества и его всевозможных модификаций [3]. Получается, что сегодня в представленной идеологической диалектике весьма рельефное проявление приобретает нарративный подход, в котором ставшие "традиционными" принципы построения общества и государства прекращают свое существование. Именно сейчас, в Постсовременности, текст оказывается наиболее эффективным принципом воздействия на сознание и мышление людей. Используются "плавающие означающие", которые используются в качестве определенных узловых "точек пристегивания" (С. Жижек) [5, с. 98]. С их помощью тем или иным властным акторам открываются "присоединительные" возможности применительно к

традиционным идеологическим ценностям (например, для приверженцев консервативных идей – справедливость, для либералов – права человека и так далее), а одновременно с этим они могут наполнить их новым содержанием. Практическая эффективность данной методологии заключается в ее созвучности классическим принципам праксиологии, т.е. данная процедура дает значительные возможности для консолидации социума при минимальных затратах.

Традиционное противостояние "левые – правые" дополняется измерением "материализм – постматериализм", смысл которого, как показывают некоторые ученые, состоит в диалектике "среда – экономика" [1, с. 235]. Отныне организация власти содержит в себе раскол на постматериальном уровне, поскольку предполагает борьбу различных сил за принципиально новые ценности. Как правило, в Постсовременности возникновение конфликтов связано с вопросами, касающихся, например, качества и проблем охраны окружающей среды, появления альтернативных (порой взаимоисключающих) ценностей, прав меньшинств, гарантий социального равенства и т.д. [3]. В результате переосмысления базовых идей возникают "новые правые" и "новые левые", а власти каждой страны формируют иные конфигурации политико-правовых институтов, расширяя перечень групп, участвующих во властных процессах благодаря неполитическим силам и/или учреждению либо вовлечению различных институтов, которые ранее не рассматривались в качестве участников таковых.

Не менее значимым оказывается и проблема единства исторического, культурного и цивилизационного самосознания целых наций и народов. Данный вопрос также разрешается преимущественно силами идеологического воздействия, поскольку это позволяет консолидировать представления множества членов конкретного государства в выявленной диалектике "Я – Другой". В традиционных обществах представленная

проблема разрешалась, как правило, через замену одной идеологической конструкции другой, более подходящей и конгруэнтной данной системе, тем самым отражая ее интересы. Однако в условиях Постсовременности в ряде стран, к примеру в России, находит применение несколько иная технология. Так, в некоторых научных исследованиях утверждается, что после распада СССР в России утраченное идеологическое единство восполнялось путем реинтерпретации дореволюционных и советских идеологов, что отчасти способствовало консолидации российского общества вокруг действующей политической структуры российского общества [8]. Таким образом, метаморфозы идеологии как источника социальной власти в реалиях Постсовременности главным образом заключаются и в осуществляемых ревизиях с последующим переформулированием концептуальных достижений прошлого ради формирования новых интеллектуальных конструктов, фундирующих способы влияния и воздействия на общество.

Политическая организация государства представляется другим не менее важным источником социальной власти. Традиционные принципы построения государства как суперинститута предполагают необходимость учреждения конкретных институтов, которые бы выполняли возлагаемые на них функции. При этом базовым принципом политико-правового институционального строительства до Постсовременности была иерархичность, при которой структуры, на которые возлагаются максимальные ожидания и ответственность за эволюционный вариант государственного развития, априори должны соблюдать предписанные нормы, опосредующих их субординацию. Добавим, что такие отношения предполагают сравнительно низкий уровень терпимости к оппозиции, руководствуясь жесткими методами, направленными на пресечение абсолютно любых намеков и попыток касемо смены властных структур либо их радикальных изменений.

Ю.А. Нисневич отмечает, что одной из характерных черт, сопряженных с трансформациями политической организации в Постсовременности, становится полиархичность демократических процессов [9], содержание которых теперь отражает достаточно высокую степень терпимости к другим социальным и политическим силам, признавая их возможности по осуществлению влияния на принимаемые правительством решения, причем вплоть до его смещения. Другие исследователи выделяют ряд других свойств полиархичности, непосредственно распространяющихся на политико-правовые институты:

- 1) широкое распространение универсального избирательного права;
- 2) справедливость выборов, исключая любых виды принуждения;
- 3) право на защиту собственного высказываемого мнения, в том числе и в случаях критики действующих властных институтов и так далее [2].

В соответствии с нашей позицией, полиархичность главным образом может быть определена как тренд, способствующий трансформациям принципов и оснований социальной власти, но также и принципов устройства политических институтов в целом. Такое переустройство государств в условиях Постсовременности осуществляется по приведенной выше методе "пристегивания", в рамках которой здесь наиболее существенным при реконфигурации общественной системы становится так называемый "симуляционный эффект", способный оказывать негативное воздействие непосредственно на процессы реализации власти и даже на уровне межсубъектных взаимодействий и взаимоотношений.

Отсюда существенным последствием становится изменение нормативной стороны социальной структуры, и, как следствие, нормативности организации власти. Руководствуясь логикой подхода, разрабатываемого Дж. Хартом и Д. Остином применительно к сущности социальных регулятивов,

закономерно выделить аскриптивную и дескриптивную разновидности нормативности. При этом можно утверждать, что в обществе Постсовременности, где проявляет себя уже упомянутый нарративистский подход, аскриптивные нормы практически полностью исключены из системы оценивания поведения. Таким образом, при замене традиционных институтов на полиархичные изменяется само содержание нормативности в обществе и, как следствие, трансформируются принципы самой власти, поскольку теперь ее воздействие на различных субъектов может интерпретироваться как симулякр. Таким образом, теперь определенные привычные процедуры властвования приводят к неопределенным результатам.

Еще одной особенностью трансформаций рассматриваемого источника становится буквальное закрепление провозглашаемых либерализмом ценностей прав и свобод человека на мировом уровне. Отныне данные конструкты, имеющие весьма продолжительную историю в мировой мысли, входят в предметную область реальной практики абсолютного большинства современных государств [9]. Либеральные ценности реализуются в постсовременном обществе в первую очередь благодаря цифровизации, т.е. в связи с широким применением всевозможных технических средств, вплетаемых в социальное бытие и задающих индивидуальные координаты для наличной структуры каждой страны. Формируется "новое государственное управление", центральная идея которого формулируется в либерализации роли государства и властных структур в процессах их взаимодействий с обществом и гражданами.

Техническое перевооружение общества и государства в контексте процессов глобализации способствуют тому обновлению когда-то прежде эффективных бюрократических форм национальных правительств ввиду необходимости формирования менее формализованных демократических ин-

ституциональных моделей. Более того, развитие технико-технологических сфер общественной жизни в многочисленных информатизированных и цифровизированных формах апеллирует к такому инструменту, как социальные сети и их использованию в деятельности государственных органов. В результате изменяются способы и каналы коммуникации между политико-правовыми структурами и социальными субъектами, самым разнообразным образом сказываясь на изменениях реализации власти и, что самое главное, – поляризации отношения к ней: от осознанного включения граждан в политику до игнорирования и троллинга цифрового формата организации взаимодействий. Тем не менее, именно благодаря технико-технологическому развитию государству удалось изменить традиционный до Постсовременности односторонний вектор взаимодействия между властными структурами и гражданами. В результате граждане получили возможности своевременно и активно реагировать на административные инициативы и события, которые происходят в государстве [4]. Даже этот пример свидетельствует о логике приобретения властью новых образов. Возрастает скорость практической реализации полномочий, изменяется степень подотчетности принятых государственных решений, формируется новый уровень значимости социальных дискуссий и т.д.

Сегодня не менее важным фактором, обуславливающим трансформации власти, становятся вооруженные силы. Армия как специфическая организация представляет собой традиционный институт политикосилового воздействия на внутренние и внешние угрозы, используемый для поддержания стабильности общества и государства, укрепления его статуса и роли в глазах национального и международного сообществ [12]. Традиционность армии как института главным образом обеспечивается благодаря нормативному закреплению практически устойчивого набора выполняемых функций,

однако это не мешает армии в ситуационных изменениях, происходящих в зависимости от задач и контекстуально-исторических реалий.

В частности, если до середины XX века армия как ресурс властных отношений применялся в значительной степени для поддержания социальной стабильности, причем и в отдельном государстве, и на международном сообществе, то в начале XXI века этот источник применяется для решения задач по обеспечению политических и экономических интересов в различных (макро)регионах по всему миру [7]. Налицо формальные и неформальные изменения исполняемых вооруженными силами функций, которые позволяют властным субъектам дополнить свой образ штрихами обеспокоенности и заинтересованности проблемами международного развития и обеспечения безопасности для его восприятия (и, логично предположить, позитивного оценивания) на национальном и мировом уровнях.

Полагаем, что изменения, коснувшиеся вооруженных сил, напрямую связаны с метаморфозами предмета, на который они оказывают воздействие. Анализ идейных основ трансформации позволяет установить, что в постсовременном мире любая отождествляется с международным терроризмом. Образ традиционных военных взаимодействий канул в лету и закономерно потерял былую актуальность, поскольку рационализация политики нивелировала значимость любых столкновений по причине существования оружия массового поражения, значительно обесценивающих глобальные милитаристские конфликты, тем самым направив функционал вооруженных сил на борьбу с терроризмом как одну из важных проблем Постсовременности. Не менее значимы и технические новации, которые теперь неразрывны с демонстрацией вооруженными силами своей технологической мощи, подкрепляющей трансформирующийся образ власти. Причем речь идет не только о банальном перевооружении армии, что, разу-

меется, логичным образом следует из предыдущего тезиса, но и о применении иных способов воздействия на противника, среди которых видное положение занимают геофизическое, климатическое и бактериологическое оружие [12].

В целом становится, что для различных исследований проявления власти выделенные М. Манном источники имеют и теоретическое, и прикладное значение. Разумеется, что теоретическое рассмотрение манновской концепции ни в коей мере не признает ее абсолютность и единственность, допуская и признавая наличия ряда других источников реализации власти. В то же время, следует помнить, что выделяемые им идеология, способ политической организации, экономика и даже такой, казалось бы, традиционный источник власти, как вооруженные силы не являются "застывшими феноменами", но имеют динамичную природу. Трансформации, которые стремительным образом происходят с рассмотренными источниками, влекут за собой логичные и одновременно с этим нелинейные (впрочем, созвучные духу Постсовременности) изменения в принципах и методах реализации властных полномочий, уникальным образом находящих свое практическое воплощение в абсолютно любом обществе в зависимости от контекстуальных реалий.

Литература:

1. Анохина Н.В. Далтон Р. Структура политических связей // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 235-242.
2. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – №2 (11). – С. 193-197.

3. Данилов А.В. Идеологические элементы политического сознания в ситуации постсовременности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 48-56.
4. Днепровская Н.В. Цифровая трансформация взаимодействия органов государственной власти и граждан // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 67. – С. 96-110.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М. : Художественный журнал, 1999. – 234 с.
6. Карасев Д.Ю. Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19. – № 4. – С. 5-23.
7. Копылов И.А. Тенденции развития вооруженных сил ведущих государств мира в условиях меняющихся политических реалий // Вестник Военного университета. – 2010. – №4(24). – С. 53-57.
8. Матвеев Д.С. Идеология в современных социально-политических системах // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №17 (59). – С. 112-114.
9. Нисневич Ю.А. Трансформация института государства в условиях постиндустриального транзита // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2011. – № 2 (61). – С. 175-185.
10. Осинский П.И. Квадрига власти: размышляя о теории мирового развития Майкла Манна // Евразийство и мир. – 2013. – Т. 1. – №2. С. 55-73.
11. Туз А. Империя в состоянии войны // Логос. – 2018. – Т. 28. – №6. – С. 244-278.
12. Халкечев Д.Х. Армия как объект субъект политической власти // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2014. – №1. – С. 70-73.
13. Mann M. The Sources of Social Power. Volume I: A History of Power from the Beginning to AD 1760. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986 – 560 p.
14. Mann M. The sources of social power. Volume IV: Globalizations, 1945-2011. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 500 p.

SOCIAL WELL-BEING AND STANDARD OF LIVING AS SUBJECTIVE AND OBJECTIVE INDICATORS OF POPULATION'S LIFE QUALITY. THE RELATION BETWEEN THE LEVEL OF HAPPINESS AND THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Vasilieva Olga Vladimirovna, Undergraduate student, Institute of Psychological and Pedagogical Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, executive Director, Center for sociological research "Monitoring of public opinion", Krasnoyarsk

The article is devoted to the issue of sociological measurement of the quality of life of the population. It is argued that the key criteria for the quality of life of the population in the modern world are precisely non-economic indicators - such as subjective well-being, level of happiness, and social mood. The article provides evidence of the need for a subjective way of measuring the quality of life, which allows us to assess the living conditions of people through the prism of their real needs. The article clarifies the definition of quality of life: quality of life is an integrative or complex characteristic of the existence of the population, which can be measured by objective indicators of its standard of living or subjective assessments by members of society of the degree of satisfaction of their own needs. The analysis of the different ways of assessing the quality of life the author comes to the conclusion that the result of an objective method of measuring quality of life is the standard of living of the population, and the result of the subjective method of measuring quality of life - social well-being (subjective well-being, life satisfaction). The author insists that mixing subjective and objective indicators when constructing averaging quality of life indices is inappropriate, since in this case there is a risk of getting an irrelevant average. The conclusion is argued that it is advisable to make objective and subjective types of measurement of quality of life separately from each other, while comparing them with each other.

The key input is formulated: the quality of life of a social actor through the prism of the sociological dimension is a measurement of social well-being (subjective well-being, or life satisfaction), and the position of a social actor in society through the prism of the sociological dimension is a social mood. At the same time, the phenomenon of social mood is represented by a synthesis of its static and dynamic components, the first of which represents social well-being, the second-orientation to value experiences and the corresponding readiness to act in a certain way.

It is argued that the phenomenon that most generally characterizes the happiness system of an individual or group social subject (actor) is social mood. The definition of the concept of social mood is formulated as a General indicator of the position of a social actor in social reality, according to which social mood is a complex emotional and rational characteristic of an individual or group social actor characteristic of a certain period of time, determined by various aspects of the activity of this actor and determining its practical activity.

Keywords: social mood; social well-being; subjective well-being; life satisfaction; sociological measurement; quality of life; standard of living; objective indicators; subjective indicators.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.4

УДК 316.4
БАК 22.00.04

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ И ОБЪЕКТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ. ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СЧАСТЬЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Статья посвящена вопросу социологического измерения качества жизни населения. Дается аргументация позиции, что ключевыми критериями качества жизни населения в современном мире являются именно неэкономические показатели – такие как субъективное благополучие, уровень счастья, социальное настроение. Приводится доказательство необходимости субъективного способа измерения качества жизни, позволяющего оценить условия жизни людей сквозь призму их реальных потребностей. В статье уточняется определение качества жизни: качество жизни – это интегративная, или комплексная характеристика существования населения, которая может измеряться объективными показателями его уровня жизни или субъективными оценками членами общества степени удовлетворенности собственных потребностей.

В результате анализа различных способов оценки качества жизни автор приходит к выводу, что результатом объективного метода измерения качества жизни населения является уровень жизни населения, а результатом субъективного метода измерения качества жизни – социальное самочувствие (субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью).

© Васильева О.В., 2020

Автор настаивает на том, что смешивание субъективных и объективных показателей при конструировании усредняющих индексов качества жизни неуместно, поскольку в таком случае возникает риск получить нерелевантное среднее. Аргументируется вывод, что целесообразно производить объективный и субъективный виды измерения качества жизни в отдельности друг от друга, при этом сопоставляя их друг с другом.

Формулируется ключевой вывод: качество жизни социального актора сквозь призму социологического измерения представляют собой измерение социального самочувствия (субъективного благополучия, или удовлетворенности жизнью), а позиция социального актора в обществе сквозь призму социологического измерения есть социальное настроение. При этом феномен социального настроения представлен синтезом его статического и динамического компонентов, первый из которых олицетворяет собой социальное самочувствие, второй – ориентации на ценностные переживания и соответствующую им готовность действовать определенным образом.

Утверждается, что явлением, которое в наиболее общем виде характеризует систему счастья индивидуального или группового социального субъекта (актора), является социальное настроение. Формулируется определение понятия социального настроения как генерального индикатора позиции социального актора в социальной реальности, согласно которому социальное настроение – это свойственная для определенного периода времени комплексная эмоционально-рациональная характеристика индивидуального или группового социального актора, определяемая различными сторонами деятельности данного актора и определяющая его практическую активность.

Ключевые слова: социальное настроение; социальное самочувствие; субъективное благополучие; удовлетворенность жизнью; социологическое измерение; качество жизни; уровень жизни; объективные показатели; субъективные показатели.

Особенностью XXI века является не борьба идеологий и не соревнование государств за темпы экономического роста, а усиливающаяся конкуренция за качество жизни и национальное богатство, измеряемое качеством человеческого капитала [1]. В условиях постиндустриальной экономики приобретают особую значимость такие категории, как счастье, социальное самочувствие и социальное настроение.

В современной науке накопилось достаточное количество доказательств того, что экономические показатели являются несовершенным и далеко не единственным критерием качества жизни населения. Индивидуальное богатство также не является базовым или ведущим основанием человеческого счастья: если деньги и делают людей более удовлетворенными жизнью, то – до определенного предела, после которого увеличение дохода несколько не способствует приросту счастья. Таким образом, высокий уровень счастья не всегда соответствует высоким доходам и не всегда ими определяется. Данную закономерность наилучшим образом иллюстрирует парадокс Р. Истерлина, который обнаружил, что рост доходов на душу населения лишь до

ВАСИЛЬЕВА Ольга Владимировна,
магистрант, Институт психолого-педагогического образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, исполнительный директор Центра социологических исследований "Мониторинг общественного мнения", Красноярск

определенного уровня приводит к росту счастья [2].

По словам профессора московской Высшей школы экономики А. Долгина, "интенсивный экономический рост приводит к эмоциональному истощению, а еще он откусывает квоту счастья у будущего поколения из-за того, что задирает планку ожиданий". М. Селигман описывает этот парадокс, характерный для начала XXI в., следующим образом: "показатели объек-

"ИНТЕНСИВНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ПРИВОДИТ К ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ИСТОЩЕНИЮ, А ЕЩЕ ОН ОТКУСЫВАЕТ КВОТУ СЧАСТЬЯ У БУДУЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ЗАДИРАЕТ ПЛАНКУ ОЖИДАНИЙ"

тивного благополучия (покупательная способность, образование, возможность слушать любую музыку и хорошо питаться) растут, а субъективного (духовного) – снижаются". М. Селигман утверждает, что мы вступаем в экономику удовлетворенности жизнью, и что успех бизнеса напрямую зависит от смысла жизни и межличностных отношений [6]. Он предлагает обратить внимание на парадоксальный факт, что традиционный показатель результативности экономической политики – ВВП – растет даже тогда, когда строится новая тюрьма, когда разводятся люди, когда случаются аварии или совершаются самоубийства. М. Аргайл также фокусирует внимание на том, что "огромные исторические подвижки в среднем уровне дохода не вызвали повышения степени удовлетворенности и счастья" [7]. Экономисты Ю.Е. Шматова и М.В. Морев в своей работе, посвященной обзору методик измерения счастья, делают следующий вывод: "возможно, макроэкономические показатели как индикаторы результативности проводимой политики отлично работали в индустриальной экономике, однако в постиндустриальной их уже недостаточно" [8].

Итак, ключевыми критериями качества жизни населения в современном мире являются неэкономические показатели – такие как субъективное благополучие, уровень счастья, социальное настроение. Недаром в

экономике за последние два десятилетия сформировалось такое направление, как экономика счастья. Это направление делает акцент на субъективном благополучии, оценивая через него качество объективных условий жизни людей. Экономика рассматривается в гуманистических координатах –

как инструмент создания благополучия для социума в целом и каждого человека в отдельности [3]. Иными словами, чтобы получить максимально качественные све-

дения о состоянии того или иного субъекта и об уровне его счастья, необходимо обращаться не только и не столько к объективной оценке качества условий жизни людей, сколько сопоставлять эти условия с реальными потребностями субъекта.

В контексте социально-экономических исследований человеческое счастье часто ассоциируют с понятием "качество жизни", которое исследовали И.В. Бестужев-Лада, Д. Бэлл, Д. Гейбор, Дж. Гэлбрейт, Л.А. Кривоногова, О. Тоффлер и др. Что касается социологического измерения счастья – это не что иное как измерение социального настроения. Однако не будем подробно останавливаться на подробной аргументации данного умозаключения в рамках настоящей статьи – этот вопрос детально рассмотрен в других наших работах [34].

Обратим внимание на то, что социальное настроение в широком понимании не сводится к моменту, а является обобщающим показателем, обращенным одновременно и в прошлое, и в будущее. Недаром настроение все чаще трактуется не просто в качестве момента (стороны, структурного элемента) сознания и поведения, в качестве доминирующего фактора, обращение к которому в известной мере становится центральным, решающим при объяснении кардинальных сдвигов в общественной жизни [29]. Социальное настроение всё чаще трак-

туется не как мгновенное или ситуативное, а как достаточно продолжительное явление, которое не может не проявляться в отдельных сферах жизни общества. Так, уже в 70-80-е годы при характеристике социального настроения исследователи все чаще говорят о проявлении социального настроения во всех видах деятельности социальных групп, а также более крупных социальных образований – классов, наций, народов.

Позиция, предлагающая считать социальное настроение достаточно устойчивой доминантой жизни субъекта, представляется обоснованной ввиду того, что счастье является относительно устойчивым в пространстве и времени. Так, психологи выяснили, что существует значительная стабильность в аффективных и когнитивных оценках жизни людей. Эта стабильность отражается как в последовательности (согласованности) аффективных реакций индивидов на различные ситуации, так и в поддержании их относительного уровня глобального счастья во времени. Так, аффективность¹ в течение одного дня коррелирует относительно слабо с аффективностью в любой другой день, но средние уровни аффективности являются последовательными с течением времени и в разных ситуациях (корреляция между средней положительной аффективностью на работе и средней положительной аффективностью во время отдыха составляет примерно 0,7 [31; 32]).

Учёные отмечают, что в обществе изменения по многим, часто довольно различным вопросам имеют согласованный характер. Например, возрастание оценок материального положения сопровождается улучшением отношения к событиям в общественно-политической жизни и т. п. Данный факт

позволяет предположить, что существует единый вектор общественных настроений, который объединяет изменения частных оценок населения, высказанных относительно разных сторон своей личной жизни и жизни общества в целом. Тогда "построение и регулярное измерение общего вектора" ... является "хорошим инструментом анализа влияния настроений общества на реальное" ... "поведение населения" [9].

Таким образом, мы приходим к выводу, что социальное настроение является структурно-динамическим образованием, которое в наиболее общем виде характеризует счастье индивидуального или группового социального субъекта (актора) в самом широком смысле. Понятие социального настроения выступает в качестве наиболее широкого среди понятий, характеризующих статико-динамическую позицию того или иного субъекта (часто используемые понятия данного ряда – социальное самочувствие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью).

Определение данного понятия целесообразно сформулировать следующим образом: социальное настроение – это генеральный индикатор позиции социального актора в социальной реальности; свойственная для определенного периода времени комплексная эмоционально-рациональная характеристика индивидуального или группового социального актора, определяемая различными сторонами деятельности данного социального актора и определяющая его практическую активность. При этом социальное настроение включает в себя статический и динамический компоненты: статический представляет из себя социальное самочувствие (субъективное благополучие / благосостояние, а динамический – ориентации на ценностные переживания и готовность действовать определенным образом.

Социальное настроение, интерпретируемое в качестве интегрального показателя восприятия населением процессов, происходящих в социуме, во многом определяется

¹ Негативная (позитивная) аффективность - личностная переменная, которая предполагает переживание негативных (позитивных) эмоций и плохой (хорошей) самооценки [Уотсон, Д. Кларк, Л. А. (1984). "Негативная аффективность: склонность испытывать негативные отвращающие эмоциональные состояния". Психологический Вестник. 96: 465-490]

именно уровнем и качеством жизни. Наличие прочной взаимосвязи между качеством жизни и социальным настроением подтверждается рядом социологических исследований. Так, по результатам долгосрочного мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области, учеными были сделаны выводы, что социальное настроение населения зависит от реализации интересов и в первую очередь удовлетворения потребностей людей, а также от эффективности государственного управления [5]. Социальное настроение определяется качеством жизни населения – с одной стороны, и обуславливает его – с другой [4]. Под качеством жизни мы будем понимать интегративную, или комплексную характеристику существования населения, которая измеряется объективными показателями его уровня жизни и субъективными оценками членами общества степени удовлетворенности собственных потребностей [10].

Что касается взаимосвязи между качеством жизни и социальным самочувствием, данные понятия являются, на наш взгляд, отражением одного и того же явления, оцененного (измеренного) двумя разными способами. Первый из них основан на оценке состояния экономических, статистических и других объективных показателей, таких как ВВП, продолжительность жизни и т.п., второй – на субъективной оценке населением собственной жизни и отдельных ее сторон. Далее мы более подробно рассмотрим каждый из способов в отдельности.

Для первого способа оценки (измерения) качества жизни (будем условно называть его объективным) характерно то, что в качестве составляющих предмета изучения берутся за основу различные объективные экономические и неэкономические показатели. Например, в агрегированном показателе – индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанном в ООН для сравнения стран по уровню и качеству жизни, применяются следующие частные индексы:

- 1) продолжительность предстоящей жизни при рождении;
- 2) грамотность населения;
- 3) реальный ВВП на душу населения.

Индекс развития человеческого капитала рассчитывается как среднее арифметическое число от трех частных индексов.

Методика С. А. Айвазяна [11] включает пять компонентов:

- 1) качество населения;
- 2) благосостояние;
- 3) социальная безопасность (или качество социальной среды);
- 4) качество окружающей среды;
- 5) природно-климатические условия.

"Кризисный индекс качества жизни", разработанный в Независимом институте социальной политики, отражающий наиболее острые проблемы переходного периода, зафиксированные в статистических показателях регионов [12], получают путем расчёта следующих частных индексов:

- 1) индекс отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму;
- 2) индекс доли населения с доходами выше прожиточного минимума;
- 3) индекс уровня занятости населения;
- 4) индекс ожидаемой продолжительности жизни;
- 5) индекс младенческой смертности.

На основе официальных статистических показателей рассчитывается подавляющее большинство индексов качества жизни. Такие показатели справедливо называют "лукавыми цифрами", поскольку они содержат усредненные обобщенные данные, которые не позволяют в полной мере измерить качество жизни отдельных слоёв населения. Среди существенных недостатков таких методик отмечают также то, что они не "не учитывают" мнение самого населения по различным аспектам жизни" [10].

Когда при измерении качества жизни оценивается мнение самого населения о тех или иных сторонах жизни, речь идет о втором способе оценки (измерения) качества жизни (будем условно называть данный спо-

соб субъективным). Так, в методике Л. А. Беляевой не используются объективные характеристики населения, так как автор настаивает на том, что в качестве носителя изучаемого качества жизни необходимо рассматривать именно само население. Компонентами качества жизни, по Л.А. Беляевой, выступают следующие субъективные показатели:

- 1) уровень жизни (благосостояние);
- 2) качество ближайшей социальной среды;
- 3) качество экологии;
- 4) социальное самочувствие.

С таким подходом к измерению качества жизни можно согласиться, признав справедливой точку зрения, что все объективные стороны человеческой жизни (те самые объективные характеристики жизни населения) релевантно отражаются в субъективных оценках населения. Данная точка зрения представляется справедливой, если принимать за аксиому тот факт, что объективные показатели жизни населения имеют значение лишь в том виде, в котором они преломлены в реальном сознании людей.

Строго говоря, используя первый (объективный) подход, мы измеряем собственно качество жизни, а используя второй (субъективный) подход – удовлетворенность качеством жизни, или субъективное благополучие (социальное самочувствие). Подробная аргументация тождественности данных трёх категорий (удовлетворенность качеством жизни, субъективное благополучие и социальное самочувствие) приводится в других наших работах [13; 14].

В этом смысле закономерно, что О.А. Кислицына предлагает рассматривать понятия "качество жизни" и "благополучие" как взаимозаменяемые [15]. Обобщая подходы к пониманию этих терминов, она сообщает, что существуют следующие основные взгляды на соотношение понятий благополучия и качества жизни:

– благополучие – одна из компонент качества жизни, которая имеет отношение к субъективной оценке людей их жизни [16].

При таком способе понимания благополучие – лишь одна из сторон качества жизни;

– термин "благополучие" относится к объективным показателям условий жизни населения, а "качество жизни" – к субъективной оценке людей их жизни (Д.М. Смит). В этом случае понятия благополучия и качества жизни представляются как равноправные, но измеряемые различными способами;

– термин "благополучие" должен быть использован для обозначения качества жизни в целом [17; 18]. Здесь мы как раз имеем дело с отождествлением понятий.

Возвращаясь к вопросу о субъективном и объективном способах измерения качества жизни следует отметить, что их общим недостатком выступает отсутствие единого понимания о наборе индикаторов, определяющих итоговый индекс (показатель) качества жизни. Многие из измерительных методик лишены логической полноты (например, оставляют за рамками измерений некоторые чрезвычайно важные аспекты). Кроме того, при конструировании итогового индекса качества жизни в таких методиках встает серьезнейший вопрос присвоения весов, которые соответствовали бы значимости тех или иных сторон жизни для отдельных групп населения. Присвоение таких весов если и имеет место в исследованиях, то носит экспертный характер и неодинаково от исследования к исследованию. По нашему мнению, подобные количественные опросы обязательно должны предваряться качественными замерами, призванными выявлять те аспекты человеческой жизнедеятельности, которые актуальны и определяют качество жизни населения.

В любом случае, как бы ни интерпретировалось учеными понятие качества жизни, оно включает в себя субъективные и объективные аспекты и неразрывно связано с человеческими потребностями. Различия лишь в том, каким образом будут измерены его аспекты – посредством обращения к "реальным цифрам", к статистике, или же

они будут измерены через призму общественного сознания. Смешивание двух типов показателей при конструировании усредняющих индексов качества жизни представляется достаточно сомнительным и неуместным, поскольку в таком случае возникает риск получить нерелевантное среднее. Именно поэтому мы считаем целесообразным производить субъективный и объективный виды измерения качества жизни в отдельности друг от друга. В первом случае результатом измерения будет уровень жизни населения, во втором – социальное самочувствие (или субъективное благополучие населения, или удовлетворенность жизнью).

Таким образом, социальное самочувствие (субъективное благополучие населения, удовлетворенность жизнью) следует определить как субъективный показатель качества жизни населения. Уровень жизни населения – объективный показатель качества жизни населения.

В качестве обобщающего вывода формулируем следующее: качество жизни может быть измерено как объективно, так и субъективно. Измерение социального самочувствия есть субъективный способ измерения качества жизни, следовательно, социальное самочувствие есть субъективная сторона качества жизни.

В идеале, мы можем говорить о наличии исчерпывающих знаний о качестве жизни населения, если у нас имеются сведения как о его объективном благополучии (официальные статистические данные и иные объективные показатели), так и о социальном самочувствии населения (удовлетворенности жизнью и отдельными ее сферами).

Аналогичным образом дело обстоит и с измерением социального настроения, под которым мы понимаем максимально целостную характеристику, обозначающую пози-

цию социального субъекта в социальной реальности и включающую в себя два компонента – статический и динамический. При этом статический, наиболее осознаваемый и вербализируемый компонент, – это и есть социальное самочувствие субъекта социального настроения, а динамический, поведенческий компонент – это ориентации субъекта на те или иные ценностные переживания как характер взаимосвязи данного субъекта с воспроизводством социальной реальности [14].

Таким образом, делать выводы о той или иной позиции социального актора в обществе (о социальном настроении) мы также можем двумя способами – как объективно, так и посредством измерения мнения о нём самого актора. Строго говоря, субъективный способ измерения можно условно назвать социологическим, поскольку данные измерения посредством обращения к общественному мнению, а объективный предполагает использование данных статистики, экономики и т. п. То, какие предметы подвергаются измерению при применении социологического и несоциологического способов измерения качества жизни и позиции социального актора в обществе, иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1 – Субъективный и объективный способы измерения социального самочувствия и социального настроения

Предмет измерения	Способ измерения	
	Субъективный (социологический)	Объективный
Качество жизни социального актора	Социальное самочувствие (субъективное благополучие)	Совокупность всех внешних показателей качества жизни (доходы; уровень занятости; продолжительность жизни и т.д.).
Позиция социального актора в обществе	Социальное настроение (субъективное благополучие + социальный потенциал)	Совокупность всех внешних показателей качества жизни + готовность актора действовать определенным образом

Таким образом, мы утверждаем, что качество жизни социального актора сквозь призму социологического измерения представляет собой социальное самочувствие (субъективное благополучие, или удовлетворенность качеством жизни), а позиция со-

циального актора в обществе сквозь призму социологического измерения есть социальное настроение.

При этом социальное настроение – это генеральный индикатор позиции социального актора в социальной реальности; свойственная для определенного периода времени генеральная эмоционально-рациональная характеристика индивидуального или группового социального актора, определяемая различными сторонами деятельности данного социального актора и определяющая его практическую активность. Социальное настроение включает в себя статический компонент, представляющий собой социальное самочувствие (субъективное благополучие / благосостояние, а также динамический компонент – ориентации на ценностные переживания и готовность действовать определенным образом. Социальное самочувствие (субъективное благополучие / благосостояние) же – это уровень психологической комфортности-дискомфортности человека или социальной группы, который определяется степенью его (их) удовлетворенности (или неудовлетворенности) собственным бытием в социуме.

Итак, для комплексного измерения социального настроения и качества жизни недостаточно статистических показателей, даже очень подробных и достоверных, необходимы также субъективные оценки соответствия этих параметров потребностям людей. По своей природе качество жизни – это объективно-субъективная характеристика условий существования человека, которая "зависит от развития потребностей самого человека, его субъективных представлений и оценок своей жизни" [10].

В ряде методик вовсе не используются объективные характеристики населения, поскольку их авторы настаивают на том, что в качестве носителя качества жизни необходимо рассматривать именно само население. Для измерения социального настроения также представляется целесообразным обращаться к общественному сознательно-

му (бессознательному) самого носителя социального настроения, а не к внешним оценкам.

При рассмотрении методов эмпирического измерения счастья важно обратить внимание на исключительно субъективную природу изучаемого феномена, что подразумевает человека в качестве единственного субъекта, выступающего источником сообщений о его счастье. Некоторые исследователи выражают опасения относительно адекватности измерения счастья через самоотчеты. Данная трудность преодолима, на наш взгляд, посредством дополнения самоотчетов людей о счастье объективной информацией о них самих как о членах социума (уровень дохода, семейное положение, возраст, образование и другие показатели). Более того, данные первого и второго типа не имеют смысла, будучи изолированными друг от друга. Выступая в качестве ведущего способа измерения субъективного благополучия, методы самоотчетов неоднократно продемонстрировали свою достоверность, надёжность, чувствительность к внешним обстоятельствам, а также способность реагировать на изменения.

Состоятельность самоотчёта как метода, направленного на измерение счастья, подтверждается целым рядом исследований. В таких исследованиях обнаруживается закономерность, суть которой сводится к тому, что личностные характеристики демонстрируют, как правило, от умеренной до сильной корреляции с переменными, характеризующими благополучие. Так, хотя некоторые внешние обстоятельства признаются важными при сравнении субъективного благополучия разных людей, большая часть различий в этих оценках объясняется особым, характерным, отличным друг от друга взглядом индивидов на жизнь. Так, У. Уилсон обращает внимание на то, что счастливый человек – это экстраверт и оптимист, который "не беспокоится, обладает высокой самооценкой и умеренными при-

тязаниями" [19]. Американские психологи П. Коста и Р. Маккрай установили, что экстраверсия напрямую связана с положительными эмоциями, в то время как нейротизм (невротизм) – с отрицательными. Корреляция между этими показателями в их исследовании была слабой, но при этом стабильной. Таким образом, в проведенном ими исследовании нашло свое подтверждение предположение о том, что индивидуальные различия имеют большое значение для измерения благополучия. Позднее подобные выводы были подтверждены другими исследованиями, в основе которых лежали как методы самоотчета [20; 21; 22; 23], так и методы, ориентированные на получение несоотвеченных показателей благополучия [24]. Кроме того, существуют свидетельства о том, что экстраверсия и возбудимость – не единственные черты личности, которые могут быть напрямую связаны с субъективным благополучием. Наряду с ними такими чертами выступают, например, уступчивость, совестливость, доверие, самооценка и другие [25; 26].

Субъективное благополучие представляет собой отражение благополучия как такового. То есть, субъективное благополучие индивида – не что иное как преломление его объективного благополучия сквозь призму его опыта, смыслов и устремлений. Субъективное благополучие – именно то, что в первую очередь подвергается эмпирическому измерению с помощью доступных социологии методов. Само по себе благополучие, на наш взгляд, целесообразно рассматривать, вслед за М. Селигманом, как содержащее в себе три основных компонента, первый из которых – удовольствие, второй – вовлеченность, третий – осмысленность. Данные компоненты символизируют приятную и увлекательную и содержательную жизнь, соответственно [27].

Совершенно закономерно Л.А. Беляева приходит к заключению, что категория качества жизни получила в современных исследованиях широкое применение и явля-

ется одним из немногих интегральных показателей, которые характеризуют уровень экономического развития общества с ориентацией на потребности населения. Мы утверждаем, что социальное настроение, в свою очередь, является еще более обобщенным, интегральным показателем, характеризующим общество с точки зрения не только его актуального состояния самочувствия его членов, но и его настроения и потенциала – с другой. Под потенциалом мы в данном случае будем понимать существующие в скрытом виде возможности людей, которые при определенных условиях могут актуализироваться, проявиться, обнаружиться [28].

Социальное настроение, а следовательно, и социальное самочувствие (субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью), и социальный потенциал (социальный настрой, социальные установки) неразрывно связаны с человеческими потребностями. Так, социальное самочувствие является прямым выражением степени их удовлетворенности, а социальный потенциал – отражением степени их актуальности (значимости, полезности) для конкретного субъекта. Недаром говорят, что личность может обладать духовным, нравственным, творческим, интеллектуальным потенциалом, и потенциалы эти различаются от личности к личности.

Социальное настроение претендует на статус некоего универсального и обобщающего показателя позиции социального субъекта в обществе. Известный социолог Ж.Т. Тощенко делает следующий вывод о всеобъемлющей природе социального настроения: "Социальное настроение ... проявляет себя как функциональная единица социального и психосоциального освоения действительности" [29]. Психолог Л.В. Куликов рассуждает о взаимообусловленности настроения, потребностей и сфер человеческой жизни следующим образом: "Богатство разноплановых явлений существует в душе не само по себе, оно объединено в настроении" [30].

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что социальное настроение выступает максимально общей характеристикой, обозначающей позицию того или иного социального субъекта в социальной реальности.

Социологическое изучение социального настроения остаётся в настоящее время актуальным в связи с тем, что социальная жизнь и многочисленные социальные факторы влияют на эмоциональную сферу личности и находят отражение в социальном настроении, при этом социальное настроение также способно оказывать воздействие на все области социальной жизнедеятельности. Социальное настроение – интегральная характеристика социального субъекта, выступающая связующим звеном между этим субъектом (с его эмоциями, чувствами, ценностными ориентациями и социальной позицией и др.) и реальной социальной практикой. Эта связь и прямая, и обратная одновременно: с одной стороны, она выражается через восприятие и оценку субъектом себя и окружающего мира, с другой – через участие субъекта в жизни общества и его активность в целом.

Таким образом, социальное настроение – феномен, который напрямую связан со всеми сторонами жизнедеятельности социального актора. Мы предлагаем считать социальное настроение следствием (производным) степени удовлетворенности всех уровней потребностей социального актора и отправной точкой (источником), определяющей его дальнейшую активность. Социальное настроение отражает действительность исходя из содержания интересов субъекта, его целей и идеалов. Действительность же, отраженная через социальное настроение, детерминирует деятельность субъекта. Социальное настроение также можно называть своеобразным связующим звеном между прошлым и будущим личности, социальной группы, общества или иного социального актора.

Мы настаиваем на том, что под социальным настроением следует понимать характерную для определенного периода времени генеральную (интегральную, доминантную) структурно-динамическую и эмоционально-рациональную характеристику индивидуального или группового социального актора, определяемую различными сторонами деятельности данного социального актора и определяющую его практическую деятельность.

При социологическом изучении социального настроения необходимо остановиться на измерении двух основных его сторон. Первая сторона – статическая – это социальное самочувствие, или субъективное благополучие субъекта социального настроения. Вторая – динамическая – это, в первую очередь, система ориентаций субъекта на те или иные ценностные переживания как характер взаимосвязи данного субъекта с воспроизводством социальной реальности.

В рамках социологической науки представляется ценным изучение именно группового социального настроения. Ценность категории социального настроения, или ценность изучения настроения с социологической точки зрения определена самой исторической необходимостью обращения к данному феномену. Поскольку в фокусе исследований современных социо-гуманитарных наук лежит субъективный компонент, человеческий фактор, чтобы понимать общество, сегодня принципиально важно знать, какой смысл люди вкладывают в свои действия, какое значение имеют для них определенные ценности, и как они эмоционально и на вербальном уровне оценивают свое окружение и свои собственные возможности. При этом, по справедливому утверждению Ж.Т. Тощенко, при социологическом исследовании социального настроения "речь идет не об анализе нового факта или явления, – речь скорее идет о способе нового понимания и истолкования сущности и значения доминанты общественной жизни, предвосхищающей действительное, реаль-

ное поведение людей" [29]. Таким образом, при социологическом измерении социального настроения мы не открываем какой-то новый предмет исследования, а лишь находим оптимальный способ исследования доминанты общественной жизни, формируемой под влиянием социальной реальности, и оказывающей на эту социальную реальность решающее воздействие.

Примечания:

1. Садовая Е.С. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты / Е.С. Садовая, В.А. Сауткина. – М. : ИМЭМО РАН, 2012. – 208 с. – С. 5
2. Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence / R.A. Easterlin. – 1974.
3. Попова С.М. Измерения прогресса / С.М. Попова, С.М. Шахрай, А.А. Яник. – М. : Наука, 2010.
4. Морев М. В., Каминский В. С. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне // Проблемы развития территории. – 2013. – №. 5 (67).
5. Морев М. В., Каминский В. С. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности // Проблемы развития территории. – 2014. – Т. 4. – №. 4.
6. Селигман М. Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия / М. Селигман. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
7. Аргайл М. Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 271 с. – С. 177.
8. Шматова Ю. Е., Морев М. В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3 (39).
9. Красильникова М.Д. Динамика социальных настроений и их влияние на поведение населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – №1.
10. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1.
11. Айвазян С.А. Межстрановой анализ интегральных категорий качества жизни населения (эконометрический подход). Препринт N WP/2001/124. – М. : ЦЭМИ РАН, 2001.
12. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н.В. Зубаревич. – М. : ЛКИ, 2007. – 264 с.
13. Vasilyeva O. V. The integrative approach to the study of the social mood phenomenon from the standpoint of the universum sociology (on the example

- of the social mood of young people in Krasnoyarsk) / / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2015, vol. 11, no 8, pp. 2248-2259.
14. Васильева О. В. Социологические измерения счастья: универсальный подход (на материалах социологического исследования жителей г. Красноярск) / О. В. Васильева // Siberian Socium. – 2019. – Том 3. – № 1. – С. 30-45.
  15. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. – М. : Институт экономики РАН, 2016. – 62 с.
  16. Haas B.K. (1999). Clarification and Integration of Similar Quality of Life Concepts, IMAGE // Journal of Nursing Scholarship. Vol. 31. No. 3. P. 4
  17. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542-575, с. 616-628
  18. Eger R.J., Maridal J.H. (2015). A statistical meta-analysis of the wellbeing literature // International Journal of Wellbeing. 5(2). P. 45-74
  19. Wilson, W. (1967). Correlates of avowed happiness. Psychological Bulletin, 67, 294-306
  20. Costa, P. T., Jr., & McCrae, R. R. (1980). Influence of extraversion and neuroticism on subjective well-being. Happy and unhappy people. Journal of Personality and Social Psychology, 38, 668-678.
  21. Emmons, R. A., & Diener, E. (1985). Personality correlates of subjective well-being. Personality and Social Psychology Bulletin, 11(1), 89-97.
  22. Headey, B., & Wearing, A. (1989). Personality, life events, and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model. Journal of Personality and Social Psychology, 37, 731-739.
  23. Magnus, K. B., Diener, F., Fujita, F., & Pavor, W. (1993). Extraversion and neuroticism as predictors of objective life events: A longitudinal analysis. Journal of Personality and Social Psychology, 65, 316-330
  24. Lucas, R. E., & Fujita, F. (2000). Factors influencing the relation between extraversion and pleasant affect. Journal of Personality and Social Psychology, 79, 1039-1056
  25. DeNeve, K. M., & Cooper, H. (1998). The happy personality: A meta-analysis of 137 personality traits and subjective well-being. Psychological Bulletin, 124, 197-229.
  26. Steel, P., Schnnidt, J., & Shultz, J. (2008). Refining the relationship between personality and subjective well-being. Psychological Bulletin, 134, 138-161
  27. Seligman, M. E. P. (2002). Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment. New York: Free Press
  28. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург : В.С. Безрукова, 2000.
  29. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение-феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. – №. 1. – С. 21-34.

30. Куликов Л. В. Общественное сознание и общественное настроение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. – 2008. – №. 2.

31. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542-575, с. 616-628.

32. Diener, E., & Larsen, R. J. (1984). Temporal stability and cross-situational consistency of affective, behavioral, and cognitive responses, *Journal of Personality and Social Psychology*, 47, 871-883

33. Уотсон Д., Кларк Л. А. Негативная аффективность: склонность испытывать негативные отвращающие эмоциональные состояния // Психологический Вестник. – 1984. – №96. – С. 465-490.

34. Васильева О. В. Социологическое измерение социального настроения. Постнеклассический подход // Управление устойчивым развитием. – 2019. – №5. – С. 53-60.

Polomoshnov Andrey Fedorovich, DSc of Philosophical science, Professor, Department of Philosophy and History of the Fatherland, Don State Agrarian University, vill. Persiansky

Polomoshnov Lev Andreevich, Postgraduate student, Department of History of Foreign and Russian Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article analyzes various interpretations of ethnic and national identity and alternative models of their interaction with each other. It has been established that ethnic identity expresses the sociocultural and cultural-psychological identity both at the level of individual consciousness and at the level of social, collective self-awareness. National identity characterizes the originality of the socio-political system in which ethnic groups exist. In its captured form, it contains ethnic identity. Ethnic and national identity find their expression in ethnic and national self-consciousness, both at the level of social psychology and at the level of social ideology. In their interaction, the most effective is the model of harmonious mutual correlation of ethnic and national identity, in which the interests of various ethnic groups that are part of the national state find adequate realization in national identity. The problematic model is based on the contradiction between national and ethnic interests.

Keywords: ethnos; nation; primordialism; constructivism; identity; identity.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.5

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.422.42
БАК 24.00.01

В статье анализируются различные трактовки этнической и национальной идентичности и альтернативные модели их взаимодействия друг с другом. Установлено, что этническая идентичность выражает социокультурную и культурно-психологическую самобытность как на уровне индивидуального сознания, так и на уровне общественного, коллективного самосознания. Национальная идентичность характеризует самобытность социально-политической системы, в которой существуют этносы. Она в снятом виде содержит в себе этническую идентичность. Этническая и национальная идентичность находят свое выражение в этническом и национальном самосознании, как на уровне общественной психологии, так и на уровне общественной идеологии. При их взаимодействии наиболее эффективной является модель гармонической взаимной корреляции этнической и национальной идентичности, при которой в национальной идентичности находит адекватную реализацию интересы различных этносов, входящих в национальное государство. Проблематическая модель основана на противоречии между национальными и этническими интересами.

Ключевые слова: этнос; нация; примордиализм; конструктивизм; идентичность; самобытность.

Значительная часть современных государств представляет собой полиэтнические общества, интегрирующие в себе в различных формах множество этнических общностей. Для таких полиэтнических государств межэтнические отношения являются одним из ключевых факторов социальной, политической и экономической стабильности. С другой стороны, дестабилизация межэтнических отношений ведет к разрушительным последствиям для полиэтнических государств. Одним из важнейших факторов, определяющих эффективность той или иной модели межэтнических отношений, сложившейся в конкретном государстве, является взаимодействие этнической и государственной, национальной идентичности, как на уровне инди-

© Поломошнов А.Ф., 2020

© Поломошнов Л.А., 2020

**ПОЛОМОШНОВ
Андрей Федорович**,
доктор философских наук,
профессор, кафедра
Философии и истории
Отечества, Донской
государственный аграр-
ный университет,
п. Персиановский

**ПОЛОМОШНОВ Лев
Андреевич**, аспирант
кафедры Истории зару-
бежной и отечественной
философии, Институт
философии и социально-
политических наук,
Южный федеральный
университет,
Ростов-на-Дону

видуального массового сознания, так и на уровне национальной, государственной идеологии. "Национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты." [14, с.470]

Проблема соотношения этнической и национальной идентичности является дискуссионной в современном дискурсе, в котором не существует общепринятого понимания ключевых понятий "этнос" и "нация" и идентичность. Более того, в условиях глобализации, сопровождающейся массовыми культурными миграциями, смешениями этносов, формированием полиэтнических государств и противоречивыми тенденциями, с одной стороны, нивелирования этнической идентичности, с другой стороны, ее акцентуации, происходит своеобразная деонтологизация категорий "этнос" и "нация". "В современном мире этнос и нация становятся более "размытыми", а их реальный онтологический статус подвергается сомнению." [9, с.119]

Различные трактовки соотношения этнической и национальной идентичности базируются на различном понимании природы, различий и соотношения этноса и нации. Довольно распространенным является подход, отождествляющий эти понятия и тем самым, снимающий проблему дифференциации и взаимодействия национальной и этнической идентичности. [1, с.86]

Однако в современном дискурсе разрабатывается альтернативный подход, дифференцирующий этнос и нацию этническую и национальную идентичность. Представители этого подхода пытаются установить принципиальные отличия между нацией и

В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, СОПРОВОЖДАЮЩЕЙСЯ МАССОВЫМИ КУЛЬТУРНЫМИ МИГРАЦИЯМИ, СМЕШЕНИЯМИ ЭТНОСОВ, ФОРМИРОВАНИЕМ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И ПРОТИВОРЕЧИВЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, НИВЕЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, АКЦЕНТУАЦИИ ПРОБЛЕМЫ, ПРОИСХОДИТ СВОЕОБРАЗНАЯ ДЕОНТОЛОГИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ "ЭТНОС" И "НАЦИЯ".

этносом. Обычно к признакам этноса относят культурные критерии, а к признакам нации – территориальные, социальные и

политические. "Этнос указывает на социокультурную общность людей, а нация обозначает территориальное, экономическое и лингвистическое объединение людей, имеющих социальную структуру и политическую организацию." [4, с.137] В.В. Кочетков в качестве критериев этноса выделяет особенности

культуры, психики, языка и самосознания [8, с.158], а в качестве критериев нации указывает общность экономической жизни, территории и политических институтов. [8, с.157] Ю.А. Медова добавляет к этим признакам нации общность языка, истории, культуры. [9, с.121]

Очевидно, разведение признаков этноса и нации является проблематическим, поскольку ряд признаков у этих форм общностей людей – общий. К тому же признаки, приписываемые нациям, являются также культурно-историческими по своей природе, как и признаки, приписываемые этносам.

Дифференциация нации и этноса касается не только их критериев, но онтологического статуса. Природа этноса обычно интерпретируется с позиций примордиализма, рассматривающего этносы как реальные, объективно складывающиеся, детерминированные генетическими, географическими и культурно-историческими факторами устойчивые субъекты социокультурного процесса истории. "Этнические культуры (как и этносы) проходят длительный путь развития, занимающий не один век, растут и развиваются вместе со своим этносом." [4, с.138]

Природа нации, в отличие от этноса, интерпретируется с позиций конструктивистского или инструменталистского подхода, рассматривающие нации как искусственные продукты конструирования политическими технологами, используемые в прагматических политических целях.

Установив различие этноса и нации, исследователи баланса этнической и национальной идентичности сталкиваются с проблемой многозначности самого термина "идентичность." Например, Фадеичева выделяет три интерпретации термина идентичность: 1) тождественность субъекта самому себе как чувство самости, субъектности; 2) подлинность этнической самобытности, сводящаяся к этническому самолюбанию, самопревознесению по сравнению с другими этносами; 3) принадлежность индивида к определенной социальной или этнической общности, включенность его в эту общность. [15, с. 84]

Кочетков интерпретирует идентичность в контексте постмодернистских представлений о проблематизации, фрагментации и ситуативных трансформациях личностной идентичности. "Идентичности представляют собой конструкты. Мы сами конструируем свои идентичности по желанию, необходимости или принуждению. Идентичности – воображаемые сущности – то, что мы думаем о себе, к чему мы стремимся. Идентичность ситуационна." [8, с.150]

Некоторые исследователи, рассматривая соотношение этнической и национальной идентичности, не утруждают себя анализом ключевого термина и переходят сразу к определениям базовых понятий. Так, например, В.А. Ачкасов связывает этническую идентичность с осознанием индивидом своей принадлежности к определенной этнической общности [1, с.86], а национальную идентичность индивида с ментальной установкой, или чувством принадлежности к крупному политическому образованию, т.е. государству. [1, с. 87]

При таком подходе этническая идентичность формируется стихийно в процессе социализации личности, а национальная идентичность рассматривается как результат специального государственного воспитания индивида. "Нация, в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность." [10, с.15]

В современном дискурсе разрабатываются несколько версий соотношения или взаимодействия этнической и национальной идентичности.

Ачкасов предлагает модель сосуществования и инструментального использования этнической идентичности для формирования национальной идентичности. "Этническая и национальная идентичности по-прежнему сосуществуют как две зачастую конкурирующие формы групповой идентичности, для одной решающим фактором является культурная и историческая общность, для другой – политическая (государственная)." [1, с.88]

Согласно модели Ачкасова, национальная идентичность формируется путем специальной трансформации и использования в политических целях этнической культурной идентичности. "Национализм в формировании новой идентичности, конечно же, опирается на ранее возникшие традиционные принадлежности, однако он серьезно трансформирует существовавшие этнические и территориальные идентичности и придает иное значение используемому культурному наследию." [1, с.88]

Сосуществование национальной и этнической идентичности, по мнению Ачкасова, реализуется через сложное взаимодействие, предполагающее частичное взаимопересечение, а иногда и взаимоисключение. [1, с.89]

Т.Г. Грушевицкая предлагает модель культурной корреляции, т.е. взаимообуславливания этнической и национальной идентичности в процессе социализации личности. "Усвоение как этнической, так и национальной культуры происходит в процессах социализации и инкультурации – овладения знаниями и навыками, необходимыми для жизни в родной культуре... Параллельно формируется и национальная идентичность... Результатом становится формирование этнической и национальной идентичности, которые, как показывают социологические опросы, коррелируют между собой." [4, с.138]

Более дифференцированно взаимоотношение этнической и национальной идентичности анализирует Ю.А. Медова, выделяя три возможных способа взаимодействия этнической и национальной идентичности: 1) тождество, 2) различие и 3) противоречие. Тождество этнической и национальной идентичности складывается в государстве, которое делает этническую идентичность одной доминирующей этнической группы основой государственной идентичности. "Господствующей этнической идентичности предоставляются политические и правовые привилегии, которые зачастую влекут за собой политику. Поэтому национальная идентичность редуцируется к этнической." [9, с.122]

Различие этнической и национальной идентичности характерно, по мнению Ю.А. Медовой, для государств, где политическая, гражданская идентичность отделяется от деполитизированной этнической идентичности, оттесняемой в сферу культуры и бытовой жизни. "Государство на основе общих национальных интересов и идеологии объединяет этносы в политическую нацию, этническая идентичность деполитизируется и отходит на второй план. В этом случае этническая и национальная идентичность мирно сосуществуют друг с другом на основе разделения сфер реализации.

Противоречие между этнической и национальной идентичностью возникает в ус-

ловиях кризиса национального государства и стремления той или иной этнической группы реализовать свое право на политическое самоопределение." [9, с.122-123]

В.В. Кочетков, рассматривая индивида как основного субъекта национальной и этнической идентичности, предлагает модель их взаимодополнительности как различных сторон личностного самосознания. "Соотношение этноса и нации подобно соотношению индивида и личности, принятому в психологии." [8, с.158] Этническая идентичность фиксирует естественные, природные начала психологии, а национальная идентичность – социальные, политические характеристики.

Подводя итоги обзору подхода, дифференцирующего этническую и национальную идентичность, можно констатировать, что он плюралистичен и проблематичен. В основном в качестве субъекта идентичности берется отдельный человек и речь т.о. идет об индивидуальной этнической и национальной идентификации и о соотношении их в индивидуальном сознании личности.

Такой подход не только не позволяет адекватно интерпретировать базовые понятия этнической и национальной идентичности, но и порождает множество принципиальных проблем и затруднений. На наш взгляд, анализ взаимодействия национальной и этнической идентичности должен опираться на принцип реальной субъектности этносов и наций. Исходной основой этого анализа должен быть не индивид, а этносы и нации как реальные культурно-исторические общности, обладающие реальными признаками самобытности и коллективными формами самосознания этой самобытности.

В чем же состоит различие этноса и нации, каково их реальное взаимодействие в культурно-историческом процессе? Для того, чтобы провести различие между этносом и нацией необходимо, во-первых, дифференцировать не сами признаки общности, которые у них во многом совпадают и

пересекаются друг с другом, а степень или качество их развития. Ведь, единство территории, наличие государства и самобытной экономической системы было свойственно некоторым этносам еще задолго до возникновения рыночной экономики и современной формы государства. Во-вторых, необходимо рассматривать этнос и нацию как две стадии развития этнических общностей. Причем нация как более высокая ступень развития этнических общностей в снятом виде содержит в себе этнос и формируется на основе этноса. Чаще всего нация является интеграцией по той или иной модели нескольких этносов. При этом нацию образующий доминирующий этнос переходит в стадию нации, а интегрируемые в создаваемое национальное государство другие этносы становятся подчиненными, интегрированными элементами нации.

Традиционно выделяются следующие критерии этноса как исторического субъекта: 1) единство территории проживания; 2) общность языка; 3) единство духовной культуры, традиций; 4) общность исторического происхождения и исторического опыта; 5) общность хозяйственной (экономической) жизни; 6) общность психического склада; 7) общность самосознания.

Этнос в узком смысле слова Бромлей обозначает термином "этникос" – "исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)". [2, с.57-58]

Этнос в широком смысле слова Бромлей обозначает термином "этносоциальный организм" – "та часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет,

таким образом, определённую социально-экономическую целостность". [2, с.63]

Э.А.-О. Гурбанов использует для характеристики социального организма, составляющего форму исторического социокультурного существования этноса другой термин: "локальная этносоциальная система". "Любой этнос, кроме традиционно указываемых признаков единства, в силу совместного длительного проживания на одной территории и единства исторической жизни, образует некую самобытную социальную этническую систему, самобытность которой выражена не только в общности территории, языка и культуры, но и в самобытности экономической, управленческой, правовой и духовной подсистем." [5, с. 28]

С учетом этих двух аспектов понятия "этнос", можно провести различие между, с одной стороны, этносом как коллективным субъектом социокультурной деятельности и субъектом идентичности и, с другой стороны, этносоциальной системой как социокультурной формой существования этноса, т.е. социокультурной системой, созданной этносом и обеспечивающей его существование и определяющей его индивидуальность, субъектность и самобытность.

Этносоциальная культурная система определяет содержание этнической самобытности. А этническое сознание, являясь своеобразной рефлексией этого содержания, образует форму этнической идентичности. Как форма этнического коллективного сознания этническая идентичность выступает на двух уровнях: 1) на уровне коллективного бессознательного как этнический психический склад, куда входят все стороны и элементы психики от познавательных, эмоциональных, волевых до деятельностных и 2) на уровне этнического самосознания в форме представленных в дискурсивном виде концепций этнического характера, этнического склада ума, этнического психического склада.

Субъектом национальной идентичности является нация как сверх или метаэтничес-

кая форма социокультурной общности людей. В современном дискурсе нацию рассматривают как формирующуюся при переходе к индустриальному обществу форму общности, которая по отношению к этносу выступает как метасистема, включающая в себя этносы, но в качестве подчиненных элементов экономико-политического организма определенного государства.

В качестве характерных признаков нации принято выделять: 1) единое государственное гражданство (политическая общность), выступающее доминирующим по сравнению с этническими критериями, основанием единства или сплочения населения; 2) единое экономическое пространство (или экономическая система), обычно связываемое с рыночной экономикой и свободным движением рабочей силы и других экономических ресурсов; 3) наличие единой государственной идеологии (национальной идеи), которая создается и внедряется государством через систему массового образования, СМИ и массовой культуры в сознание населения.

Общность культуры, языка, территории и др. критериев, характерных для этноса, также сохраняется в нации, но уже как вторичные признаки, подчиненные первичным. Поскольку нации образуются обычно из комбинаций нескольких этносов, но на базе одного, доминирующего этноса, постольку в нации складываются на базе социокультурных особенностей доминирующего этноса сверх этнические национальные социокультурные качества: 1) государственный язык как язык межэтнического общения; 2) национальная культура как некий синтез доминирующей этнической культуры с локальными этническими культурами других этносов, входящих в нацию.

В отличие от этноса, для нации самосознание является конституирующим критерием. Но это самосознание формируется не стихийно, а на основе разрабатываемой профессиональными идеологами государственной идеологии, в которую в снятом

виде включается этническое самосознание доминирующего или нациеобразующего этноса. "Нации создаются государством и являются в первую очередь политической общностью, создаваемой политическими и культурными элитами на демографической и культурной основе исходных этносов и их культурных образцов. Государство и политическая сфера во многом формирует общую культуру нации и ее самосознание.

Однако при возникновении государства и его институтов этносы как структуры с принципиально отличными от этноса онтологическими основаниями не "трансформируются в нации" не "отмирают", ...продолжая сосуществование с нацией, как политической в основе общностью, возникшей и воспроизводящейся в рамках государства." [12, с.156]

Если говорить об этническом психическом складе, то здесь доминирующей формой является уровень коллективного бессознательного, а не уровень самосознания. Самобытность доминирует здесь над идентичностью. В национальном характере и национальном менталитете доминирующей формой является именно уровень общественной идеологии, т.е. идентичность доминирует самобытностью.

Если говорить о национальном психическом складе, то он носит сверхэтнический или интегрально-этнический характер, интегрально-культурный характер. Национальная "Идентичность формируется на основе соответствующей национальной парадигмы, на пересечении национально-исторической, социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер." [3]

В случае с национальной идентичностью, можно сказать, что только идеологизированная, рефлексивная форма национальной самобытности образует эту идентичность. "Самобытность, только будучи осознана на уровне общественной психологии или общественной идеологии, т.е. приняв форму об-

щественного и индивидуального сознания, становится идентичностью." [6, с.23]

Национальная идентичность, т.о., является одновременно и ключевым критерием нации, и формой рефлексивного самосознания нации, и предметом государственной политики, поскольку она выполняет важнейшую функцию интеграции, сплочения социальных и этнических групп, образующих национальный государственный, политический и экономический организм. "Национальная идентичность является интегрирующим фактором общества на базе общих терминальных и инструментальных ценностей (в том числе через такие ценностные комплексы, как Родина, государство, страна)." [3]

Сложная этническая и социальная стратификация нации как социокультурной общности обуславливает момент плюрализма конкурирующих версий национальной идентичности или национальной идеологии, отражающих различные интересы тех или иных стратификационных групп. Доминирующая государственная идеология как форма национальной идентичности является определенным социальным и культурным компромиссом между социальными группами с различающимися или противоположными интересами.

Итак, анализ взаимоотношения этноса и нации как двух форм и стадий развития этнической общности позволяет определить характер взаимодействия этнической и национальной идентичности. Подобно тому, как этнос в преобразованном виде входит в нацию, также этническая идентичность снимается, но не уничтожается в национальной идентичности. Этническая идентичность в структуре национального государства выражается в самобытных социокультурных и культурно-психологических особенностях этноса и находит отражение в этническом самосознании, как на уровне общественной психологии, так и на уровне общественной идеологии. Национальная самобытность выражается в специ-

фических особенностях социально-политической системы государства и национальной идеологии, выражающей в рефлексивном виде национальную самобытность. Гармонический баланс этнической и национальной самобытности достигается на основе создания для каждого этноса, входящего в состав национального государства благоприятных условий для развития и сохранения этнической самобытности, а также на основе национальной идеологии, в которой находят адекватное выражение этническая самобытность, а также общенациональные интересы всех этносов.

Литература:

1. Ачкасов В. А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2012. – №1. – С. 85-91.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса: монография. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
3. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения : 15. 03.2020).
4. Грушевицкая Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – №12 (54). – Ч. 2. – С. 137-139.
5. Гурбанов Э. А.-О. Региональная социокультурная идентичность Северного Кавказа: интеграция и динамика: дис. канд. философ. н. [Волгоградский государственный университет] – Волгоград, 2013.
6. Гурбанов Э.А.-О., Поломошнов А.Ф. Северный Кавказ в российском социокультурном пространстве: монография. – п. Персиановский : Изд-во Донского ГАУ, 2013. – 198 с.
7. Капицин В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. – 2014. – №1. – С. 8-32.
8. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144-162.
9. Мёдова Ю.А. О соотношении этнической и национальной идентичности // Философия и общество. – 2010. – № 4. – С.119-125.
10. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. – 1992. – №5-6. – С. 10-15.

11. Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия "Социально-гуманитарные науки". – 2013. – Т. 13. – №2. – С. 178-180.

12. Сафонов А.Л. Нации и этносы в историческом процессе: проблемы философской концептуализации: монография. – М. : Московский государственный индустриальный университет, 2015. – 255 с.

13. Тишков В.А. О нации и национализме. Политические заметки // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 34-38.

14. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России: сборник статей / под ред. А.И. Миллера. – М. : НЛЮ; Фонд "Либеральная миссия", 2008. – С. 455-521.

15. Фадеичева М.А. Национальная и этническая идентичность: гражданин между холизмом и робинзонадой // Дискурс-Пи. – 2002. – № 1. – С. 82-85.

Malik Elena Nikolayevna, PhD of Political sciences, Associate Professor, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel

The article presents the results of a systematic analysis of the process of integration of Russian youth into the political sphere of society. The specificity of the situation of young people as an object and subject of state policy is justified and the conditions for stimulating their socio-political activity are revealed. The orientation of the participation of the younger generation in the political process of the country is influenced by an integrated system of political, socio-economic, historical and cultural factors. The conclusion is argued that the situation of the young generation, the formation and realization of its socio-political potential continue to remain controversial. The productive realization of its innovative potential is a significant factor in political progress.

Keywords: youth; political process; political subjectivity; state youth policy; political socialization

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.6

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 316

БАК 22.00.05

© Малик Е.Н., 2020

В статье приведены результаты системного анализа процесса интеграции российской молодежи в политическую сферу общества. Обоснована специфика положения молодежи как объекта и субъекта государственной политики и выявлены условия стимулирования ее общественно-политической активности. Направленность участия молодого поколения в политическом процессе страны протекает под воздействием интегрированной системы политических, социально-экономических, исторических и культурных факторов. Аргументирован вывод, что положение молодого поколения, становление и реализация его общественно-политического потенциала продолжают сохранять противоречивый характер. Продуктивная реализация его инновационного потенциала выступает значимым фактором политического прогресса.

Ключевые слова: молодежь; политический процесс; политическая субъектность; государственная молодежная политика; политическая социализация.

Российская действительность свидетельствует о сохраняющемся декларативном характере государственной молодежной политики. Указанные тенденции обуславливают фрагментарный характер включения молодых граждан в политическую жизнь общества, что препятствует их полноценной интеграции в политический процесс. Вместе с тем, молодежь – это движущий субъект процесса развития государственной молодежной политики, способный к прогрессивным преобразованиям существующих политических норм, ценностей и образцов поведения.

С одной стороны, молодежь рассматривают как объект политической социализации, воспитания, что определено особенностями исторического развития нашего общества. В этом ключе, молодежь следует рассматривать как наиболее перспективный объект государственных инвестиций. С другой стороны, молодые граждане стремятся к проявлению своей индивидуальности, креативности, а с помощью групповых факторов активности, консолидированного интереса в рамках политической субкультуры, они имеют большой потенциал оказать реальное

МАЛИК Елена Николаевна, кандидат политических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России, Орёл

влияние на ход политического процесса и демократизацию политического участия.

Одним из важнейших условий политической субъектности молодежи является ее политическое участие, гражданская идентичность, легальные формы проявления политической активности и др. Успешная интеграция молодого поколения в системные общественно-политические отношения, продуктивная реализации его инновационного потенциала выступает значимым фактором политического прогресса.

Задача субъектов государственной молодежной политики – направить слабо контролируемую энергию молодого поколения по нужному вектору развития. Эта цель требует значительных усилий как от органов государственной власти, так и от институциональных структур гражданского общества, так как общественно-политический потенциал молодежи должен быть эффективно использован для решения указанной амбициозной задачи.

Следствием ослабления регулирующей роли институтов политической социализации молодежи в условиях социально-политических трансформаций наблюдаются процессы девиаций, потребительского отношения к жизни в молодежной среде, а также элементы радикализма и экстремизма. Эти явления имеют непосредственное влияние на рост политической апатии, недоверия современной молодежи к традиционными политическим институтам. Однако нельзя однозначно утверждать, что молодые граждане полностью утратили интерес к политике и социально-значимой деятельности. Мы склонны думать, что это скорее стремление к неформальным способам общественно-политического участия, тяга к свободным способам самовыражения, для которых свойственны слабо структурированные формы гражданского участия. При этом политические ориентации и политические установки молодежи по объективным причинам подвижны, поэтому мо-

лодежь как потенция готова к любым начинаниям.

В современной науке нет однозначного мнения в отношении субъектной роли молодежи в политическом процессе. С одной стороны, молодежь рассматривают как объект политической социализации, воспитания, что определено особенностями исторического развития нашего общества. В советский период государство воспринимало молодежь, в частности комсомол, как молодого строителя коммунистического общества. Поэтому ценностные характеристики молодого поколения подводились под идеалы КПСС и приближались к целям социалистического строительства. Центральным вопросом воспитания оставался идеологический компонент соответствия революционным традициям отцов, а также выполнение программ индустриализации страны при мощном трудовом молодежном ресурсе. Все модели развития молодежной культуры (субкультуры), отражающей собственные ценности молодежного возраста, молодости пресекались правительством, ВЛКСМ и были отнесены к девиациям тлетворного влияния Запада [1].

Также следует учесть и то обстоятельство, что возрастные особенности и социальная уязвимость молодежной аудитории обуславливают необходимость оказания ей целенаправленной поддержки со стороны государственных и социальных институтов на этапе своего взросления.

С другой стороны, именно молодежь выступает базой общественных изменений, обладая инновационным потенциалом, более легко приспосабливается к новым условиям. Немецкий ученый Карл Мангейм подчеркнул, что молодежь является своего рода резервом, выступающим на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам [2].

Молодежь недостаточно понимать в традиционном смысле, только в качестве бу-

дущего общества, резерва демократических преобразований России. Ее необходимо оценивать как неотъемлемую часть современного общества, несущую особую, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за сохранение и развитие нашей страны, за преемственность ее истории и культуры, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений. При этом, начиная свою самостоятельную жизнь, молодые граждане должны быть способны задать новый импульс процессу демократизации российского общества, реализовывать собственный потенциал социального новаторства.

В сложившихся условиях первостепенной задачей Президент В.В. Путин считает "вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь страны и привлечение ее к решению собственных проблем, поскольку трудно представить молодежную политику без самой молодежи" [3].

Если рассматривать молодежь в качестве активного и значимого субъекта политической сферы жизнедеятельности общества, следует выделить ее функциональную специфику:

1) сегодня молодежь выступает главным стратегическим ресурсом воспроизводства социума;

2) именно молодым гражданам свойственен значительный инновационный потенциал, ориентация которого может иметь как конструктивную, так и деструктивную направленность (в зависимости от конкретных социально-экономических и политических факторов);

3) молодежь следует признать главным ресурсом, обеспечивающим национальную безопасность и обороноспособность государства;

4) мобильность, технологичность и стремление к освоению нового квалифика-

ционного уровня, присущий современной молодежи, а также способность оперативно адаптироваться к любым изменениям вы-

соко востребованы в условиях современного рынка.

Вместе с тем, ведомственный характер государственной молодежной поли-

тики проявляется и в том, что, с точки зрения ее институциональных субъектов, молодое поколение не представляет собой категорию, обладающую комплексом универсальных молодежных ролей и статусных характеристик, оно разделено на страты и группы. То есть молодому поколению свойственна определенная внутренняя возрастная, социальная, экономическая и политическая дифференциация. Данные обстоятельства в значительной мере определяют модели социально-политической активности молодых граждан, условия их включения в общественно-политические практики, а также субъектную/объектную роль в проведении государственной молодежной политики [4, с.28].

Аргументировано, что конкретные исторические условия общественного развития способствуют, либо препятствуют формированию субъектности молодежи, определяют функционирование институтов социализации и воспитания подрастающего поколения, и в целом влияют на процесс институционализации государственной молодежной политики. Среди них выделим основные: 1) внимание институтов государственной власти и гражданского общества к становлению общественно-политического потенциала молодого поколения; 2) создание государством и обществом реальных политических стимулов для активизации политического потенциала и гражданской самореализации молодежи; 3) обеспечение необходимых условий для реализации прав молодежи участвовать в демократических преобразо-

МОЛОДЕЖЬ НЕДОСТАТОЧНО ПОНИМАТЬ В ТРАДИЦИОННОМ СМЫСЛЕ, ТОЛЬКО В КАЧЕСТВЕ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА, РЕЗЕРВА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ.

ваний; 4) наличие системы социальных лифтов для молодого поколения.

Вполне ясно, что на политическую субъектность молодежи во многом влияет процесс ее политической социализации под воздействием таких институтов, как семья, образование, государство, армия, религиозные конфессии, политические партии, общественные организации и объединения, СМИ. Результатом политической социализации граждан является формирование политической культуры, представляющей собой совокупность мировоззренческих ориентиров, норм, традиций, представлений о политике. Политическая культура молодежи характеризуется ее специфическими политическими интересами, предпочтениями и установками, что указывает на признаки субкультуры. В структурном плане политические интересы молодых граждан содержат их точку зрения на деятельность властных институтов, а также оценку их практической работы по решению проблем в сфере молодежной политики. Таким образом, уровень политической культуры молодых граждан непосредственным образом влияет на их политическое поведение, и в целом на течение политического процесса, что находит дальнейшее свое выражение в таких формах, как: патернализм, политкорректность, популизм.

Социально-политические трансформации российского общества влияют на механизмы политической социализации подрастающего поколения, формирования его политического сознания. В ходе исследования была предпринята попытка сгруппировать основные условия и факторы, препятствующие становлению общественно-политического потенциала молодежи и повышению ее субъектности:

– первая "объективные": 1) нестабильное социальное и материальное положение на начальном этапе профессионального развития, отсутствие постоянного дохода и низкая заработная плата по причине малого опыта трудовой деятельности; 2) повыше-

ние конкурсных требований к получению высшего образования, высокая цена на оказание образовательных услуг на договорной основе, в целом ограничивают его доступность; 3) лабильность политического сознания, подвижная система ценностных ориентаций и установок, а также отсутствие необходимого опыта политической деятельности.

– вторая "субъективные": рост индивидуализма, трансформация духовно-нравственной системы ценностей в современном обществе; снижение или потеря интереса к политике; низкий уровень политической и гражданской культуры на фоне роста "модели потребителя"; рост уровня недоверия к властным институтам.

Наравне с приведенными факторами целесообразно указать и на фактический уровень гражданской идентичности молодого поколения. Здесь важное значение имеет оценка молодыми гражданами своей роли в развитии демократизации российского общества, а также осознание реального влияния на ход современного политического процесса. Повышение политической идентификации молодых граждан во многом зависит готовности российского общества продвигать общегражданские ориентиры, способные к интеграции населения страны. Здесь, как нам видится, активную позицию должны демонстрировать представительские властные структуры, политические партии, институты гражданского общества, молодежные объединения и союзы, СМИ. Данные институциональные общности имеют свои ресурсы и возможности, используя которые они и формируют свою модель молодежной политики.

Социально-политические преобразования российского общества, протекающие под влиянием общемировых процессов, усложняют институционализацию государственной молодежной политики. Наш анализ показал, что актуальными проблемами в данной сфере остаются следующие: отсутствие четких ориентиров и целей государ-

ственной молодежной политики условиях глобализации, новых вызовов мирового сообщества, массовизации

культуры, медиатизации политики и других вызовов современности; незавершенность нормативно-правовой базы, регламентирующей сферу реализации государственной молодежной политики; "низкий ста-

тус и дезинтеграция деятельности учреждений по работе с молодежью, отсутствие полноценной инфраструктуры организаций, адекватно отвечающей потребностям и интересам молодого поколения" [5, с.85]; низкий уровень финансового обеспечения государственной молодежной политики, как в целом и всей социальной политики государства и т.д.

Учитывая данные обстоятельства, государственная молодежная политика должна проводиться с целью полноценной интеграции молодого поколения в деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, общественных структур. При этом немаловажное значение имеет гражданская и политическая идентификация молодого поколения, система мотивации и духовно-нравственных ориентиров, что в целом формирует модель их общественно-политической активности.

Сегодня многие из экспертов высказывают мнение, что российская молодежь проявляет низкий уровень политической культуры, не заинтересована инвестировать свою энергию в развитие гражданского общества, проявляет безучастность к региональным практикам и деятельности институтов местного самоуправления. В своем большинстве российская молодежь еще не готова демонстрировать зрелый уровень политической культуры. Такие важные ее составляемые, как инициативность, устойчивый интерес к деятельности государственных и общественных институтов, гражданская от-

ветственность и самоорганизация молодые граждане не выдвигают на первый план в

иерархии своих ценностных ориентаций [6, с.32]. Отсутствие данных устремлений во многом затрудняет политические ориентации и стимулы молодежи, осознание значимости своей субъектной роли в по-

литическом процессе страны.

За последние годы мы наблюдаем некоторое усиление ориентаций российской молодежи на индивидуализм, конкурентоспособность, самостоятельность, "выражение личности". Так, около 72% молодых граждан указывают на важность материального положения; 68% – отметили ценностный смысл "свободы"; 53% – верят, что "риск дает шанс на успех". Несмотря на то, что молодые граждане признают значимость таких основных демократических ценностей, как права и свободы, уровень их интереса к политической сфере неустойчив и невысок [7].

Указанные факторы непосредственным образом влияют на реализацию политического и общественного потенциала молодых граждан, а также их политическое поведение. Высокий уровень выражения политической субъектности молодежи проявляется в ее интеграции в сферу политических отношений, активном участии в деятельности органов государственной власти и институциональных структур гражданского общества. Напротив, выражение абсентистических настроений, апатии, нигилизма, недоверия политической и административной элите говорит о полном самоотчуждении от политического процесса, что в принципе свойственно для большинства современной молодежи.

И здесь целесообразно выявить, какова же степень самостоятельности молодежи при участии в политическом процессе и

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРОТЕКАЮЩИЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБЩЕМИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ, УСЛОЖНЯЮТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ.

институционализации государственной молодежной политики при реализации своего общественно-политического потенциала. В зависимости от положения молодежи в обществе ее роль на разных стадиях политического процесса может меняться: где-то она выступает субъектом отношений, а в другом случае под влиянием различных факторов, она может стать объектом воздействия политических сил.

Нельзя не указать на молодых граждан, которые в силу своей политической апатии и осознания низкой степени своей субъектной роли в политическом процессе, демонстрируют политическое поведение, которое следует охарактеризовать как абсентеистское. Как отмечает В.А. Крикунова, "в большей степени это объясняется психологической реакцией на гиперполитизацию в период предвыборных кампаний и систематическое игнорирование требований молодежи в период между выборами" [8, с.108]. Представители данной группы приходят к пониманию, что политические акторы видят в них лишь ресурс для получения своего конкурентного преимущества и электоральной поддержки, а не являются активными выразителями интересов молодежи. Также политическая инертность молодых граждан возникает из-за их неверия в справедливость и прозрачность выборов. При этом неконвенциональные формы политического участия здесь оказываются практически неприемлемыми.

Активными сферами проявления общественно-политического участия и субъектности российской молодежи следует назвать: государственную и общественную молодежную политику; участие в деятельности органов государственной власти и МСУ; членство в политических партиях и молодежных общественных объединениях, гражданских инициативных организаций и т.д. В среднем численность молодежи, демонстрирующей общественно-политическую активность, составляет от 1% до 6%. Представители данной группы выражают

стремление к активному участию в политическом процессе, верят в собственные силы и свою значимую роль в демократизации российского общества.

Наряду с перечисленными легальными (конвенциональными) способами выражения, политическая активность может быть и нелегальной (неконвенциональным), например, несанкционированные уличные акции, митинги, мятежи; деятельность антиобщественных и экстремистских организаций.

Наш анализ показал, что факторами вовлечения молодежи в ряды протестного движения являются: 1) пропаганда в СМИ западных ценностей и идеологии, направленной на разрушение массовой культуры, подмену культурных кодов; 2) использование организациями псевдопатриотической и антисоциальной направленности сетевых технологий для мобилизации молодежного сознания; 3) пропаганда оппозиции "успеха" активистов революционных и реакционных движений: от аргентинского Че Гевары до Навального. Такие приемы ориентированы на внушаемость молодежи, неустойчивость ее политического сознания и ориентаций. Молодежь всегда захватывал революционный дух и так как энергия у некоторой части подростков не находит конструктивного выражения, то заманчивые предложения со стороны оппозиционного движения сразу привлекают к себе внимание.

Также нельзя не сказать об "Интернет-социализации" современной молодежи. В сетевом пространстве Интернет свои законы, своя система ценностей. Современная молодое поколение сильно зависимо от квазипубличности и рейтинга просторов своей странички в социальных сетях. Очевидно, что такая Интернет-зависимость молодежи в силу подвижности ее политических ориентаций и установок, лабильности сознания будет и уже используется в самых разных, в том числе и политических, целях. "Молодым гражданам стараются доказать, что они

– сила, готовая к новым свершениям, к разрушению старого порядка и оформлению нового строя" [9]. Это может привести к дезорганизации молодого поколения, "раскручиванию" русофобии и псевдопатриотизма. Примерами могут послужить Белоленточное движение 2011 2013 гг. и протестные акции на Большой Якиманке и Болотной площади, Воскресный марш памяти Б. Немцова, протестные антикоррупционные акции, спровоцированные Фондом борьбы с коррупцией Алексея Навального и др.

Вместе с тем, у подростков чаще за митингом стоит не политическая позиция, а драйв. Участие молодого поколения в акциях протеста все чаще связано с "эффектом акционизма, приносящим вал просмотров YouTube, поток лайков и репостов в социальных сетях" [9]. Энергетика молодого поколения достаточно высокая, она требует каналов для самореализации. При этом уровень формирования политической культуры молодых людей не позволяет им адекватно оценить сложные социально-политические трансформации российского общества и современные тенденции мирового политического процесса. Поэтому задачей органов государственной власти, в первую очередь по работе с молодежью, выступает разработка действенных механизмов по эффективной реализации общественно-политического потенциала молодого поколения в системе государственной молодежной политики. В свою очередь институты и агенты политической социализации молодежи обеспечат позитивную ориентацию слабо контролируемой энергии молодых граждан по нужному вектору развития. Специфика содержания и направленность данного процесса на конкретном этапе развития общества влияет на формирование моделей политического участие молодого поколения в политическом процессе страны.

Из этого следует, что в условиях социально-политических трансформаций российского общества положение молодого поколения продолжает сохранять противоречивый

характер. Во-первых, молодежь выступает базовым социальным ресурсом общественных изменений, так как демонстрирует быструю адаптацию к социально-политическим преобразованиям и готовность к инновациям. В своем большинстве, молодежь стремится к демонстрации своей индивидуальности. Около 36% молодых респондентов убеждены что важным направлением государства является "создание условий для самовыражения, самореализации молодежи" [7]. Молодые граждане по-другому относятся к политической системе, чем предыдущие поколения. Молодое поколение отличается от взрослого населения прогрессивными установками, инновационным мышлением, предрасположенностью к новым моделям поведения, в том числе и в политике. Современная молодежь активно демонстрирует модели "цифрового участия" во всех сферах развития общества – от цифрового электорального участия до цифровизации бизнеса. Мы разделяем мнение Е.С. Устинович, что "стратегии цифрового развития способствуют сквозной интеграции информационно-технологических стратегий в будущем" [10, с.114]. Тем самым молодежь более свободна в выборе направленности развития российского общества, в том числе своей политической субъектности. Поэтому по праву молодежь называют ключевым стратегическим ресурсом развития современного государства.

Во-вторых, если оценивать положение молодого поколения как объекта воздействия институтов молодежной политики, то важно понимать, что начальный этап его интеграции в общественно-политические отношения не может быть полноценным без поддержки государственных органов и институтов гражданского общества. По мнению самой молодежи, 33% респондентов убеждены, что государственная молодежная политика "соответствует интересам молодежи", 44% респондентов отметили, "никак не затрагивает" и 20% – высказали мнение, что "противоречит интересам молодежи".

Так, 51% опрошенных молодых граждан указывают на необходимость институтов государства "оказывать молодежи социальную поддержку, защищать её интересы; 29% отводят данную роль молодежным организациям и объединениям и

лишь 10,9% молодых граждан готовы принять активное участие в разрешении проблем молодежи [7]. Таким образом, российская молодежь продолжает демонстрировать патерналистский тип политической культуры, что характеризуется отстраненным отношением к деятельности органов государственной власти и низкой оценкой собственной общественно-политической компетенции.

В-третьих, в молодежной среде одновременно интегрированы прогрессивно и критически настроенные к политике молодые люди, а также полностью инертные и безразличные. По мнению Ю.В. Манько и К.М. Оганяна, "как объект политики молодежь проявляет себя в качестве "зрителя" политической игры, пассивно наблюдающего кто победит, обманет..." [11, с.244-243]. С одной стороны, склонность молодежи более критично относиться к политической системе и правящим элитами, в том числе к политическим партиям, может и не вызывать беспокойства. Но с другой – пассивное участие молодого поколения в демократическом процессе (минимальным требованием здесь будет участие в голосовании на выборах) становится причиной развития аполитичности у большинства молодых граждан, что ведет к снижению явки на выборах, появлению значительно числа крайне плохо политически информированных избирателей, циничных граждан и менее вовлеченных в жизнь местных сообществ людей. Указанные тенденции мо-

гут способствовать развитию мобилизационного поведения в молодежной среде, в том числе в неконвенциональных формах.

Также следует рассмотреть причины и последствия недостаточной вовлеченности

молодежи в формальную политику, а также формирования ее субъектности в демократическом процессе. Концептуальный подход "безразличного гражданина" указывает, что молодые граждане могут выражать свой интерес к политике без того, чтобы быть активно вовле-

ченными в деятельность формальных политических партий, они могут участвовать в политических действиях, не голосуя на выборах и не демонстрируя свою приверженность какой-либо политической партии. Они могут многое знать по отдельным политическим проблемам, одновременно оставаясь крайне скептически настроенными по поводу своих шансов оказать реальное влияние на принятие соответствующих политических решений. Более того, они могут участвовать в действиях, которые являются политическими в широком смысле этого слова, не проявляя никакого интереса к самой политике. "Кроме того, в настоящее время в некоторых российских регионах сохраняется ситуация неполного охвата молодежи учреждениями органов по делам молодежи и их услугами" [12, с.23-24].

Таким образом, несмотря на то, что молодые люди в меньшей степени вовлечены в формальную политику, они выражают обеспокоенность более общими проблемами, которые также могут трактоваться в качестве политических. Они часто вовлечены в кампании, нацеленные на решение какой-то одной конкретной проблемы, рассматриваемой молодыми как имеющей непосредственное отношение к их собственной жизни.

Главные показатели эффективности работы по вовлечению молодежи в указанные процессы:

1. Охват молодежи — если проект интересен молодым людям, то он развивается, появляется конкурс при отборе и т.д. Если нет интереса и нет изменений, то со временем он исчезает.

2. Качество подготовки участников и проработанность проектов (касаемо образовательных форматов и конкурсов).

3. Качество и проработанность в организации мероприятий самими специалистами молодежной политики.

4. Жизнеспособность и развитие отдельных актуальных проектов после конкурсов.

5. Количество молодых людей "на входе" в определенный процесс и "на выходе".

6. Дальнейшее развитие (личное, профессиональное) молодежи, вышедшей из проектов молодежной политики.

7. Безусловно, общественное мнение о молодежной политике (оно складывается из сюжетов СМИ, которые освещают жизнь молодых людей, так или иначе принявших участие в ее реализации ("сарафанное радио").

8. Количество партнеров (как показывает практика, если окружающие видят работу и ее результат, то и сотрудничают охотнее, а порой и сами предлагают спонсорскую помощь).

9. Наличие или отсутствие негативных ситуаций (жалобы, недовольство деятельностью молодежных организаций со стороны участников, родителей, партнеров).

Напротив, теория "культурного сдвига" политического участия молодежи выдвигает альтернативную точку зрения. Сторонники данного подхода убедительно доказывают, что молодежь интересуется политикой не меньше взрослых. Мы разделяем мнение исследователей, что молодежь не аполитична и готова принимать участие в происходящих политических событиях, но не на формализованном и строго организационном уровне, а индивидуально. Как справед-

ливо заметил российский ученый А.А. Малькевич, "это не столько молодые люди стали безразличными к политике, сколько политические представители оказываются далекими, поглощенными собственными проблемами и не способными соответствовать жизненному опыту молодых людей..." [13, с.55]. Во-первых, стиль политической коммуникации, применяемый различными акторами, часто не совпадает с моделями политической субкультуры молодежи, он во многом отстает от онлайн-стратегии инновационного развития молодого поколения. Во-вторых, социально-политические и культурные трансформации способствовали тому, что традиционные социальные и культурные институты (семья, добровольные объединения, церкви, рабочие организации), которые обеспечивали коллективное политическое значение, символы и власть для молодых людей, оказались перед вызовом со стороны процессов деинституционализации. В следствие чего, в основе социального конструирования политической идентичности молодых людей молодежной лежит мобильность, индивидуализация и консьюмеризм.

На основании вышесказанного, мы приходим к заключению, что молодежь невозможно однозначно рассматривать как саморазвивающуюся и самодостаточную систему. Ее формы интеграции в политический процесс во многом зависят от реальных социально-экономических и политических условий развития современного общества.

Положение молодого поколения, становление и реализация его общественно-политического потенциала продолжает сохранять противоречивый характер. С одной стороны, молодежь рассматривают как объект политической социализации, воспитания, что определено особенностями исторического развития нашего общества. В этом ключе молодежь следует рассматривать как наиболее перспективный объект государственных инвестиций. С другой стороны, молодые граждане стремятся к про-

явлению своей индивидуальности, креативности, а с помощью групповых факторов активности, консолидированного интереса в рамках политической субкультуры они имеют большой потенциал оказать реальное влияние на ход политического процесса и демократизацию политического участия.

Следовательно, необходимо переориентировать систему политической социализации молодого поколения с учетом оптимизации механизмов государственной молодежной политики. Новые условия политической конъюнктуры обуславливают максимальную заинтересованность российского государства и общества, вопреки патерналистским традициям, в результативной активизации общественно-политических ресурсов молодого поколения. Архиважной является утверждение в России интегративной модели государственной и общественной молодежной политики, где самим молодым гражданам будет отведена главенствующая роль.

Формализованность государственной молодежной политики может быть устранена путем нормативного закрепления и четко сформулированной национальной идеи, отвечающей вызовам времени. Государственные институты при активной роли молодежного сегмента гражданского общества должны сделать важнейший шаг для формирования, продвижения и модернизации духовно-нравственной системы российского общества, стратегии национального развития.

Интенсификация государственной молодежной политики зависит от конструктивного взаимодействия государства и молодежного сегмента гражданского общества, основанного на полноценном участии молодежных институциональных структур в политическом процессе. Налаженная система государственной поддержки молодежных инициатив и применение технологий участия в легальных институтах государственной власти, во-первых, обеспечит реализацию прав молодых граждан участвовать в

разработке государственных решений, а во-вторых, направит социально-политическую активность молодого поколения в позитивное русло.

Сегодня крайне актуально, чтобы субъекты государственной и общественной молодежной политики занимались пропагандой традиционных ценностей российского общества, создавали диапазон действительных социальных возможностей для повышения общественно-политического потенциала молодых граждан.

Государству целесообразно стимулировать деятельность политических партий и молодежных общественно-политических организаций, которые содержат в себе достаточный социализирующий потенциал. У российской молодежи должен быть сформирован высокий уровень политической и гражданской культуры для легитимного выражения и отстаивания своих политических идей.

Примечания:

1. Петухов В.В. Поколение "нулевых": социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 56-62.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 538 с.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 16.04.2020).
4. Малик Е.Н. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики / П.А. Меркулов, Е.Н. Малик, Е.С. Бакалдина, А.Л. Елисеев // Власть. – 2015. – № 10. – С. 27-32.
5. Мурадова М. В. Социологические методы исследования молодежного протеста // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – Т. 2. – С. 83-86.
6. Грунистая О.С. Государственная молодежная политика в РФ: проблема организационно-правового обеспечения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2019. – № 13. – С. 29-34.
7. Данные Фонда общественного мнения. Исследование "О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности". Опрос "ФОМнибус" 6-7 сентября 2019 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. [Электронный ресурс] Режим доступа //

<http://fom.ru/TSennosti/11748> (дата обращения 25 марта 2020).

8. Крикунова В.А. Формирование молодежной политической культуры в современной России: дис. ... канд. полит. наук. -Чита, 2009.

9. Черевко М. Эксперты рассказали, почему молодежь участвует в акциях протеста [Электронный ресурс]<http://newsnn.ru/article/general> (дата обращения 15 сентября 2020).

10. Устинович Е.С. государственная политика развития цифровой экономики в России // Известия Юго-Западного государственного универси-

тета. Серия: История и право. – 2018. -Т. 8. № 1 (26). – С. 112-115.

11. Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодежи. – СПб. : СПбГИЭУ, 2006. – 314с.

12. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Монография. – М. : ПЕРСПЕКТИВА, 2016. – 322 с.

13. Малькевич А.А. "Культурное смещение" "безразличных граждан": к вопросу о современных концепциях политического участия молодежи // Социум и власть. - 2010. - №1. - С. 54-58.

PHARISAISM: THE IMAGE AND MEANINGS

Lavrukhina Irina Mihailovna, PhD of Philosophical science, Professor, Department of Humanitarian Disciplines and Foreign Languages, Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University, Zernograd

Krasnova Alina Georgievna, PhD of Philosophical science, Senior Lecturer of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article deals with the image of Pharisaism as a multidimensional and complex phenomenon with a wide semantic field. The authors trace the way of formation of this image, from the text of the New Testament and the writings of the Holy fathers of the Church, to the analysis of the meanings of this concept in modern Orthodox literature. The authors distinguish and consider various aspects of the image of Pharisaism: moral, religious-psychological, existential. These aspects reflect different features of the image, but in the aggregate they give an opportunity to describe the whole image of Pharisaism. The article contains the analysis of Pharisaism as a distorted form of religious consciousness, and a comparative analysis between the Pharisaism and the true religiosity, as it is understood in the tradition of Russian religious philosophy, is carried out. The authors also analyze the manifestations of Pharisaism at the level of social and religious phenomena, which allows them to move from the consideration of Pharisaism as an internal order phenomenon to its analysis as a social phenomenon. The article raises the question of the institutionalization of Pharisaism as one of the problems accompanying the modern religious revival in Russia. The authors make correlations between Pharisaism as a personal phenomenon and Pharisaism at the institutional level. Based on this comparative analysis, the authors conclude that Pharisaism at the social level accompanies the process of institutionalization of religion.

Keywords: Pharisaism; religious formalism; formalization; the Orthodox Church; religious faith; institutionalization of the religion; spiritual tradition.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.7

УДК 130.31

БАК 24.00.01

© Лаврухина И.М., 2020

© Краснова А.Г., 2020

ФАРИСЕЙСТВО: ОБРАЗ И СМЫСЛЫ

В статье рассматривается образ фарисейства как многопланового и сложного явления с широким смысловым полем. Авторами прослеживается путь формирования этого образа, начиная с текста Нового Завета и писаний святых отцов Церкви, до анализа смысловых слоев этого явления в современной православной литературе. Авторы выделяют и рассматривают различные аспекты, составляющие образ фарисейства: моральный, религиозно-психологический, экзистенциальный. Данные аспекты отражают различные черты образа, в совокупности же дают возможность описания целостного образа фарисейства. Приведен анализ фарисейства как искаженной формы религиозного сознания, а также проведен сравнительный анализ между фарисейством и подлинной религиозностью, понимаемой в традиции русской религиозной философии. Авторы также анализируют проявления фарисейства на уровне социально-религиозных явлений, что позволяет перейти от рассмотрения фарисейства как явления внутреннего порядка к его анализу как явления социального. В статье поднимается вопрос об институционализации фарисейства как одной из проблем, сопровождающей современное религиозное возрождение в России. Авторами проведены корреляции между фарисейством как личностным явлением и фарисейством на институциональном уровне. На основе такого сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что фарисейство на социальном уровне сопровождает процесс институционализации религии.

Ключевые слова: фарисейство; религиозный формализм; формализация; православие; религиозная вера; институционализация религии; духовная традиция.

ЛАВРУХИНА Ирина Михайловна, доктор философских наук, профессор, кафедра Гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Донской государственный аграрный университет, Зерноград

КРАСНОВА Алина Георгиевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры Философии религии и религиоведения, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

В современном постсекулярном обществе все большее значение обретает религиозный фактор, голос религиозных организаций и сообществ звучит все громче, так что его нельзя не при-

нимать во внимание. Надо признать, что секулярное общество так и не смогло вырабатывать четкие ценностные ориентации, которые бы заменили ценности традиционного общества. Поэтому, в условиях всеобщей тревоги и потерянности, общество обращает свой взор в религиозное прошлое, пытается возродить традиционные ценности и обрести в них нравственную опору.

Однако возрождение чего-либо всегда представляет собой обращение к некоему идеальному, или идеализируемому прошлому, в котором мы пытаемся обрести нечто, что было нами утеряно. То есть, разрыв уже произошел, и теперь мы реконструируем прошлое, в надежде, что оно преобразит наше настоящее. Данная ситуация обычно наблюдается в религиозном фундаментализме, для которого характерно конструирование идеологической утопии на основе идеи воплощения в настоящей жизни аутентичной формы религии, которая была утрачена в процессе модернизации [16, с. 76]. Поэтому современный мир так остро и отчаянно "болен" фундаментализмом – это воплощение тревоги, порожденной расшатыванием наработанных опор.

В нашей стране возрождение православного христианства также столкнулось с проблемой православного фундаментализма. Однако эта проблема лежит на поверхности, так как создаются фундаменталистские православные общества и братства, которые открыто провозглашают свои идеи, и их можно легко изучать. Однако есть и другая проблема, менее очевидная, но все же значимая – это проблема фарисейства, которая встраивается в современную религиозную жизнь и трудно отличима от подлинно христианской религиозной жизни. Исследование данного явления представляется весьма важным для понимания современной религиозной ситуации в русском православии.

Фарисейство сегодня понимается как феномен лицемерной и лукавой религиозности, хотя, как увидим далее, его смысло-

вое поле далеко не так однозначно. Образ фарисейства сложился из писаний Нового завета. Евангельский портрет фарисея характеризуется такими качествами, как лицемерие (Мф.12:34-35), тщеславие (Мф.23:5-7), жестокосердие и склонность к осуждению (Ин. 8:3-11), гордыня (Лк.18:9-14), отсутствие покаяния (Мф.21:31-32). То есть в Новом завете фарисей олицетворяет собой образ религиозного человека, обладающего определенным набором личностных качеств, типом внутренней организации, образом мыслей, приводящим к определенной форме религиозного порока. На формирование современного образа фарисейства первоначально оказала влияние критика формализма среди фарисейства в иудаизме, которая была дана в Новом Завете, более всего в полемике Иисуса Христа с "философской школой" фарисеев. Но и в самом христианстве по мере его становления возник христианский формализм, названный "фарисейством" со своими собственными чертами.

В писаниях святых отцов христианства образ фарисейства как особого религиозного порока проскальзывал еще с IV века [10, с. 227-228, 272, 280, 344-345], то есть был известен духовному опыту христианства и некоторым образом очерчивался. Впервые систематически образ фарисейства как греховного недуга описал святитель Игнатий (Брянчанинов) [5, с. 185-194] в XIX веке. Им сформирован на основе предшествующего опыта аскетических писаний святых отцов церкви, по сути, целостный современный образ фарисейства. Суть фарисейства, согласно святителю Игнатию, заключается в том, что, сравнивая себя с другими, фарисей видит, что другие грешны куда более него, между тем как он помнит свои добрые дела и уповает на них как на некоторые заслуги. Он горд и слеп одновременно. Подходя к религиозному закону формально, он объективно ни в чем себя не может упрекнуть.

Святоотеческая традиция восточного христианства ориентирована на внутрен-

нюю религиозную жизнь, на поиск пути преображения души, обожения человека. В этом смысле писания святых отцов наполнены тонким религиозным психологизмом, и тогда образ фарисейства говорит об опасности на этом великом пути. Однако фарисейство очень ярко может проявляться в социально-религиозной жизни, порождая определенные формы религиозной жизни в обществе и массовые религиозные идеи.

Отметим, что здесь важно отличать религиозный формализм и фарисейство. Первый в той или иной мере присущ различным религиозным системам, а фарисейство отражает "болезнь" человеческой души, её внутреннее устройство. Но фарисейство как явление внутреннего порядка, существуя в религиозной жизни людей, порождает формализм во внешнем социально-религиозном устройстве и взаимодействии.

В современном православном мире, в том числе и в русском православии, проблему фарисейства внутри самой церкви видят и обсуждают. Однако нет единого понимания этого явления, нет его четкого определения. Тем не менее, рассматривая современные тексты, просматривается некоторое смысловое поле, описывающее образ фарисейства. Он во многом понимается в традиции восточной патристики и осмысливается на личностном уровне как искаженная праведность [13, с. 69-71; 12, с. 241-242; 1, с. 30-40; 9]. Неоднократно высказывается мысль, что до греха фарисейства еще надо "дорости"; эта "болезнь" появляется в душе человека, который уже встал и в некоторой степени продвинулся на духовном пути.

Однако некоторые авторы мыслят фарисейство не только в личностном, но и в социальном плане. Так, монахиня Мария (Скобцова) [11, с. 43] настаивает на закономерности и важности появления фарисейства на определенных этапах развития церкви, поскольку оно сохраняет целостность и аутентичность религиозной традиции. Но оно же своей косностью тушит живой религиозный огонь, который особенно возгора-

ется в переломные эпохи. Согласимся с А.В. Карташевым [8, с. 214] в том, что современная эпоха – не время фарисейства, да еще понятого как религиозный долг; сегодня важна живая, жизненная вера, способная донести до современного человека вечные смыслы христианства.

В чем опасность фарисейства сегодня? Оно рано или поздно оборачивается ненавистью к тем, кто не признает совершенства фарисея. Но перед Богом мы все мытари (т.е. грешники) – этого понимания недостает фарисею. Он (иногда и неосознанно) отстаивает не только и не столько личное совершенство, но и совершенство того, что для него представляет авторитет. Именно связь с авторитетом дает ему моральное право, пусть и сомнительное с логической точки зрения, претендовать на совершенство, чувствовать превосходство и, как следствие, судить.

Всестороннее описание феномена фарисейства предполагает выявление взаимосвязей различных элементов образа. Одним из основных элементов описания представляется морально-этическая составляющая.

Некоторые сущностные моменты фарисейства раскрываются с помощью таких этических понятий, как пробабиллизм, ригоризм, этика двойных стандартов, этический абсолютизм и моральная демагогия. То есть фарисейство с точки зрения морали есть порок, искажающий нравственное состояние человека и его нравственную жизнь. Вместе с этим, необходимо признать, что уж лучше фарисейство как форма морали, пусть и формализованная, чем аморальные формы сознания.

Связанность фарисейства с перечисленными выше понятиями морали не позволяет их отождествлять. Так, фарисейство отличается от лицемерия тем, что лицемерие осознанно, а фарисейство – нет. Фарисей верит, что морально превосходит других, и лжет не для получения выгоды, а для поддержания маски благочестия. Лицемер врет и понимает, зачем он это делает, фарисей-

ство же – неосознанный и перманентный самообман. Лицемерная ложь субъективна, а фарисейство – это онтологическая форма лжи, ложь, реализуемая всей жизнью.

И фарисейство, и – близкое к фарисейству явление – фанатизм, по сути, являются искаженными формами религиозного сознания. Фанатизм схож с фарисейством в служении безличной, застывшей идее, Букве закона. Фарисеи ставили субботу выше человека, и фанатик отвлеченную идею ставит выше человека (готов жертвовать человеком ради идеи). Обе формы религиозного сознания служат идее без отношения к человеку.

Религиозно-психологический смысл фарисейства удобнее рассмотреть, выделив связанные с ним искажения религиозной веры и искажения религиозного мышления.

Религиозная вера – это не только вера-признание того, что

есть некая трансцендентная сила, это и вера-доверие, согласно М. Буберу [3], при которой отношения человека с Богом обретают черты внутренней коммуникативной реальности. Человек вступает с Богом в субъект-субъектные отношения, в результате чего меняются и эмоциональная, и когнитивная, и волевая, и мотивационная, и поведенческая составляющие жизни человека.

В фарисействе как искаженной форме религиозной веры наблюдается гипертрофия и ложная направленность волевого начала: "верующий" постоянно принуждает себя к исполнению того, что считается правильным, и постоянно ищет то, что не соответствует традиционному шаблону. Но более того, оценке подвергается не только он сам – в большей мере другие, отсюда осуждение и нетерпимость к "греху" других лю-

В ФАРИСЕЙСТВЕ КАК ИСКАЖЕННОЙ
ФОРМЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ
НАБЛЮДАЕТСЯ ГИПЕРТРОФИЯ И
ЛОЖНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВОЛЕВОГО
НАЧАЛА: "ВЕРУЮЩИЙ" ПОСТОЯННО
ПРИНУЖДАЕТ СЕБЯ К ИСПОЛНЕНИЮ
ТОГО, ЧТО СЧИТАЕТСЯ ПРАВИЛЬНЫМ,
И ПОСТОЯННО ИЩЕТ ТО, ЧТО НЕ
СООТВЕТСТВУЕТ ТРАДИЦИОННОМУ
ШАБЛОНУ

дей. Как следствие, фарисейское религиозное сознание скрыто или явно агрессивно. Особенно в дни церковных праздников в России можно увидеть большое количество таких "верующих". Кроме того, верующие с такой религиозной верой готовы принять "религию страждущей души", по выражению У. Джеймса [4, с. 108], в которой первенствует религиозный пессимизм с ориентацией на зло как необходимую и важнейшую составляющую жизни.

В фарисействе обнаруживаются также стойкие нарушения религиозного мышления: склонность к предрассудкам (стереотипность мышления), догматизм мышления (его

"зауженность", или "поляризованное мышление" [17]), ригидность и склонность к магическим формам. Оценка качества религиозной жизни направляется субъектом вовне и имеет назначение обосновать грехи другого человека на ос-

новании внешних косвенных признаков. Совесть действует, осознанно или неосознанно, в ложном направлении: человек осуждает других в том, в чем сам виновен. Оценка собственной религиозной позиции зашкаливает, что и дает право судить других людей. Внутренние конфликты и сомнения подавляются, что ограничивает возможности внутреннего развития личности. Таков образ мышления человека, подверженного фарисейству.

В экзистенциальном смысле, если религиозная жизнь с подлинной верой в Бога (а она основана на свободном человеческом волеизъявлении и любви) подменяется институциональной верой, где церковь занимает место Бога, то в этой ситуации человек отдает свою свободу церковному институту, снимает с себя ответственность, успокаивается чувством принадлежности к

авторитету. Но подлинная религиозность приобретаетса самостоятельно! Нельзя принудить к религиозности, нельзя научить религиозности. Опыт святых – лишь ориентир, и каждый подлинно религиозный человек находит свой путь к Богу.

Однако на каком основании мы говорим о подлинности? Определив фарисейство как форму искаженного религиозного сознания, важно прочертить границы между истинной религиозностью и фарисейством.

И.А. Ильин писал, что "религиозность в основном существе есть духовное, целостное, жизненное и безусловное приятие Божества как совершенного и реального средоточия жизни" [7, с. 397]. Выводы, которые можно сделать из этого положения: 1) Религиозность основана на свободном личном движении души и не может быть навязана авторитетом церкви, государства, культуры. 2) Религиозность затрагивает человека целиком, т.е. отражается и как мысль, и как чувство, и как действие. 3) Религиозность есть деятельная сила, преобразующая жизнь человека, то есть не может быть отвлеченной религиозности. 4) Божественное принимается целиком, нет релятивизма. Фарисейство, как мы увидели, не отвечает ни одному из этих критериев – то есть, это неподлинная религиозность.

Сегодня в современной России фарисейство отражается в массовых религиозных процессах и становится основой для формирования и развития таких искаженных форм религиозной жизни и социально-религиозных явлений, как обрядоверие (ритуализация духовной жизни), религиозный фундаментализм и искажение института пастырства (явления "лжестарчества" и "младостарчества").

В конце 90-х годов XX века Русская православная церковь особенно ярко столкнулась с проблемой фарисейства. Одной из важнейших причин искажения религиозной веры и религиозного поведения стало то, что преемственность в традиционной духовной практике была прервана за годы

гонений на РПЦ после прихода к власти большевиков и длительного господства атеистической идеологии, что, соответственно, обусловило нехватку кадров. Нельзя сбросить со счетов и то обстоятельство, что в постперестроечный период РПЦ стала активно и быстро развиваться государством как основная религиозная традиция в России. Все это и стало причиной появления большого количества "верующих", которые в религиозной жизни обладают образом мысли и образом жизни фарисея. Инфантильность и слабоволие многих верующих не может быть преодолено "систематическим изучением серьезной православной литературы" [6, с. 35], как пишет митрополит Иларион (Алфеев), и не только потому, что у таких верующих нет ни времени, ни серьезной потребности для этого, а поскольку они изначально ориентированы на внешнюю сторону религиозной жизни.

Современная православная церковь, особенно в России, в качестве приоритетных развивает такие внешние функции, как благотворительность, просветительство, а не внутренние – прежде всего, пастырство, то есть работа пастырей церкви по преображению собственных душ и помощь прихожанам в преображении их душ. И в этом тоже просматривается "каз" государства. В стране ранее атеистической активное миссионерство стало важной задачей, и самым легким способом идентифицировать себя в качестве представителя определенной конфессии является обрядоверие. При этом религиозная жизнь, фактически, сводится к правильности исполнения некоторых обрядов: правильно поставить свечку в церкви, соблюдение постов и праздников, знание некоторых молитв и т.д.

Напрашивается вопрос: не упрощает ли сущность христианства его массовизация? Ведь именно в его массовизации так велика становится опасность формализма, а за ним и фарисейства.

На этот вопрос С.Л. Франк дал исчерпывающий ответ: "Фарисейство есть не отдель-

ное конкретное историческое явление, а имманентное, всегда вновь возрождающееся заболевание человеческого духа. Его существо заключается в смещении самой святыни с внешними формами и способами ее осуществления, в силу чего она теряет характер подлинной святыни" [14, с. 199]. "Болезнь" фарисейства – это попытка насадить внешними мерами и общественными реформами "царство Божие на земле".

Фарисейство, следовательно, есть и порок, и трагедия религиозной жизни, причем не только индивидуальной, но и социальной. В индивидуальном плане человек весь находится в сетях самообмана: думая, что он уже праведен, он остается грешен, при этом не способен увидеть реального себя. В социальном же плане люди думают, что созидают религиозный идеал на земле, а между тем утверждается мертвая религиозная доктрина или идеология, далекая от подлинного смысла христианства. Эта проблема, кстати, существует не только в России, но и на Западе – о ней говорят и пишут, например, американские исследователи [15; 18].

Следовательно, сводить фарисейство к внутриличностным формам проявления – значит, очень упрощать суть проблемы. Фарисейство возможно исследовать и на социальном уровне, который взаимодействует с личностно-индивидуальным. Так, некоторые социальные религиозные процессы опираются на черты фарисейства в сознании отдельных религиозных людей; справедливо и обратное, некоторые социально-религиозные движения способны спровоцировать возникновение и развитие в своих последователях личностных черт, присущих образу фарисейства.

Приходится признать, что в современной религиозной жизни России нарастают моменты фарисейства, что является результатом обмирщения жизни церкви. Реализация пути возрождения духовности, какой избран в современной России, позволяет говорить о признаках "государственного само-

обмана". "Религиозный" самообман на государственном уровне не менее опасен, чем на индивидуально-человеческом.

Можно и нужно говорить об институциональном фарисействе, смысл которого в том, что религиозные институты выполняют свои функции формально (формализм), реализуют при этом свои собственные интересы (эгоизм), уверены, что осуществляют подлинные функции по развитию и поддержанию религиозности населения (самообман), используют внеинституциональные средства, прежде всего государственные ресурсы (срастание с государством и превращение в идеологию).

Об институциональном фарисействе можно говорить еще и потому, что сама история фарисейства началась именно с организованного социального явления.

Действительно, первоначальные формы объединения возможны лишь на почве сходства интересов, в результате чего вырабатываются некоторые воззрения (политические, религиозные), которые со временем могут стать идеологической основой массовых движений. Так произошло с историческим фарисейством у иудеев. Оно возникло в эпоху Второго Храма первоначально как внутреннее стремление верующих к полноте и точности исполнения Закона, затем на этой основе возникает устная традиция, аккумулирующая опыт построения жизни на основе Закона (т.е. происходит некая формализация накопленного религиозного опыта). А уж потом фарисейство породило различные школы, профессионально учившие и толковавшие Закон, на основе которых впоследствии сформировалась религиозная традиция в иудаизме (в жестком варианте она стала идеологией).

Нельзя ли предположить возможность такого пути развития в рамках других конфессий? На наш взгляд, можно. Этот путь отчасти описал А. Бергсон в своей концепции статического и динамического религии [2]. Суть этого пути: подлинно духовный религиозный опыт "первопроходцев" (мисти-

ков); затем его канонизация в форме заповедей и законов, первоначально необходимая формализация (доведенная впоследствии до формализма) и догматизация (вырождающаяся впоследствии в догматизм); затем возникновение религиозных институтов, например, Церкви, следящих за канонами и догмами; наконец, превращение религиозной традиции в идеологию, которая навязывается неофитам (что принципиально невозможно для истинной религиозности). Так формируется внутриконфессиональное институциональное фарисейство. Неофиты реализуют свою "религиозность" через формальное исполнение обрядов и законов, то есть формируется личностное фарисейство.

Таким образом, мы можем заключить, что историческая христианская церковь содержит фарисейство на отдельных этапах в большей или меньшей степени. Причем, по всей видимости, историческая церковь как социальный институт, который не борется с государством, обречена быть фарисейской, потому как фарисейство несет важную для нее функцию консервации духовной традиции, которая сопрягается с другими социальными функциями. Любая социальная система стремится к самосохранению, а осуществляет она это стремление через формализацию, а в наиболее полном ее проявлении – через формализм, ибо он дает упорядоченность, пусть и совершенно мертвую в творческом плане. Так, это справедливо не только для религиозных институтов, но и для светских – они сохраняют себя с помощью бюрократизации, а она также на смысловом уровне перекликается с фарисейством, хотя бы в четком соблюдении формы в отрыве от содержания. И здесь возможны два пути: если фарисейство, консервируя традиционные формы, поощряет в их русле развитие индивидуального творческого религиозного сознания, то оно несет положительный момент. Если же оно, стоя на страже сохранения системы, исторгает из нее любое религиозное творчество, то тогда

оно становится схоже с теми историческими фарисеями, которые распяли Христа, то есть по сути это вражда против подлинно религиозного начала, ведущая к омертвлению веры.

И вот здесь возникает вопрос: возможно ли преодоление фарисейства? Ведь по сути дела получается, что нефарисейская церковь не может быть институциональной. Она демонстрирует абсолютную гибкость, которая не схватывается никаким формализмом. В этом смысле подлинное, аутентичное христианство, его смысловое ядро, не может быть религией массовой, не может быть уловлено и реализовано в массовом сознании. Хотя в христианстве нет и не может быть никакого "тайного учения" – его смыслы выражены вполне ясно в Новом Завете и во всем духовном опыте христианства. И здесь можно лишь констатировать сложность поставленного вопроса, на который невозможно дать простого и однозначного ответа. Тем не менее, на уровне индивидуального религиозного сознания фарисейство может и должно быть преодолено. Но решение данной задачи может лежать лишь в зоне ответственности и на совести каждого конкретного верующего человека.

Литература:

1. Афанасий Лимассольский, митр. Голод по Богу, или Лекарство от фарисейства (сборник проповедей). – М. : Православное миссионерское общество им. преп. Серапиона Кожеезерского, 2011. – 112 с.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон; пер. с фр., послесловие, примечания А.Б. Гофмана. – М. : КДУ, 2010. – 288 с.
3. Бубер М. Два образа веры. – М. : АСТ, 1999. – 592 с.
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. – М. : Наука, 1993. – 432 с.
5. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты: в 2 т. – Том I. – М. : Сибирская благовонница, 2012. – 308 с.
6. Иларион (Алфеев), еп. Православное богословие на рубеже эпох. – Киев : Дух і Літера, 2002. – 536 с.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 4 / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1994. – 624 с.
8. Карташев А.В. Церковь. История. Россия : статьи и выступления. – М. : Пробел, 1996. – 304 с.

9. Лонгин, митрополит Саратовский и Вольский. Граница фарисейства – противопоставление себя окружающим [Электронный ресурс] // Православие и современность. №28 (44). 2014. URL: <http://www.pravoslavie.ru/69297.html> (дата обращения 09.08.2018).
10. Макарий Великий, преп. Духовные беседы, послания и слова. – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2004. – 400 с.
11. Монахиня Мария. Оправдание фарисейства // Путь. Орган русской религиозной мысли. – №56. – Май-июнь, 1938. – С. 37-46.
12. Паисий Святогорец, старец. Слова. Том I. С любовью и любовью о современном человеке / перевод с греческого иеромонаха Доримедонта. – М. : Святая гора, 2004. – 406 с.
13. Савва (Остапенко), схииг. О главных христианских добродетелях и гордости. – Йошкар-Ола :

- Марийский полиграфическо-издательский комбинат Республики Марий Эл, 1991. – 236 с.
14. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. – М. : Республика, 1992. – 511 с.
15. Blue, Samantha. The Pharisee Church / Senior Honors Thesis. Liberty University, 2012. 28 p.
16. Krasnova A., Sprincean S. The human security approach in the analysis of fundamentalism: political, cultural and bioethical aspects // Revista de Filosofie, Sociologie si Stiinte Politice, 2 (168), 2015. Chisinau, p. 73-83.
17. Schneider, Kirk J. The Polarized Mind: Why It's Killing Us and What We Can Do about It. University Professors Press, 2013. 202 p.
18. Walford N. How to survive in the Pharisee Church. Enumclow, WA: A Division of WinePress Group, 2010. 260 p.

Istomin Vladimir Igorevich, student

Gureev Alexander Nikolaevich, student

National research University higher school of Economics, Moscow

The current research aims to reveal how people feel about paper books and books in General (reading) today by looking at their reading practices. The considered social group that the study is aimed at is mainly young people who are not far from modern methods of communication and technology, as well as those who read books. Why choose this particular group? First, young people are most likely to accept changes, including technological ones, by stimulating them, in contrast to older people who accept them with fear. Secondly, this group uses social networks, which indicates that they are somewhat involved in technology, which means that the processes described probably affect them. Third, these people should read books, since in General the study concerns current reading practices and the attitude of readers to a paper book.

Keywords: paper book; e-book; reading; modern methods of communication; reading crisis.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.8

УДК 316

БАК 22..00.06

© Истомин В.И., 2020

© Гуреев А.Н., 2020

КНИГИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА: ОТНОШЕНИЕ К БУМАЖНЫМ КНИГАМ СЕГОДНЯ

Текущее исследование направлено на то, чтобы выявить, как люди относятся к бумажной книге и книге вообще (чтению) сегодня через рассмотрение их читательских практик. Рассматриваемая социальная группа, на которую направлено исследование, - преимущественно молодые люди, которые не далеки от современных способов коммуникаций и технологий, а также читающие книги. Почему выбирается именно такая группа? Во-первых, молодые люди больше всего склонны к принятию изменений, в том числе и технологических, стимулируя их, в отличие от людей более зрелого возраста, которые принимают их с опасением. Во-вторых, данная группа пользуется социальными сетями, что говорит об их некоторой приобщенности к технологиям, а значит, описываемые процессы, вероятно, сказываются на них. В-третьих, эти люди должны читать книги, поскольку в целом исследование касается текущих практик чтения и отношения к бумажной книге читающих людей.

Ключевые слова: бумажная книга; электронная книга; чтение; современные способы коммуникаций; кризис чтения.

ИСТОМИН

Владимир Игоревич,
студент

ГУРЕЕВ Александр
Николаевич, студент

"Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики", Москва

Чтение книг, как и любая сфера жизни человека, было затронуто технологиями, которые, безусловно, оказали на нее влияние; определенная часть людей, которая меняется с каждым днем, выбирает электронную книгу (не только текст, но и аудиокниги, интерактивные книги и т.д.) в качестве основного носителя для чтения, руководствуясь теми плюсами, которые она имеет, например, легкой транспортабельностью. В настоящее время данный процесс вытеснения одного носителя другим все еще не закончен, и наблюдается общий тренд снижения доли продаж бумажных книг. Что всё это означает? Самый простой ответ – чтение изменилось, и чтение бумажных книг изменилось в том числе. Многие исследования, которые посвящены взаимодействию бумажной и электронной книги, связаны лишь с тем, что перечисляются преимущества и недостатки каждого из носителей, а исследования, касающиеся изменения характера чтения книг, сводятся к тому, что

люди стали читать меньше и более поверхностно.

Тем не менее в настоящее время открываются новые современные библиотеки, зачастую с футуристичным дизайном, в которых любой желающий может почитать понравившуюся ему книгу. В качестве примера можно привести такие библиотеки, как Национальная библиотека Катара в Дохе, "Pargue Espana" в Медельине, "Биньхай" в Тяньцзине и другие. Основной акцент стоит сделать на том, что книги в таких библиотеках бумажные. Кроме того существуют определенные программы по сохранению библиотечных фондов, например в России это "Общероссийская программа сохранения библиотечных фондов". Таким образом, возникает проблема исследования – несмотря на развитие и поддержание мест, где "живет" бумажная книга, спрос на нее значительно падает.

Перед проведением самостоятельного исследования необходимо обратиться к обзору литературы с целью критически оценить ранее проделанную работу по теме чтения и бумажных книг другими исследователями.

Теоретическая рамка: кризис качества чтения. Теоретической основой данной работы служат понятия кризиса чтения и кризиса качества чтения, которые были достаточно подробно разобраны в практически одноименной статье Е.В. Петровской "Кризис чтения или кризис качества чтения?" [1]. Основная идея, которая далее разбивается на большое количество составляющих, заключается в том, что чтение сейчас и чтение тогда – совершенно разные вещи, несмотря на то, что можно наблюдать большое количество пассажиров с книгами в руках или большое скопление людей в книжных магазинах. Основой формирования и возникновения кризиса является изменение в темпе жизни и восприятии информации: сейчас у большинства нет времени на чтение серьезных увесистых романов, которые требуют глубокого погружения в книгу и в процесс чтения. Быстрое

схватывание основных вещей и понятий – основной тренд в современном чтении. Среди таковых иногда выделяется утрата моральных ценностей, рост социального нигилизма, разобщенность и прочие причины [2].

Получается, что проблема стоит не столько в том, что люди мало читают (соответствует понятию "кризис чтения"), а в качестве чтения, в том, как сейчас читают и что читают. "Книга стала частью потребления" – выражение, которое характеризует изменение подхода к чтению, изменения читательских практик, которые выражаются не только в том, как и что читают, но и в том, для чего читают. Как и еда, которая раньше служила для того, чтобы поддерживать жизнь, теперь служит для получения удовольствия и наслаждения, так и чтение, которое служит для работы над собой, для развития, сейчас все больше служит для просто развлечения. Книга обязательно должна понравиться, иначе – это не выгодная инвестиция денег [1, с. 52]. Тема бумажной книги также была затронута: для чтения серьезной литературы не подходит электронный носитель, поскольку только бумажная книга способна принести особое удовольствие от такого чтения.

"Чтение – элитный отдых" – еще один тезис работы, который будет раскрыт с помощью работы Жана Бодрийяра "Общество потребления". В ней утверждается, что время в современном мире является одной из самых главных ценностей, "время – товар редкий, драгоценный, подчиненный законам меновой стоимости" [3]. Читать книгу означает растрчивать имеющееся свободное время, которое должно если не быть в изобилии, то хотя бы иметься. Обладание таким ценным товаром означает приверженность к достаточно обеспеченному слою общества, где зарабатывание денег не является проблемой. С учетом того, что в условиях дефицита свободного времени чтение книг меняется, становится более поверхностным, то имеет смысл говорить о низкой

вовлеченности в процесс чтения у тех людей, у которых не имеется достаточно свободного времени, или они не являются достаточно обеспеченными чтобы растрачивать время, которое они могли бы потратить на зарабатывание денег, на чтение книг.

Из всех этих размышлений возможно сделать вывод о том, что, действительно, имеет место быть кризис качества чтения, характеризующийся в изменении цели прочтения той или иной книги, в том, как она читается, и в том, какие книги читаются. Впрочем, все эти три аспекта взаимосвязаны между собой.

Переноса данные теоретические аспекты на реальные практики чтения, в эмпирическом исследовании стоит рассмотреть тематику выбора книжных носителей, жанровых предпочтений, характера чтения книг (вовлеченности в процесс чтения книг), времени на чтение книг и другие.

Тренды в сфере покупки и чтения книг. Обзор трендов в сфере покупки и чтения книг крайне важен для текущей работы, поскольку он позволяет обосновать саму проблемную ситуацию исследования, и посмотреть, какие произошли изменения в предпочтениях читателей. Первый критерий, который следует рассмотреть, – число печатных единиц, которые выпускались в определенный период. Нельзя точно сказать, что люди покупают все эти книги, однако если учесть то, что издания, как правило, прогнозируют, сколько книг будет куплено, дабы не понести финансовые убытки, то, вероятно, читатели скупают большую их часть. Представляя сухие цифры по данному параметру, нельзя сделать какие-либо осмысленные и значимые выводы, поэтому необходимо подключить второй параметр – общий тираж, характеризующий общее количество экземпляров печатных книг, выпущенных в конкретный год.

Определяя их взаимоотношение, то есть отношение общего тиража к числу печатных книг, представляется возможным про-

следить за определенный период, в скольких экземплярах в среднем выпускались все традиционные книжные издания. Рассмотрим статистику за последние 10 лет, поскольку именно в 2007 году рынок электронных книг начал стремительно расти благодаря технологическому прорыву в их производстве. По данным Российской книжной палаты, в 2016 г. относительно 2007 года число книг выросло на 8285, однако, тираж упал на 2194083 тыс. экземпляров [4]. Чтобы оценить, насколько сильно упала средняя цифра количества печатных изданий на книжную единицу необходимо провести дополнительные вычисления, которые указывают, что в 2016 г. эта цифра снизилась на 37,7% по сравнению с 2007 годом. Однако нельзя сказать, что вплоть до 2015 года среднее число экземпляров книги росло, а в прошлом году резко упало. За последние 9-10 лет отчетливо наблюдается тренд падения данного показателя. Он указывает на то, что при повышении книжного "разнообразие" снизился общий тираж, а значит, люди меньше покупают именно бумажные книги.

Основными причинами возникновения описанной выше проблемы могут являться снижение доли читающих людей, снижение общего времени, которое люди тратят на чтение, переход на альтернативное электронное чтение, и другие факторы. Популяризация электронных книг может способствовать появлению данной проблемной ситуации, поскольку приведенные цифры относятся только к печатным изданиям.

По данным исследования, проведенного холдингом "Ромир" в 2013 году, домашние библиотеки россиян не пополняются новыми печатными изданиями книг: за последние 5 лет у 73% респондентов количество бумажных книг в доме не изменилось. Среди причин снижения спроса на традиционные издания отмечаются переход на цифровые аналоги (так ответили 65% россиян), снижение читательского интереса – 27%

ответов, и рост цен на печатные версии – 28% голосов респондентов [5].

В одном из исследований ФОМ к году литературы в России респондентам был задан вопрос: "Судя по наблюдениям, ваши друзья, знакомые сейчас читают книги больше, меньше или примерно столько же, сколько 10-15 лет назад?". Большинство участников опроса (65%) утверждали, что в нынешнее время их окружение стало читать меньше. Данная цифра касается не только бумажных изданий, но и электронных в том числе [6]. Хотя статистика и не содержит точных цифр о том, сколько книг в среднем люди читали в год 10 лет назад, сколько – на данный момент, а также кто составляет окружение опрошенных, общий тренд к снижению среднего времени чтения является очевидным.

Представленные тренды оказывают влияние на общее снижение выпуска печатных книг, поскольку, во-первых, переход на цифровые издания сейчас – это альтернатива традиционному чтению, так как чтение с "экранов" является похожим родом деятельности, а значит, способен в некоторой мере заменить его. Во-вторых, из того факта, что люди стали читать меньше, и одновременно с этим наблюдается отказ от традиционного чтения, из-за снижения спроса сужается и рынок бумажных книг.

Таким образом, помимо описанных факторов снижения интереса общества к бумажным книгам, влияние каждого из них относительно других не может быть представлено по той причине, что проведенные исследования не предполагали выявления такого рода вещей.

Обзор эмпирических исследований и работ. В данном подразделе рассматриваются эмпирические работы современных исследователей для того, чтобы более четко определить направление исследования, рассмотреть наработки, которые уже были сделаны по нашей теме, а также выделить примерные зоны, которые будут покрывать задачи с гипотезами. Они пере-

числяются в разделе "программа исследования" со ссылками на источники – не обязательно те, которые имеются в литературном обзоре, поскольку на данном этапе точно не определяются формулировки, а выискиваются идеи для составления задач.

В качестве первой статьи, которая служит фундаментом к данной работе, выделяется работа А.В. Выговской "Социокультурные критерии выбора бумажных книг на фоне активного развития электронного книгоиздания" [7]. Автор в ней задается вопросом: "К чему покупать дорогой и увесистый фолиант, если текст можно скачать в легкий "ридер" или планшет?", и далее проводит анализ статистики и опросных данных по этой теме. На основании исследования федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и ВЦИОМ, проведенного в 2012 году, 35% респондентов не читают книг вообще, 42% – читают время от времени и 22% – читают ежедневно. В конце делается вывод о причинах трат людьми сил и денег на традиционные книги: А.В. Выговская перечисляет некоторое количество факторов-ответов на вопрос, которые кажутся ей наиболее подходящими, а именно: удобство и содержательность; оформление (дизайн, полиграфия, верстка и т.д.); репутация издательства. Исходя из вышенаписанного, работа может быть полезна для нашего исследования, так как она дает представление о возможных причинах выбора именно бумажных книг, а не электронных, которые стоит рассматривать.

Про досуг и досуговое чтение идет рассуждение в статье М.Ю. Гудовой "Культурная практика досугового чтения в современной информационной культуре", причем чтение не отделяется от досуга, то есть не рассматривается ситуация, когда чтение является частью работы, будь то профессиональная деятельность или работа над собой. Утверждается также, что престиж чтения за последние 20 лет упал, поскольку чтение книг означает безделье, а безделье исходит от материальной обеспеченности,

таким образом, читатель выступает в роли богатого бездельника – отрицательный образ в современных представлениях [8].

Другая научная статья, которая поможет нам в работе – это исследование Т.Б. Марковой "Чтение как составная образа жизни: Бумажная книга и/или электронный текст" [9]. Эта работа, как и предыдущая, содержит интерпретации статистических данных; как и предыдущая описывает некоторые факторы покупки бумажной книги. Однако и статистика, и выводы приводятся уже другие. Статистика приводится по жанрам литературы ("классические историко-приключенческие романы (А. Дюма, М. Дрюон) – 26%, русская и зарубежная классика – 25%, женские детективы (Д. Донцова, А. Маринина, П. Дашкова) – 24%", 2009) и длительности чтения в неделю ("На чтение тратят до 1 ч в неделю – 13,7% респондентов (журналов – 19,8%), 1 ч в день и более – 23,2% (журналов – 13,4%), до 4 ч в неделю – 12,3% (журналов – 9,7%), до 1 ч в день – 19,3% (журналов – 34,2%), 2010"). Говоря о выводах, автор приводит следующие минусы электронных книг по отношению к бумажным: "Технические недостатки электронной книги видятся в неблагоприятном влиянии на зрение (ТФТ-экран), чувствительности к физическому воздействию и потребности в периодической подзарядке встроенных аккумуляторов." Таким образом, было бы полезно сравнить подходы и итоги обеих статей и делать из них более релевантные выводы и методы исследования, например, для одной из задач чтение предположительно будет измеряться не только как фактическое утверждение "да, читаю", но и часах для возможного сравнения респондентов по данному параметру.

В статье Н. Зоркой "Чтение в контексте массовых коммуникаций" приводится также сравнительная статистика по частоте упоминания литературных жанров, которые читают россияне, в 1997-2000 гг. Основной тренд таков, что наиболее популярными жанрами в эти годы являлись детективы,

боевики, романы о любви и книги по истории, однако за упомянутый период для них произошел некоторый спад [10, с. 65]. В.Е. Чернова также утверждает, что динамика жанровых предпочтений такова, что женские романы теряют свою популярность, а на первые места выходят детективы, однако, эти данные уже не на начало 2000-х, а на момент 2015 г., что подтверждает достаточно устойчивое положение детективов на читательском рынке. В статье "Структура чтения российского читателя в условиях глобализационных процессов" Чернова говорит о современном тренде в чтении, который также прослеживается у Ж. Бодрийяра, о подражании – важно не то, что ты читаешь и понимаешь книги, а то, что ты создаешь иллюзию чтения и приобщенности к кругам "эрудитов" [11, с. 135].

Еще одна научная работа, на которую стоит опираться при проведении исследования – статья Н.А. Огурцовой "Традиционная бумажная книга в современном социокультурном пространстве" [12]. В работе через призму мнения людей рассматриваются достоинства и недостатки бумажных книг. Согласно проведенному опросу, в представлении молодежи ценность бумажной книги низка, предпочтение отдается получению информации через Интернет, и книга является эстетической ценностью. Так же, выделяются следующие недостатки (высокая стоимость; небольшой ассортимент в конкретном магазине; отсутствие бумажных книг по узкой тематике в небольших городах; сложность поиска нужной информации в бумажной книге (по сравнению с электронной); проблемы хранения бумажных книг) и достоинства (имеет эстетическую ценность; можно коллекционировать, создавая домашнюю библиотеку; возможность чтения в удобном для читателя месте: например, в автобусе, поезде, кровати и т.д.; большое число книг (особенно научных, по узким специальностям) существует пока только в бумажном виде.) традиционных книг. Кроме того, демонстриру-

ется динамика изменений в книжной культуре за последнее время, а именно: книга и чтение в структуре досуга вытесняется экранный культурой, чтение становится поверхностным, прагматичным, и, вместе с тем, более развлекательным; новые жанры (фэнтези, триллеры, комиксы) вытесняют такие жанры, как объемные приключенческие романы, реалистическую "производственную" (городскую) и "деревенскую" прозу; практически отсутствует чтение как формирующий фактор духовных и нравственных качеств; чтение все больше делится на женское и мужское (гендерные различия), но теряет национальный признак; из чтения детей (включая начальную школу) уходит детская книга, особенно детская периодика. Данная статья затрагивает очень много тем, начиная с достоинств бумажной книги, которые мы можем обозначить в качестве причин ее выбора, и заканчивая в целом чтением, его характером, что также способствует развитию темы современных практик чтения книг.

Не менее важная статья для нашей работы – работа В.И. Штолякова под названием "Бумажные книги или "читалки"?" [13]. В ней автор высказывает идею о том, как технологии меняют способ чтения книги и вовлеченность – электронная форма письма меняет стилистику изложения текста, делая ее скупой и формальной". В выражении Штолякова "будем продолжать читать книги или...считывать их с экрана!?" также прослеживается подтекст более прагматической составляющей чтения в нынешнее время, что будет рассматриваться в одной из задач, однако, касательно бумажной книги, а не электронной, как указывается в статье. Данный переход от одного объекта к другому связан, во-первых, с основной тематикой исследования – исследование бумажной книги, а во-вторых, на общем фоне изменения практик чтения в связи с появлением электронных носителей и не только, предположительно меняется и

чтение бумажных книг. Возможно, и их сейчас считают, а не читают.

Прагматическое чтение также выделяется в статье М.М. Самохиной "Чтение молодежи: XXI век (по результатам исследований 2001-2011 гг.)" как один из мотивов чтения вообще; в данную категорию входят учебное и производственное чтение, которые мы используем при составлении портрета домашних библиотек и читательского поведения. В этой же статье мотивы чтения, которые связаны с соображениями престижа и статусности относятся к классификации по устойчивым стереотипам, представлениям, из чего мы делаем вывод о некотором противоречии с тем, что утверждалось при выделении работы Ж. Бодрийяра. Практическая полезность данной работы заключается в выделении классификаций чтения, с помощью которых читатели могут быть разделены по соответствующим признакам [14].

Затрагивая тему домашних библиотек, следует упомянуть статью М.Д. Алексеевского "Домашние библиотеки в современной России: практики хранения и систематизации прочитанных книг". Согласно данной работе роль домашних библиотек претерпела значительные изменения, начиная с 1970-х годов, когда она перестала быть маркером высокого статуса. Тем не менее, у многих людей они имеются, доставшись по наследству или созданные ими самими, однако, согласно опросу, который проводился в 2007 г. среди жителей Хакасии (половина – читатели публичных библиотек, а половина – случайные жители), больше половины респондентов имеют маленькие домашние библиотеки (до 100 книг) [15, с. 56]. Порядок, по которому расставляются книги на полках, принципы по которым люди расставляют книги (некоторые это делают по размеру книг, руководствуясь эстетическими причинами, а некоторые отделяют профессиональную литературу для того, чтобы удобнее было ею пользоваться) помогли нам сформировать основу, на которой

будет строиться анализ комплексных портретов домашних библиотек в зависимости от их функций [15, с. 57-58].

Таким образом, в данной части были рассмотрены теоретические аспекты проблемной ситуации исследования, а также выявлены основные тренды в сфере книгопечатания, покупки книг, чтения в целом и чтения различных жанров в частности, а также была упомянута тема домашних библиотек, которая также помогла найти подход к их анализу (функционалистский).

Основной тренд современного чтения – поверхностное, которое является скорее симуляцией чтения, нежели реальным погружением в книгу. Отчасти данное явление, кризис качества чтения был вызван технологическим прогрессом, породившим ускорение темпа жизни и как следствие постоянную погоню за временем как за величайшей ценностью современного мира. Появление электронных книг также оказало существенное влияние на процесс чтения, упростив его в некоторых аспектах, например, сократив процесс получения той или иной книги до минимума, но в то же время и обезличив книгу, что является негативным последствием технологий.

Снижение общего годового тиража при увеличении книжного разнообразия лишь говорит о том, что потребности в бумажных книгах несколько упали, а расширяющийся рынок электронных изданий подтверждает предположение о том, что люди постепенно отказываются от бумажных версий (но утверждается, что не откажутся полностью).

Из всего перечисленного в основной части литературного обзора и обобщенного в заключение следует сделать вывод о том, что чтение и отношение к бумажной книге, действительно, стало другим. В дополнении ко всем источникам на вопрос "каким?" но-

вые ответы будут даны в последующих частях данной работы.

Программа исследования. На основании литературного обзора, который был направлен на формирование представления о том, какое место в нынешнее время занимает бумажная книга и чтение в целом в жизни людей, создается формальная программа исследования, начиная с проблемной ситуации – некоего возбудителя, подталкивающего нас к изучению текущего положения бумажной книги, и заканчивая выдвижением рабочих гипотез.

Проблемная ситуация создается вокруг того факта, что технологии существенно меняют жизнь людей, затрагивая практически каждую сферу жизни, и чтение книг не является исключением. Какое-то время назад казалось, что может быть практичнее листа бумаги для нанесения и хранения информации, а после и ее воспроизведения. Однако с приходом технического прогресса и появлением электронных книг, для части людей представления об идеальной книге изменились, и они сделали выбор в пользу более современного носителя. Бумажная же книга, судя по общему тиражу, сдает свои позиции из-за уменьшения спроса со стороны читателей. Также часто можно увидеть людей, читающих в общественном транспорте с электронных девайсов, будь то специальная электронная книга или мобильный телефон.

Можно ли говорить о том, что до появления альтернатив традиционной бумажной книги, чтение было иным, и оно меняется с течением времени? Вероятно, что да, ведь представления о передвижении по городу существенно изменились с появлением первых автомобилей и постепенным их распространением среди широких слоев населения, и с книгой ситуация аналогична. При выборе электронного девайса отпадает не-

обходимость ходить по книжным магазинам, но появляются и другие процессы в чтении, например, необходимость своевременной подзарядки, что в корне меняет восприятие книги.

Исходя из описанной проблемной ситуации возникает главный вопрос (при иной формулировке – проблема) – каково отношение читателей к бумажной книге и книге вообще в нынешнее время? Несмотря на то, что в теме данной работы фигурирует только бумажная книга, она не может быть отделена от электронной, и соответственно, книги как объекта, поскольку изучение бумажной книги может быть также осуществлено через противопоставление электронной книге, через наличие или отсутствие преимуществ и недостатков по сравнению с другим типом носителя, проявление которых помогает смотреть на объект под теми углами, под которыми раньше это было невозможно. До изобретения электронной книги никто ведь не задумывался о таком свойстве бумажного носителя, как автономность, никому в голову и не могла прийти идея, что книга может требовать подзарядки.

На основании описанной проблемной ситуации и проблемы определяется теоретический объект исследования – отношение к бумажным книгам. Как уже было сказано ранее, данное явление достаточно многомерно, и выражается в многочисленных практиках использования бумажных книг. Предметом исследования в текущем исследовании являются практики чтения бумажных и электронных книг (бюджет времени на чтение, характер чтения и предпочитаемые жанры, социальные функции домашней библиотеки и ее структура, и др.). Противоречия с проблемой и теоретическим объектом исследования нет, поскольку через чтение электронных книг также определяется чтение бумажных книг, и наоборот. Говоря о практиках чтения книг следует заметить, что они проявляются не только в самом процессе считывания слов и

предложений с бумаги или экрана, но и до него, и после. Например, к таковым относятся процесс выбора книги, размышления над книгой после ее прочтения или обсуждение с близкими людьми сюжета и героев произведения.

Поскольку мы не можем охватить всех людей в данном исследовании, то необходимо ограничить изучаемую совокупность, следовательно, выделяем следующий эмпирический объект – читающие совершеннолетние россияне, пользующиеся социальными сетями и состоящие в тематических сообществах. О конкретной выборке, представляющей нашу генеральную совокупность, речь пойдет в следующей части работы.

Таким образом, перед рассмотрением основных задач и гипотез исследования необходимо также обозначить его цель, которую помогает достичь каждая конкретная задача. В данном случае мы ставим себе целью выявить различные аспекты отношения к бумажной и электронной книге, посредством изучения практик их использования. Преимущественно будут рассматриваться бумажные книги, поскольку они составляют основу всего исследования, но и электронные в некоторых аспектах не затронуть нельзя, например, в отношении вопроса выбора носителя книги.

В рамках первой задачи необходимо классифицировать людей в зависимости от их отношения к книге как к материальному объекту (вещи). Предположительно выделяется три типа россиян в зависимости от их отношения к книге как к материальному объекту. Первый тип – прагматики, у которых книга всегда под рукой и служит для непрерывного обучения или работы (книга вся в пометках и поношена), второй – ценители эстетики книги, которые придирчивы к внешнему виду книги, он должен быть идеальным, третий – безразличные к внешнему виду книги люди, но в то же время не использующие ее для достижения практических целей.

"Бытовое обращение с книгой" – термин, который С. Лякишева ввела в статье "Библиотечно-усадебная культура: развитие научной проблемы" также подходит под описание практик, которые определяют такого рода отношения с книгой. Рисование, записи на страницах домашней книги, загибание страниц – действия над книгой, которые были упомянуты в статье, также способствовали разработке данной задачи и составления анкетного вопроса для ее решения [16, с. 80].

Поскольку мы не можем интерпретировать наверняка некоторые действия над книгой как отрицательные, например рисование или оставление записей и комментариев на страницах, то, выделяя типологию читателей, необходимо руководствоваться целями тех самых действий. Вторая статья, которая также помогла в разработке данной задачи и гипотезы – "Специфика нового читателя", автором которой является А.В. Иванова. На основании статьи выделяются три основных типа читателей, основанных на том, как они читают книгу и как обращаются с ней (в ключе книги как объекта): прагматик, утилитарист и эрудит [17, с. 5]. Данные типы способствовали разработке собственной типологии.

Во второй задаче требуется категоризировать жанры книг в зависимости от того, в каком виде их предпочитают читать (бумажном или электронном) и сравнить их относительно пола респондентов. Также выявить наиболее популярные жанры книг для мужчин и женщин. Гипотеза такова, что у мужчин и женщин предпочтения относительно выбора жанров для чтения в бумажном и электронном виде схожи, то есть для одних и тех же жанров для обоих полов выбор способа чтения книги (бумажного или электронного) не различается. Предполагается, что для женщин наиболее популярными являются детектив и любовный роман, а для мужчин лидирующую позицию занимает боевик. Наименее же популярным жанром для обоих полов является поэзия. Дан-

ная гипотеза была сделана на основании статьи Б. Дубина и Н. Зоркой "Книги в современной России: выпуск, распространение, чтение", где утверждалось, что наблюдается явная дифференциация по полу именно по перечисленным жанрам [18, с. 10]. Представленный в конечном счете набор жанров литературы был также отчасти заимствован из доклада Роспечати от 2015 года "Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития" [19, с. 85].

Сама идея проведения текущего анализа вызвана тем, что в связанных с книгами статьях идет речь и о различии жанровых предпочтений между мужчинами и женщинами, о том, что электронная книга укрепляет свое положение на рынке по сравнению с бумажной, а также об отличии чтения с бумажного или электронного носителя. Проблема заключается в том, что, несмотря на данные различия, почему-то не исследуют, какие жанры читают в бумажном, а какие преимущественно в электронном виде.

Третья задача направлена на выявление уровня вовлеченности россиян, пользующихся социальными сетями, в процесс чтения книг. Предполагается, что читатели средне вовлечены в процесс чтения книги, они уделяют внимание исключительно сюжету – представленным событиям, их хронологии, действующим персонажам, изложенной истории событий – без "лирики", достаточно функционалистски. Включение данной задачи в исследование было вызвано тем, что при чтении электронных книг, широкое распространение которых не ставится под сомнение, чтение становится поверхностным, отрывочным; основной тренд нынешнего чтения – функционалистское, которое направлено на извлечение из текста "информации". Данные утверждения, безусловно, побуждают к включению текущей задачи в исследование для их проверки на обозначенной ранее генеральной совокупности [20, с. 73].

В следующей задаче необходимо выявить зависимость выбора того или иного носителя книги от возрастной группы респондентов. Гипотетически, для разных возрастных групп наблюдается различная склонность к выбору носителей книг. Люди старших возрастов выбирают бумажную книгу чаще, чем молодые; молодые, в свою очередь, чаще взрослых выбирают электронный носитель. Данная гипотеза была выдвинута на основании пресс-выпуска исследовательской компании ВЦИОМ "Как пройти в библиотеку", где утверждалось, что электронные версии в большей степени выбирает молодежь (34% от 18 до 24 лет), а среди пожилых (3% старше 60 лет) [21]. В нашем же случае разделение по группам было осуществлено другим образом. Согласно ранее проведенному опросу подписчики тематических Telegram каналов (наша выборка) – достаточно молодые люди, и поэтому было решено разбить на несколько иные возрастные интервалы: от 18 до 23 лет – молодые люди, которые предположительно проходят обучение в бакалавриате/магистратуре), от 24 до 35 лет – молодые специалисты (окончили вуз), старше 35 лет – люди среднего возраста и пожилые.

В рамках пятой задачи требуется выявить наиболее значимые причины выбора бумажных книг, а не электронных. Мы предполагаем, что наиболее распространенной причиной чтения бумажных книг является стремление прочесть книгу в тактильном соприкосновении с ее содержанием, а наименее – покупка книг на всякий случай, чтобы была в домашней библиотеке. Некоторые характеристики, которые являются достоинствами бумажной книги, и зачастую являются причинами выбора, были почерпнуты из статьи И. Галицы и Е. Индутьной "Традиционная книга в XXI веке: конкуренция и взаимодействие с электронными средствами информации". Например, среди таковых выделялась причина о прочтении книги непосредственно в тактильном соприкосновении с ней (речь идет про

шрифт, страницы, иллюстрации). Также в противопоставление обезличенности электронной книги, которая также упоминалась в данной статье, имеет смысл говорить об атмосфере, которую создает бумажная книга – еще об одной причине, выведенной из работы И. Галицы и Е. Индутьной [20, с. 72].

Шестая задача направлена на выявление того, как социальный статус определяет вовлеченность в процесс чтения книг. Чем выше доход в семье респондента, достигнутая им ступень образования и количество человек в семье, тем больше он склонен к глубокому и осмысленному чтению. Величина населенного пункта, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на вовлеченность в процесс чтения книги. Для работающих людей уровень вовлеченности будет несколько выше, поскольку чтение книг – их осознанный и самостоятельный выбор в отличие от людей, которым необходимо читать книги для того, чтобы успешно проходить обучение в школах, вузах или профессиональных технических учреждениях. Согласно Дубину и Зоркой на чтение наиболее заметно оказывают влияние два основных фактора – семейный и социально-профессиональный статус, однако, также упоминается еще наличие влияния со стороны среды, в которой живет человек (урбанизированной) [18, с. 8]. Тем не менее в статье не указывалось, какое именно влияние, и, в рамках данного исследования, было решено включить такую задачу в исследование. Поскольку в статье были упоминания таких характеристик, как благосостояние, потребительский статус, уровень образования и других как компонентов вышеперечисленных статусов, то необходимо составлять анкетный вопрос с учетом этих наработок.

В качестве седьмой задачи необходимо выявить наличие или отсутствие связи между временем чтения книг и свободным временем совершеннолетних россиян, пользующихся социальными сетями. Гипотетически предполагается, что будет наблю-

даться обратная связь между временем, затрачиваемым на чтение книг, и свободным временем совершеннолетних россиян, пользующихся социальными сетями (книги в это время не включаются).

В пресс-выпуске "Досуг россиян: развлечения и увлечения", который был выпущен на основании данных опроса "ФОМнибус", проведенного в 2012 году, рассматривается некий фонд свободного времени россиян, и его компоненты, однако, четкие рамки не выделяются [22]. В аналогичном исследовании ВЦИОМа про досуговые практики россиян приводится некоторая сравнительная характеристика, чем занимаются в свободное время россияне сейчас, и чем они занимались в 2010 г. – чтение занимает свободного времени у четверти россиян и в 2010, и в 2017 гг., то есть значимой динамики не наблюдается [23]. В то же время в опросе ФОМа не говорится о том, больше или меньше люди стали отдыхать за последние 7-8 лет. При дальнейшем размышлении возникает вопрос о том, как меняется количество часов, затрачиваемых на чтение, при изменении количества свободного времени, который и стал основой данной задачи.

Последняя задача нацелена на выявление содержания и символическое назначение домашней библиотеки респондентов. На основании содержания, функции которого выполняет домашняя библиотека, и ее

размеры, предположительно выделяются два основных типа: "классический" и "современный". Классический характеризуется сравнительно большим объемом и служит для духовного обогащения, в современном же – количество книг небольшое, и они служат для саморазвития, получения практических знаний и полезной информации. Т.Б. Маркова в статье "Чтение как составная образа жизни: бумажная книга и/или электронный текст" говорит об неактуальности книг и книжных шкафов в нынешнее время, из чего заключаем необходимость составления некоторых портретов домашних библиотек, выделения наиболее характерного из них. Маркова предполагает, что маленькая библиотека – то, что имеет нынешний читатель, но есть и обширные домашние библиотеки, которые сохранились из-за преемственности культуры поколений [9, с. 9]. На этапе проведения анализа необходимо понять, какие типы выделяются, какой из них самый популярный, и чем они характеризуются.

Таким образом, в данной части была разработана основная программа проводимого исследования. В таблице ниже представлена интерпретация и операционализация концептов, которые были использованы в задачах и гипотезах, а также на рисунке структурная схема всего исследования.

Операционализация основных понятий (табл., рис.)

Таблица – Задачи и гипотезы, операционализация и интерпретация основных концептов исследования

Задача	Гипотеза	Концепт	Показатели	Индикаторы
1	2	3	4	5
Классифицировать людей в зависимости от их отношения к книге как к материальному объекту	Предположительно выделяется три типа россиян в зависимости от их отношения к книге как к материальному объекту. Первый тип – прагматики, у которых книга всегда под рукой и служит для непрерывного обучения или работы (книга вся в пометках и поношена); второй – ценители эстетики книги, которые придирчивы к внешнему виду книги, он должен быть идеальным; третий – безразличные к внешнему виду книги люди, но в то же время не использующие ее для достижения практических целей	Отношение к книге как к материальному объекту	Бережное обращение с бумажными книгами	Предпочтение твердого переплета мягкому с целью сохранить обложку книги
				Загибание углов страниц
				Пометки ручкой на страницах
				Выделение отдельного места для книги при транспортировке (например, чтение в транспорте)
				Заклеивание порванных страниц или мягкой обложки
				Бережное отношение к чужим книгам
				Использование обложек для книг

1	2	3	4	5
				Отношение к рисующим в книгах людям Заламывание корешков книг Использование книги как подставки для еды Оставление открытых книг страницами вниз
Категоризировать жанры книг в зависимости от того, в каком виде их предпочитают читать (бумажном или электронном) и сравнить их относительно пола респондентов. Также выявить наиболее популярные жанры книг для мужчин и женщин	У мужчин и женщин предпочтения относительно выбора жанров для чтения в бумажном и электронном виде схожи, то есть для одних и тех же жанров для обоих полов выбор способа чтения книги (бумажного или электронного) не различается. Предполагается, что для женщин наиболее популярными являются детектив и любовный роман, а для мужчин лидирующую позицию занимает боевик. Наименее же популярным жанром для обоих полов является поэзия	Категории жанров книг	Преобладающий способ чтения того или иного жанра	Чтение отдельных жанров в бумажном виде или на электронном носителе
Выявить уровень вовлеченности россиян, пользующихся социальными сетями, в процесс чтения книг	Читатели средне вовлечены в процесс чтения книги, они уделяют внимание исключительно сюжету - представленным событиям, их хронологии, действующим персонажам, изложенной истории событий - без "лирики", достаточно функционалистски	Уровень вовлеченности в процесс чтения книги	Осмысление идей книги	Перечитывание строк с целью более глубокого понимания изложенных идей, логических заключений Проведение параллелей с реальностью Формирование собственных умозаключений Обсуждение идей книги с другими людьми
			Способ чтения текста	«Перепрыгивание» через строки Пропуск художественных описаний
Выявить зависимость выбора того или иного носителя книги от возрастной группы респондентов	Для разных возрастных групп наблюдается различная склонность к выбору носителей книг. Люди старших возрастов выбирают бумажную книгу чаще, чем молодые; молодые, в свою очередь, чаще взрослых выбирают электронный носитель.	Выбор носителя книги	Частота использования бумажной книги Использование электронной книги	Количество часов, затрачиваемых в неделю на чтение бумажной книги Количество часов, затрачиваемых на чтение с Интернет-источников/электронных книг
		Возрастная гр.	Возраст	Полное число исполнившихся лет
Выявить наиболее важные или актуальные причины выбора бумажных книг, а не электронных	Наиболее распространенной причиной чтения бумажных книг является стремление прочесть книгу в тактильном соприкосновении с ее содержанием, а наименее – покупка книг на всякий случай, чтобы была в домашней библиотеке.	Причины выбора бумажных книг	Коллекционирование Признание других людей Бесцельная покупка Любовь к процессу выбора книги Тактильное восприятие книги Создание атмосферы Возвращение к заповнившимся стр.	Стремление создать серию книг Стремление получить восхищенные отзывы окружающих людей Стремление купить книгу просто так, чтобы была Стремление отойти от суетных повседневных дел в процессе выбора книги Стремление получить удовольствие от тактильного соприкосновения с книгой Стремление погрузиться в атмосферу, которую создает бумажная книга Стремление читать и перечитывать книгу, взяв ее в любое время с полки

1	2	3	4	5
Выявить, как социальный статус определяет уровень вовлеченности в процесс чтения книги	Чем выше доход в семье респондента, достигнутая им ступень образования и количество человек в семье, тем больше он склонен к глубокому и осмысленному чтению. Величина населенного пункта, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на вовлеченность в процесс чтения книги. Для работающих людей уровень вовлеченности будет несколько выше, поскольку чтение книг – их осознанный и самостоятельный выбор в отличие от людей, которым необходимо читать книги для того, чтобы успешно проходить обучение в школах, вузах или профессиональных технических учреждениях	Социальный статус	Доход	Общий доход в месяц
				Способность приобретать разного рода товары и услуги
			Размер семьи	Количество человек в семье
			Образование	Достигнутая ступень образования
			Занятость	Вид текущей деятельности
			Место жительства	Тип населенного пункта по численности населения
Выявить наличие или отсутствие связи между временем чтения книг и свободным временем совершеннолетних россиян, пользующихся социальными сетями	Будет наблюдаться обратная связь между временем, затрачиваемым на чтение книг, и свободным временем совершеннолетних россиян, пользующихся социальными сетями (книги в это время не включаются)	Уровень вовлеченности в процесс чтения книги	Стремление к глубокому осмыслению прочитанного	Акцентирование внимания на отдельных частях текста
				Проведение параллелей с реальной жизнью
				Склонность развивать идеи автора и формировать собственные выводы
				Обсуждение книг с другими людьми или их долгое самостоятельное осмысление
			Способ чтения текста	«Перепрыгивание» через строки
				Пропуск художественных описаний
Выявить наличие и символическое назначение домашней библиотеки респондентов	На основании содержания, функции которую выполняет домашняя библиотека, и ее размера, выделяются два основных типа: «классический» и «современный». Классический - характеризуется сравнительно большим объемом и служит для духовного обогащения, в современном же - количество книг небольшое, и они служат для саморазвития, получения практических знаний и полезной информации	Временные затраты на досуг	Свободное время	Количество свободного времени в день (время вне учебы/работы, а также сна, еды и прочего).
			Время на чтение бумажных книг	Количество часов, затрачиваемое на чтение бумажной книги в неделю
			Время на чтение эл. книг	Количество часов, затрачиваемое на чтение электронной книги в неделю
Выявить содержание и символическое назначение домашней библиотеки респондентов		Содержание и символическое назначение домашней библиотеки	Социальная функция домашней библиотеки	Содержание домашней библиотеки респондента (книги, которые имеют особое значение)
				Количество книг в домашней библиотеке
				Комплексный портрет домашней библиотеки (выбор одного из предложенных описаний библиотек)

Заключение. Таким образом, основной целью данной работы было выявить различные аспекты отношения к бумажной и электронной книге, посредством изучения практик их использования. В ходе обзора литературы по чтению и книжной тематике, а также трендов в сфере продажи и покупки бумажных книг было выявлено, что в современном мире люди стали читать более поверхностно и переходить на электронные издания ввиду ускоряющегося темпа жизни и появления технологий, которые могли бы покрыть недостатки печатных изданий. Из этих фактов следует и актуаль-

ность текущей темы: бумажная книга теряет свои позиции, а электронная – наоборот, завоевывает, что говорит об отсутствии некоего баланса между ними в данный момент.

В качестве рассматриваемой социальной группы были читающие совершеннолетние россияне, пользующиеся социальными сетями. В целом, как было выявлено, данную группу составляют достаточно молодые люди, большая часть которых возраста 35 лет и моложе (около 85%).

В ходе решения задач было выявлено, что по отношению к книге как объекту выделяются два типа людей: первые – думают о

Рисунок – Структурная схема исследования

сохранности книги заранее, однако, ввиду того, что их книга более надежная, они используют ее более функционалистски; вторые же – бережливы во время использования бумажной книги, но не обеспечивают заранее защиту от быстрого износа, из-за чего вынуждены время от времени чинить свою книгу. Большинство людей из рассматриваемой социальной группы предпочитают читать электронную книгу, однако, более "классические жанры" все также читаются чаще в бумажном виде (для мужчин и женщин также отличаются жанры, которые читаются в бумажном и электронном видах). Было обнаружено различие в наиболее популярных жанрах для обоих полов: для женщин самыми популярными являются классическая и образовательная литература, в то время как для мужчин – абсолютным "лидером" является образовательная литература.

Для исследуемой группы выявлена средневысокая вовлеченность в процесс чтения книги, которая находится на уровне от 9,17 до 9,47 по 12-балльной шкале (приводя к пятибалльной следует говорить об интервале от 3,82 до 3,95). Также было выявлено, что уровень вовлеченности в процесс чтения книг не зависит от социального статуса рес-

пондентов. Количество часов, которые тратят люди на чтение бумажной книги, не зависит от их возраста, в то время как, парадоксально, группа людей от 18 до 23 лет читает электронные книги меньше, чем представители более старших возрастов.

Говоря о наиболее популярных причинах выбора бумажных книг, а не электронных следует выделить следующие: любовь к тактильному соприкосновению, возможность брать книгу в любой момент с полки и желание чувствовать атмосферу имеют место у одинаковой доли читающих совершеннолетних россиян, пользующихся социальными сетями (их предпочитают от 49,7% до 52,2% представителей исследуемой социальной группы).

От количества свободного времени не зависит количество времени, которое затрачивается на чтение книг, что ставит под сомнение позиции о том, что занятые люди меньше читают книги.

Выявлено три основных типа домашних библиотек: первая – имеет достаточно большой объем, в которой очень много художественной и учебно-профессиональной литературы, а также имеющая особый статус семейной реликвии; вторая – маленькая по объему домашняя библиотека, выполняю-

щая преимущественно эстетическую функцию; третья – библиотека среднего объема, в которой очень много высокоинтеллектуальной литературы, и служащая для постоянного развития и серьезной работы над собой. Самым популярным типом в нынешнее время является второй.

Таким образом, в современных практиках чтения, действительно, можно выделить некоторые изменения по сравнению с теми, что имелись раньше: в исследуемой нами группе люди читают и бумажные, и электронные книги, однако, делают выбор в пользу второй. Переход от "советской" библиотеки к современному типу также является достаточно очевидным: у большинства сейчас нет огромных книжных шкафов, "набитых под завязку" классической литературы, малый объем, который может быть и был вызван появлением электронных изданий, характерен почти что для половины представителей исследуемой социальной группы. Однако в сравнении с электронной книгой, бумажная служит для того, чтобы действительно погрузиться в мир чтения, а не просто считывать информацию, поэтому люди сейчас и выбирают ее именно для создания неповторимой атмосферы.

Примечания:

1. Петровская Е. В. Кризис чтения или кризис качества чтения? // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2007. – №10.
2. Кризис чтения: энергия преодоления : сб. науч.-практ. мат.-лов / ред.-сост. В.Я. Аскарова. – М. : МЦБС, 2013. – 320 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М. : Республика, 2006.
4. Статистические данные российской книжной палаты. 2012-2017.
5. Исследовательский холдинг Ромир. Россия все больше читает с экрана. – 2013.
6. Статистические данные Фонда Общественного Мнения. 2015.
7. Выговская В.А. Социокультурные критерии выбора бумажных книг на фоне активного развития электронного книгоиздания // *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*. – 2013. – № 1. – С. 35-39.

8. Гудова М. Ю. Культурная практика досугового чтения в современной информационной культуре // *Теория и практика общественного развития*. – 2012. – №12.
9. Маркова Т.Б. Чтение как составная образа жизни: бумажная книга и/или электронный текст // *Библиосфера*. – 2013. – № 4. – С. 7-15.
10. Зоркая Н. Чтение в контексте массовых коммуникаций // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2003. – №2.
11. Чернова В.Е. Структура чтения российского читателя в условиях глобализационных процессов // *Культурно-образовательная деятельность библиотек и музеев в региональных измерениях*. – 2015. – С. 132-136.
12. Огурцова Н.А. Традиционная бумажная книга в современном социокультурном пространстве / Система ценностей современного общества. – 2011. – №19. – С. 221-226.
13. Штоляков В.И. Бумажные книги или "читалки" // *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*. – 2016. – № 1. – С. 103-105.
14. Самохина М. М. Чтение молодежи: XXI век (по результатам исследований 2001-2011 гг.). – 2011.
15. Алексеевский М. Д. Домашние библиотеки в современной России: практики хранения и систематизации прочитанных книг // *Вестник Марийского государственного университета*. – 2014. – №3 (15).
16. Лекишева С. И. Библиотечно-усадебная культура: развитие научной проблемы // *Библиосфера*. – 2013. – №4.
17. Иванова А. В. Специфика нового читателя // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2014. – №1.
18. Дубин Б., Зоркая Н. Книги в сегодняшней России: выпуск, распространение, чтение // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. – 2005. – №5.
19. Григорьев В. В. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. – М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2015.
20. Галица И. А., Индугная Е. И. Традиционная книга в XXI веке: конкуренция и взаимодействие с электронными средствами информации // *Экономическое возрождение России*. – 2009. – №4. – С. 71-81.
21. ВЦИОМ И. Как пройти в библиотеку. – 2015.
22. ФОМ. Досуг россиян: развлечения и увлечения. – 2013.
23. ВЦИОМ И. А на досуге мы танцуем буги-вуги? – 2017.

Maslova Tatiana Fedorovna, DSc of Sociology, Professor of Department of Additional Education

Smagina Maria Victorovna, PhD of Sociology, Vice-Chancellor for the Educational Work

Stavropol State Teachers' Institute, Stavropol

The article reveals the concept of sociocultural context as a space of reality, containing the conditions and factors of socialization of the individual; Reflects the methodological situation of the study of this phenomenon, which represents a set of information and theoretical judgments about the state of modern society, the transformation of the unity of cultural and social in the activities of social actors; Reveals the features of modern modernization processes containing social risks of socialization; determines the essence of safe socialization in management strategies.

Keywords: sociocultural context; methodological situation; socialization; socialization risks; safe socialization.

DOI 10.24923/2305-8757.2020-4.9

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ БЕЗОПАСНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

УДК 316.74

БАК 22.00.04

В статье раскрывается понятие социокультурного контекста как пространства реальности, содержащей условия и факторы социализации личности; отражается методологическая ситуация исследования данного феномена, представляющая совокупность сведений и теоретических суждений о состоянии современного общества, преобразовании единства культурного и социального в деятельности социальных акторов; раскрываются особенности современных модернизационных процессов, содержащих социальные риски социализации; определяется сущность безопасной социализации в стратегиях управления.

© Маслова Т.Ф., 2020

© Смагина М.В., 2020

Ключевые слова: социокультурный контекст; методологическая ситуация; социализация; риски социализации; безопасная социализация.

В социогуманитарном знании центральной проблемой, затрагивающей предметную область социализации, в ходе которой человек усваивает знания, нормы поведения и нравственные ценности, приобретает опыт, рассматривается характер и результаты влияния условий жизни личности на ее развитие. Связывая социальные условия с интересами индивида, К. Маркс отмечает, что через социальный интерес осуществляется обратная связь – от субъекта к его социальному поведению. В теории Э. Дюркгейма роль и поведение индивида в социальной реальности определяется социальным фактом как квинтэссенцией внешнего социального мира. По мнению Э. Фромма, социальное окружение является не просто условием, но важнейшим фактором развития личности.

Во взаимосвязи личности и среды исследователи рассматривают социальный контекст, имея в виду факты социального и культурного характера, объективирующие реальность (процессы, ситуации, события, отношения), в которой происходит процесс социализации. Подчеркивая значимость социального контекста в системе отношений, Г. Гаркинфель говорит, что смысл

МАСЛОВА Татьяна Федоровна, доктор социологических наук, профессор кафедры Дополнительного образования

СМАГИНА Мария Викторовна, кандидат социологических наук, проректор по учебной работе

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

любого взаимодействия вытекает из его социального контекста. По действиям индивида в локальных контекстах можно представить социально-культурную квинтэссенцию социальных взаимодействий и характер коммуникации [8, 243]. В трактовке В.Е. Кемерова, социальный контекст предполагает интерпретацию социальности в ее деятельностно-практических формах, бытийных основаниях и структурах. Центральное место здесь занимает уточнение факторов, детерминирующих состояние объективной реальности, жизненной ситуации членов общества, с одной стороны, и результирующих фактов, – с другой. Это предполагает определение наиболее зримых и значимых форм реальности (процессы, явления, события и т.д.), влияющих на состояние целостности общества современного периода [7, 4].

Обобщая приведенные положения, можно отметить, что непрерывность динамической взаимосвязи человека с социумом обуславливает актуальность рассмотрения состояния и изменения среды социализации как социокультурного пространства, в которой стихийно или с различной степенью организованности и периодичности осуществляется процесс объективации общественных и межличностных отношений в рамках определенной культуры. Такое представление позволяет выделить в качестве объекта научного анализа социальный, а точнее, – социокультурный контекст социализации личности.

Социокультурный контекст социализации можно трактовать как пространство и время, наполненные социально значимыми событиями и отношениями особой плотности, оказывающими воздействие на содержание, формы и результаты социализации. Сложность, многофункциональность и динамичность данного феномена проявляется в том, что его социальный, культурный, организационный элементы не только непосредственно влияют на формирование аксиологической сферы личности, но побуждают

общество к определению социальных ориентиров и проектированию воспитательных воздействий в управлении процессом социализации.

Исследовательские подходы в изучении социокультурного контекста социализации личности, с нашей точки зрения, следует искать через осмысление и восприятие *социального времени* (П.А. Сорокин и Р. Мертон), связанного с конкретным периодом выполнения общественных функций индивидами и группами. Это особенно актуально для постановки исследовательской задачи, которая в настоящий период связана с социальными рисками, порождаемыми модернизационными и трансформационными изменениями в обществе. "Поскольку социальная жизнь обременена нарастающей чередой больших и малых рисков, опасность, рискозависимость становятся нормами повседневной жизни. Обществом овладевает апатия (астенический синдром) – привыкание к жизни в экстремальных условиях и чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска суть две стороны одной медали. Ответом на этот вызов является всемерное возрастание роли силовых структур, призванных обеспечить безопасность общества и государства. Не развитие, а безопасность становится главным ориентиром деятельности социальных акторов и социальных институтов", – отмечает О.Н. Яницкий [15, 31].

Потребность изучения и решения проблемы безопасности социализации в современных условиях повышенного риска вызывает необходимость осмысления способов познания, определяющих связь образа действительности с научными исследованиями. В структуре теоретико-методологической ситуации исследования социокультурной реальности выделяются фазы познания, которые охватывают процессы, явления, ситуации, характерные для общества рассматриваемого периода, "развертывание" адекватных его состоянию прикладных исследовательских практик, теоретические

подходы и обобщения, интерпретирующие состояние общества. Это: социально-контекстная фаза, отражающая совокупность событий, ситуаций, тенденций социальных отношений; проблемно-исследовательская, основу которой, в нашем понимании, составляют исследовательские практики как реакция на социальные катаклизмы, требующие устойчивости социальных акторов перед лицом внешних и внутренних противоречий; дескриптивная, отражающая теоретические подходы, понятийный аппарат и методы исследования социокультурной реальности, адекватные реалиям современного соотношения социального, культурного и личностного; проективная фаза, воспроизводящая стратегии и методы, нацеленные на получение инструментального социологического знания о проявлениях реальности взаимодействующих субъектов в определенных ситуациях.

Остановимся на характеристике дескриптивной фазы анализа социокультурного контекста. В этой фазе познания формируются теоретико-методологические подходы анализа социальной реальности. Ставя в центр внимания сегодняшнее общество, целесообразно отметить совокупность концептуальных положений, отражающих качественные изменения бытия и сознания современного человека, вызванные процессами его трансформации и модернизации (Э. Гидденс, С. Лаш, Б. Тернер и др.). В науке отмечается, что модернизация, представляя собой процесс усовершенствования, сопровождается прогрессивными достижениями в обновлении объекта, приведением его в соответствие с новыми требованиями и нормами, условиями и показателями качества, с одной стороны, а также – рисками неопределенности (непредвиденности) последствий изменений, последствий изменений в неравновесной социальной системе, – с другой. Признание неоднозначности эффектов модернизации обращает внимание на их негативные стороны (риски) с точки зрения проблемы сбалансированности отно-

шений и действий в социуме и ориентиров в управлении процессом социализации.

Современное восприятие риска акцентирует внимание на его вероятности в непредсказуемом социальном пространстве, или "обществе риска". В концепции общества риска У. Бека основным отличием современных рисков называется их тесная связь с настоящим и будущим; большая подверженность рискам низших ("слабых") слоев населения, "однако последствия риска могут затронуть и тех, кто оставался в выигрыше от них, – такую закономерность социолог называет "эффектом бумеранга" [2, 19]. Современность рассматривается не только как источник различных благ (богатства, плюрализма, либерализма и др.), но и как источник опасностей (экологических проблем, безработицы, распада семейных структур и групповых отношений) [15, 18]; как источник угроз нормальному социальному положению личности.

Приведем примеры нарастания лишь некоторых рисков, проявляющихся в процессе социализации подрастающего поколения в современном обществе (А.Г. Асмолов) [1]:

- отсутствие четкой стратегии молодежной политики, поддержки детских, подростковых и юношеских общественных объединений, направленных на решение задач личностного самоопределения и формирования идентичности молодежи;
- кризис семьи, находящий свое выражение в дезадаптации родительской семьи (неполная семья, конфликтная семья, семья с антисоциальной атмосферой), семейной дестабилизации и неэффективном выполнении семьей функции социализации и индивидуализации личности ребенка;
- рост социального сиротства;
- феномен детского нищенства;
- феномен ранней коммерциализации подростков, обуславливающий рост нарушений морального и нравственного развития подростков и вероятность взаимодействия с криминальными слоями общества;

- нарастание агрессивно-насиленно-го поведения подростков;
- рост детской и подростковой преступности; численности детей – жертв насилия;
- снижение возрастной границы раннего алкоголизма, распространение наркомании и токсикомании;
- личностная незрелость, включая моральную незрелость;
- неадекватные стратегии совладания подростков и молодежи с трудными жизненными ситуациями и т.д.

Отсюда – современная ситуация, связанная с особенностями социокультурного контекста социализации личности, представляет насущную потребность ее анализа с точки зрения безопасности. Принимая во внимание познавательные особенности социокультурной реальности, обусловленные изменением культурных форм и моделей, спецификой социальных процессов и явлений, личностных преобразований, в исследовании социокультурного контекста социализации требуется теоретический анализ детерминант, определяющих ее результаты в современных условиях. Отметим, что в отечественной социологии активно формируется и поступательно развивается методология анализа общественных изменений как в русле общесоциальных и собственно российских реалий. При этом наиболее продуктивным выступает *социокультурный подход*. Его специфика состоит в том, что он интегрирует три фундаментальных измерения человеческого бытия: человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности. Каждый блок этой триады не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей [10, 5]. Данный подход позволяет акцентировать внимание на социокультурном характере современных процессов социализации и интеграции личности в систему общественных отношений, выделяя ее активность, субъектность.

В *деятельностно-структурной концепции трансформационного процесса* (Т.И. Заславская) разные слои российского общества в ходе изменений социальной структуры рассматриваются уже не как ее элементы, а как акторы (действующие субъекты); поэтому выявляется их инновационно-реформаторский потенциал, особенности трансформационной деятельности, типы поведенческих стратегий и т.д. Трансформационный процесс охватывает все основные структуры и процессы системы, и потому не сводится к реформам сверху, но и учитывает позиции социальных акторов.

По мнению Н.И. Лапина, преобразующим этот процесс будет в результате возникновения и включения в трансформирующуюся систему новых компонентов, обеспечивающих ее изменение, где центральное место занимают гуманистические ценности и нормы деятельности; дифференциация социальных структур, их плюрализация, расширяющиеся пространства свободного выбора граждан [10, 5]. Согласно данному положению, пространство "выбора граждан" и их социализации предполагает наполнение гуманистическими ценностями и инновационными преобразованиями социальных структур, социальной активностью, что требует развития соответствующих социальных качеств личности.

В исследовании социального компонента социокультурного контекста социализации следует обратиться к анализу состояния групп, чей статус зависит от изначального неравенства по качествам, снижающим социальные шансы. В этом смысле теоретико-методологическим основанием нашего исследования определяются классические и современные *стратификационные теории*, (Б. Барбер, К. Дэвис, У. Мур, Д. Тройман и др.), рассматривающие ресурсы индивида в качестве его капитала. Социальный капитал измеряется прочностью и престижностью социальных связей субъектов, уровнем включенности в общественные структуры, социальные и информационные сети,

богатством и насыщенностью образа жизни; уровнем образования, ценностью жизненного опыта и т.д. Данные измерения отражают степень и состояние связи индивида с социумом и его устойчивости в нем.

В числе наиболее перспективных концепций в исследовании социокультурной реальности и контекста социализации можно считать *концепцию социальных эксклюзий* (Ч. Гора, П. Абрахамсон, М. Вульф и др.). В отличие от традиционного изучения бедности как статичного явления (недостаточного уровня потребления), эта концепция акцентирует внимание на динамических аспектах неравенства. Строго говоря, "социальная эксклюзия может быть связана также с культурно-этическими, экономическими, религиозными обстоятельствами", – отмечает Ф.М. Бородкин [3].

Исследование факторов социальной эксклюзии обуславливает понимание природы социокультурного контекста социализации, ситуаций, стимулирующих и ограничивающих этот процесс; теоретическое обоснование неравенства, отход от неравенства как ценностно-негативного понятия; индивидуализации жизненных и культурных стилей, поиска новых идентификаций взамен утраченных [6, 250] и т.д. Хотя социальная идентификация в контексте проблемы "свой" – "чужой" опирается на генетические механизмы, она представляет собой культурное взаимодействие, основными признаками которого являются: символизм, возможность трансляции образцов поведения посредством социализации [6, 250]; изначальные ограничения, обусловленные прескриптивными, или предписанными статусами [5]; качества личности, которые детерминируют первичные (специальные) проблемы равенства/неравенства, эксклюзии, которые "наращивают проблемы как вторичные" [4]. Социальные проблемы в таких случаях сопровождаются социокультурными и психологическими противоречиями, травмирующими личность и социум. Это достаточно подробно зафиксировано

в *парадигме культурной травмы* (П. Штомпка), согласно которой зарождается напряженность между прежними культурными предписаниями (ценностями, значениями, символами, идеями и т.п.) и возникающей культурой, адекватной новым условиям социума. Следует согласиться с тем, что "...культурную травму можно рассматривать как стимул культурной консолидации или конструирования. С одной стороны – распад привычного образа мира влечет массовую дезориентацию, с другой, – начинается поиск новых культурных моделей, где "Успешные биографии... являют собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции" [6].

На основе этих позиций, определяются направления поиска инновационных культурных конструктов в исследовании социализации, разворачивающейся в условиях трансформирующегося общества, где активность социального актора имеет определяющее значение.

Можно отметить то, что исследовательские подходы в анализе современного социокультурного контекста социализации личности отражают специфику этого процесса, относительно его результатов в условиях нормативности социальных рисков в жизненном мире субъектов. Базисом для изучения проблем отрицательных влияний социума на личность считается *экосистемный подход*, разработанный профессором Корнелльского университета У. Бронфенбреннером. Суть подхода заключается в изучении взаимовлияний между развивающейся личностью ребенка и окружающей средой, представленной различными компонентами. Основной мыслью исследователя является то, что процесс социализации моделируется по субъект – субъектному типу. Экологическая система в исследованиях У. Бронфенбреннера представлена в виде системы концентрических структур: микро-, мезо-, экзо- и макроуровня. Элементы каждой из систем могут оказывать прямое или косвенное негативное воздействие на ребен-

ка [8]. Исходя из этого и учитывая тенденции современных трансформаций и модернизаций, обуславливающие негативные последствия, процесс нынешней социализации целесообразно описывать в категориях "безопасная социализация", "группа социального риска" и др.

Термин "группа социального риска" означает "разновидность социальной номинальной группы, объединяющей людей, которые в силу своего социального положения и образа жизни подвержены опасным отрицательным воздействиям и в результате этого представляют угрозу нормальной жизнедеятельности общества" [12, 48]. Исходя из данной трактовки, можно заключить следующее. К группе риска относится категория индивидов, особенно детей, которые вследствие нарушения процесса их нормальной социализации обладают слабой сопротивляемостью к неблагоприятным факторам социальной среды в силу возрастных и психофизиологических особенностей; они объективно (добровольно или нет) находятся в зоне реального или потенциального риска, детерминированного состоянием социального контекста. Отсюда – самосохранение и противостояние негативным влияниям среды на развитие личности представляет своеобразие процесса социализации в современных условиях.

Обеспечение становления комфортного существования личности в условиях социума, содержащего разного рода риски, вызывает необходимость теоретического и практического определения безопасной социализации с потенциалом предупреждения и преодоления рисков. На субъективном уровне безопасная социализация связана с формированием невосприимчивости личности к негативным воздействиям, способности их преодоления; выработкой навыков безопасного поведения, с развитием творческой адаптации к условиям бытия. На объективном – она определяется устойчивостью социальных структур, процессов, отношений и взаимодействий, сохраняю-

щих при всех изменениях свою качественную определенность относительно благополучия и гармоничной интеграции личности в общество.

Данные обобщения основываются на изысканиях многих исследователей. Отмечается, что безопасная социализация заключается в следующем (А.В. Возженикова, В.Д. Гречихина): в развитии творческих сил и способностей ребенка к профилактике рисков, предупреждению и уменьшения вреда себе и обществу; в создании благоприятных условий освоения знаний, умений и навыков, обычаев, норм, ценностей, смыслов, совершенствования мировоззренческой, интеллектуальной, нравственной и психологической готовности ребенка к безопасной социализации; в освоении ребенком материальных и духовных ценностей культуры безопасности в процессе взаимодействия со структурными компонентами культуры как духовной деятельности: мифологией, религией, идеологией, художественной культурой, наукой, спортом и т.д.

Исследователи трактуют безопасную социализацию как создание условий для развития творческих сил и способностей ребенка к профилактике рисков, предупреждению и уменьшению вреда, ущерба себе, другим людям и обществу в целом.

Сторонники другого подхода определяют безопасную социализацию как деятельность социального педагога по включению ребенка в жизнь, способствующую формированию личности, готовой действовать в непредсказуемых (в том числе опасных и экстремальных) условиях, стремящейся к постоянному самосовершенствованию и реализации новых возможностей. Безопасная социализация понимается (М.В. Делягина, В.М. Родачин) как процесс специально организованного творческого межличностного общения ребенка с социальным педагогом, являющимся носителем культуры безопасности. Н.Н. Юдицева определяет безопасную социализацию как составную часть воспитания, рассматривает ее в качестве культу-

ры безопасности в широком и узком аспектах. В широком аспекте воспитание культуры безопасности представляет процесс формирования готовности ребенка к различным видам деятельности (познавательной, физической, коммуникативной и т. д.); к выполнению различных социальных функций (ребенка, гражданина, потребителя и проч.); к присвоению дошкольниками разнообразных видов и фрагментов культуры (мировоззренческой, нравственной, эстетической). Исследователь обращает внимание на то, что поскольку все виды деятельности и сферы жизнедеятельности потенциально опасны (или могут осуществляться в опасных условиях), то формирование любой предметной деятельности является составляющей подготовки к безопасности жизнедеятельности.

В узком аспекте воспитание культуры безопасности – это специальная теоретическая, психологическая и личностная подготовка к безопасной жизнедеятельности, которая осуществляется обычно на материале подготовки к конкретным видам опасных и экстремальных ситуаций, условиям (вредным, опасным) деятельности, результаты которой имеют обобщенный характер и способствуют безопасности в разнообразных конкретных видах и условиях деятельности [13].

Изложенные подходы основаны на понимании соотношения структуры и деятельности, выделяющей ее циклы. Это способствует организации циклов. Структура, трансформируясь, создает те или иные условия для взаимодействия акторов, преобразования и реализации их потенциала как индивидуального, так и социального, что определяет качество социализации. Управление этим процессом происходит согласно особенностям личности и с учетом структурных рамок.

Управление безопасной социализацией отражает организационный аспект социокультурного контекста социализации и предполагает действия, направленные на

сбалансированность ресурсов и механизмов работы институтов всех уровней социальной структуры, обеспечивающих условия для достойной жизни детей, их здоровья, развития и самореализации, социальной защиты.

Обоснование организационной деятельности связывается с оценкой социокультурного контекста на основе сложившихся научных подходов анализа и предполагает: определение реальных и латентных неблагоприятных условий, влияющих на процесс социализации личности опосредованно (состояние социальной стабильности) и непосредственно (функционирование соответствующих институтов); комплексную оценку факторов социализации, обуславливающих состояние: здоровья, полноценного развития, социальной защиты и активности детей; оценку состояния методов воспитательного воздействия: положительного подкрепления нового опыта (позитивная социализация) против насилия и принуждения (негативная социализация); определение способов поддержки институтов социализации.

Таким образом, совокупность подходов, способов, приемов получения адекватных знаний об особенностях социокультурного контекста социализации в условиях современного российского общества раскрывает научные представления о действительности, отражает теоретические подходы к развитию методологии изучения изменений, затрагивающих проблемы интеграции индивидов и групп в общество. Одна из актуальных проблем связана с особенностями и рисками социализации личности в условиях трансформационных и модернизационных изменений.

Социокультурный контекст социализации представляет пространство реальности, наполненное социально значимыми событиями и социальными отношениями в период выполнения общественных функций индивидами и группами; это реальность, воспроизводящая макро-, мезо- и микрофакторы формирования социальных качеств личности. В современном обществе

они (факторы) обусловлены модернизационными и трансформационными процессами, содержащими риски безопасности интеграции личности в социум. В структуре социокультурного контекста социализации выделяются социальный, культурный, организационный компоненты, концентрирующие детерминанты аксиологической и праксиологической сфер личности и ее социальных ориентиров; побуждающие общественную систему к проектированию действий в управлении процессом безопасной социализации.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Стратегии и методология социокультурной модернизации образования [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://gigabaza.ru/doc/97307-p2.html>
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. – 2000. – №3/4.
4. Волков Ю.Е. Социальные отношения и социальная сфера // Социс. – 2003. – №4.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – 152 с.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1996. – 280 с.
7. Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С. 4.
8. Козлов Н.И. Теория экологических систем Ури Бронфенбреннера [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.psychologos.ru/articles/view/teoriya-ekologicheskikh-sistem>
9. Кравченко С.А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2003. – С. 243.
10. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – №3. – С. 5.
11. Общество риска [Электронный ресурс] URL: <http://ponjatija.ru/node/7916>(дата обращения: 11.07.2019).
12. Словарь-справочник по социальной работе / под ред. д-ра ист. наук, проф. Е. И. Холостовой. – М.: Юрист, 1997. – 417 с.
13. Хломов Д.Н., Баклушинский С.А., Казьмина О.Ю. Руководство по оценке уровня развития социального поведения / Рос. Акад. образования, Центр социологии образования. – М., 1993. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://murzim.ru/nauka/pedagogika/28915-teoreticheskoe-obosnovanie-problemy-formirovaniya-socialnyh-kompetency-detey-s-zpr-kak-usloviya-bezopasnoy-socializacii-v-mikrosrede-zhiznedeyatelnosti.html>
14. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – №1. – С. 6-16.
15. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3-35.

Уважаемые авторы!

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа в РИНЦ выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Публикуется за счет средств издательства. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" издается по следующим отраслям наук: 10.00.00 Филологические науки; 17.00.00 Искусствоведение; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политические науки; 24.00.00 Культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии со следующими требованиями.

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки строки, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков.

• **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

• **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

• **Список использованной литературы**, оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• **Рекомендуемый объем материалов** 2–3,2 печ. л. (16–25 полных страниц без учета библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147-158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАСУ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегию журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (*далее* – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутреннее рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*
- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходи

мости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Стоимость печатного экземпляра с учетом почтовой пересылки по РФ (по запросу автора) – 1600 руб./1 экз.

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

4.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:

- 1.1. Фамилия, имя, отчество _____
- 1.2. Ученая степень (при наличии) _____
- 1.3. Ученое звание (при наличии) _____
- 1.4. Место работы _____
- 1.5. Занимаемая должность _____
- 1.6. Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала) _____

- 1.7. Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации) _____
- 1.8. Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов) _____
- 1.9. Название статьи _____

4.2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

4.3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 145, кв. 15. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социологические науки

УДК 316.74

ВАК 22.00.00

Иванов И.И., 2020

Название статьи на русском языке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.